

В.И. Алексеев

**РОЛЬ ЦЕРКВИ
В СОЗДАНИИ
РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

1990

V.I. Alexeev

**THE ROLE
OF THE CHURCH IN
THE FORMATION OF
THE RUSSIAN STATE**
**(The Era from the Mongol Invasion
to Ivan III)**

CRA Millennium Committee
Congress of Russian Americans, Inc.
P.O. Box 818, Nyack, NY 10960
1990

В.И. Алексеев

**РОЛЬ ЦЕРКВИ
В СОЗДАНИИ
РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

**(Период от нашествия татар
до Ивана III)**

Комитет Тысячелетия Крещения Руси
Конгресса русских американцев
Congress of Russian Americans, Inc.
P.O. Box 818, Nyack, NY 10960

1990

**Под Редакцией
Е.А. Александрова и К.М. Калли
При участии Русской академической группы в США
в лице профессоров
Е.Л. Магеровского и А.П. Щербатова**

**Copyright © by the author
All rights reserved**

ISBN 0-9616413-7-1

Library of Congress Card Number: 90-85340

**Printed in the United States of America
Multilingual Typesetting
56 Rockland Lake Park
Valley Cottage, NY 10989**

*Посвящается моей жене,
Людмиле Васильевне,
другу и неизменной помощнице*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Периоды лихолетья занимают в русской истории больше времени, нежели периоды спокойной созидательной и мирной жизни. Время между нашествием татар и правлением Ивана III было одним из таких испытаний для русского народа, его правителей и окормлявшей их православной церкви. Беда пришла не только из Азии, в лице монгольских орд, но и с запада, откуда стала наступать римская церковь. В этой обстановке произошло отторжение русских земель и нанесен ущерб russкости его населения, усилилось раздробление Руси, начался захват ее земель поляками, литовцами, прибалтийскими немцами и шведами. Народ попал под угрозу утраты своей самобытности и чувства единородства Руси и православия. Встал вопрос: быть Руси или не быть? Или, как говорит автор книги проф. В.И. Алексеев: «выживет ли русский народ или растворится среди литовцев, немцев, татар и других народов?»

Для сохранения православия и ограждения его от наступления иноверцев, потребовалось создание центра сопротивления монгольскому игу и западному католицизму. Таким центром, после распада Киевской Руси, стала Москва, правители которой начали трудиться над восстановлением русской государственности, при неустанной помощи православной церкви, ее мудрых архиастырей.

В.И. Алексеев освещает борьбу церкви за восстановление единого сильного государства с 1237 по 1462 год. Эта борьба сопровождалась осложнениями внутреннего и внешнего порядка – ересями,

междоусобными войнами и войнами против нападений иноплеменников. Этот труд поучителен, ибо помимо смутного времени, теперь снова встала во весь рост угроза возрождению русского государства. Это является следствием лихолетья, начавшегося в 1917 году. Оно превзошло все беды, постигшие наш народ за всю его историю. Чуждая идеология, принесенная с запада, основанная на человечоненавистничестве, славянофобстве ее авторов и носителей привела к насильственной мученической смерти не менее шестидесяти миллионов человек, в первую очередь – русских.

Это была катастрофа, ни с чем не сравнимая в истории человечества. Она разрушила русскую национальную государственность, духовность, нанесла невозместимый ущерб благосостоянию народа. Почти полностью были истреблены русская интеллигенция – мозг нации, дворянство и духовенство, окормлявшее православный русский народ без малого тысячу лет. Коммунистическая тирания стремилась выхолостить самосознание русского народа, заменив его интернационализмом.

Книга В.И. Алексеева выходит в начале второго тысячелетия Крещения Руси. Это совпадает с началом перемен в России, освобождающейся от коммунистической тирании. Снова поднимается вопрос: быть или не быть Руси-России? Как показывает история, описываемая В.И. Алексеевым, православной церкви снова предстоит задача стать в первые ряды по восстановлению духовности и веры в свои силы у нашего истерзанного народа.

Участие церкви в восстановлении русской государственности мы видим в эпохе разрухи времен

монгольского ига и наступления католицизма, описанных автором. Лихолетье, начавшееся в 1917 году, и испытания народа продолжаются. Происходят междоусобицы, возникают ереси и несогласия в самой церкви, началось наступление униатства, поощряющего русофобию. Роль церкви велика в этот период неустойчивости и неопределенности. Успешное возрождение русской государственности зависит от соборности церкви. Как и во время испытания, описанного автором, сейчас нависла угроза с запада и потенциальная угроза из Азии. Во имя биологического сохранения восточноевропейского славянства нужно сильное российское государство. Церкви предстоит большая роль в борьбе за сохранение триединой Руси, в составе России, Украины и Белоруссии. История повторяется. Междоусобицы создаются теми же силами, что и в лихолетье 1237-1462 г., что и в смутное время. Уроки прошлого должны помочь силам возрождения на нашей родине, на родине наших отцов и дедов. Эти уроки прошлого с предельной ясностью изложены в труде В.И. Алексеева.

Е. Александров

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда возникает вопрос не только о духовной, но и о государственной роли Православной Церкви в России, то обычно вспоминают о преподобном Сергии Радонежском, Куликовской битве, о Патриархе Гермогене и Смутном времени. Действительно, в обоих случаях мы видим наиболее яркие и драматические примеры участия Церкви и ее святителей в спасении государства и народа в наиболее критические моменты русской истории. Однако нельзя забывать и о менее яркой, не столь драматической, но в целом не менее важной роли Церкви в борьбе за сохранение единства русского государства на протяжении буквально всей истории России, в частности, а, может быть, лучше сказать в особенности, во время распада Киевской Руси и татарского владычества.

Трудно в настоящее время гадать, что было бы, если бы полчища Батыя встретили на русской равнине не разрозненные дружины многочисленных князей, а объединенное войско всей земли, какое умели собирать первые киевские князья, но факт остается фактом: раздробленность тогдашней Руси неизмеримо облегчила задачу завоевателей. Раздробленность эта, как и всякое историческое явление подобного масштаба, была, конечно, явлением сложным, связанным и с экономикой, и с географией, и с рядом других факторов, но для нас важно подчеркнуть, что идея единства княжеского рода рюриковичей, владевшего всей русской землей, с одной стороны, содействовала сохранению этого единства, но, с другой стороны, постоянное увели-

чение количества членов рода и губительный порядок наследования вели ко все большему и большему раздроблению государства на все более и более мелкие княжества. Тягостно читать о постоянных ссорах и непрерывных междуусобицах наследников Рюрика, все время разорявших княжества своих ближайших родственников, сжигавших города соперников и перегонявших несчастное насление на свою, увы очень часто, временную территорию. Это, не говоря уже о призывае на помощь половцев, поляков, венгров и других временных союзников, а позднее и поработителей татар, приходивших, чтобы просто пограбить и поразбояничать. В этом, почти не прекращающемся хаосе войн и усобиц, единственным настоящим символом единства Православной Руси оставалась Церковь, находившаяся под властью одного митрополита Киевского и всяя Руси. Именно поэтому сохранение единой русской митрополии, так же как и географическое местонахождение центра последней должно было играть и играло решительную роль в медленном и необычайно трудном процессе восстановления единого сильного государства. Надо поражаться правильности исторической интуиции возглавителей Русской Православной Церкви, по большей части греков по национальности, находивших, по-видимому, единственный реальный путь решения этого запутанного вопроса.

К сожалению, высказанная выше точка зрения была утрачена значительной частью русской интеллигенции к началу XX века. Вот что пишет профессор Николай Зерное, сам представитель этой русской интеллигенции, в своей книге «Русское религиозное возрождение XX века», первая же глава

которой называется «Русская интеллигенция против империи и Церкви»: «Православная Церковь, – читаем в этой главе, – отметалась, как часть старого строя, потому что не смогла помешать росту самодержавия, и тем самым увековечила несправедливость и неравенство, царившие в русской политической системе»¹. А несколько выше Н. Зернов пишет: «...непреклонная оппозиционность интеллигенции составляла острие тех сил, которые систематически подрывали устои государства и ускоряли революцию», а потом та же интеллигенция «...стала первой жертвой революции, ради которой она так самоотверженно трудилась»².

Осознание своих ошибок интеллигенцией происходило дважды: первый раз после революции 1905 г., когда весной 1909 г. появился сборник «Вехи», который тот же Н. Зернов характеризирует как, правда, «не первое предостережение против опасности радикализма, прозвучавшее в русской прессе», но такое, которое отчасти дошло до сознания революционно настроенной интеллигенции, которая «...в прошлом... не была готова внимать подобной критике».³ В этом первом осознании участвовала только часть интеллигенции, массовое же отрезвление произошло уже после октября 1917 г., за которым последовало также массовое уничтожение интеллигенции коммунистами. Уехать за границу, однако, удалось все же едва ли не самой блестящей части интеллигенции, возглавлявшей религиозно-философское движение начала века. Тут, на досуге, можно было окончательно осознать все произшедшее и полностью понять причины катастрофы. Это и было сделано, но снова только до известной степени. Как раз в области

оценки роли Церкви в создании государства осталось наибольшее количество старых интеллигентских предрассудков. В настоящее время эти предрассудки могут только увеличиться от зрелища противоестественных взаимоотношений между руководителями Православной Церкви в СССР и атеистическим государством. (См. Примечание)*

Настоящая книга является попыткой уяснения действительной роли Русской Церкви в воссоздании государства после распада Киевской Руси и порабощения ее татарами.

От разгрома Киевской Руси татарами в 1237--1240 гг. до вступления на престол Ивана III в 1462 г., сумевшего прочно объединить всю Северо-Восточную Русь и окончательно сбросить татарское иго, прошло, приблизительно, 220 лет. За это время, разделенная было татарским нашествием Северная Русь, поднялась действительно из пепла по-

* Примечание

Тут, может быть, надо сделать оговорку. Как раз русский эмигрант, специалист по древней русской истории, профессор Ельского университета Георгий Вернадский, посвятивший III том своей истории России, рассматриваемому нами периоду, к счастью не подходит под приведенное выше обобщение. Том III, правда, имеет характерный для евразийской тенденции Вернадского подзаголовок – «Монголы и Россия», и автор уделяет больше внимания татарским ханам, чем русским князьям, но Вернадский также полностью понимает и положительную роль московских князей в воссоздании русского государства. Это, например, сказывается на отношении Вернадского к личностям князей собирателей. На стр. 243-244 мы читаем: «Московские князья знали лучше князей тверских, как пользоваться своими ресурсами и выгодами. Существует две школы в русской исто-

жарищ и всякого рода войн, и в новом облике, сначала ничтожно малая в своих границах, поставила перед собой задачу собрать все утерянное достояние Киевской Руси.

Надо особенно отметить, что Церковь поразительно верно ощущала задачи каждого исторического момента. Удельный период русской истории справедливо считается наиболее мрачным периодом в истории России до самого 1917 г. В то время стоял вопрос: выживет ли русский народ или растворится среди литовцев, поляков, немцев, татар и других народов? От государственного единства осталось одно воспоминание, превратившееся в крошечной Москве в идею поддержания света едва горящей свечи (слова князя Симеона Гордого), и только Церковь сохранила единство организации в лице митрополита с титулом Киевского и всея Руси. Именно поэтому государственная роль митропо-

риографии в отношении оценки личных качеств московских князей. Платонов (С.Ф. Платонов, академик – В.А.) подчеркивает их таланты и проницательность как важный фактор в возышении Москвы. Ключевский ... считает их «посредственностью, обязанными своим успехом благоприятно сложившимся историческим условиям». (Цитата дана в переводе с английского). Трудно согласиться с Ключевским – пишет далее Вернадский, – и перечисляет ряд московских князей, находя в каждом яркие личные черты характера. С другой стороны, заканчивает Вернадский с характерной манерой слаживания острых углов, Ключевский прав в том, что все московские князья были хорошими дельцами, умевшими пользоваться своими материальными возможностями, из чего Ключевский и делает вывод об их узости. С последним Вернадский, по-видимому, не согласен, хотя и не пишет о несогласии.

лита, пусть почти символическая, и его поддержка того или иного князя в бесконечной, часто бессмыслицейской, междуусобной борьбе, могла направить эту борьбу к цели, единственной имевшей смысл для народа – к объединению вокруг одного центра, прекращению борьбы внутренней и началу борьбы за освобождение от татарского ига.

Интересно, что первая попытка нарушения единства митрополии исходила из Руси Северной, от князя Андрея Боголюбского, главного создателя мощи Северной Руси, послужившей основой нового объединения. Но прежде чем перейти к самой истории, попробуем уяснить себе один важный вопрос, а для этого воспользуемся мыслями наших крупнейших историков Русской Церкви. Для настоящей работы были использованы главным образом труды трех историков. В хронологическом порядке первым назовем митрополита Макария Булгакова. Интересующий нас период описан Митрополитом в томах III и IV его «Истории Русской Церкви». Первые три тома этой истории Митрополит написал в 1853-1857 гг., остальные девять томов были написаны начиная с 1866 года по год смерти Макария в 1882 г. Том III был опубликован в 1857 г., том IV в 1866 г.⁴. Последний из крупных историков Русской Церкви профессор А.П. Карташев, писавший уже в эмиграции, называет труд митрополита Макария монументальным, пока еще непревзойденным по фактической полноте, хотя и недостаточно критическим в отношении собранного материала, а также слишком апологетическим. Все эти замечания Карташев относит, собственно, только к первым трем томам, считая дальнейшие тома написанными очень хорошо, а весь труд в целом непревзойденным⁵.

«История Русской Церкви» академика Е.Е. Голубинского была написана в 1880-1901 гг. с большим перерывом, связанным с убийством императора Александра II и наступившей затем реакцией. Если труд митрополита Макария Карташев считает слишком апологетичным, то академика Голубинского можно упрекнуть в излишнем скептицизме, может быть даже во влиянии на него психологии русской радикальной интеллигенции 60-х годов прошлого столетия. Даже Карташев, явно симпатизирующий почтенному академику, признает, что «Вообще публицистический элемент, к соблазну некоторых, отличает это ученое произведение»⁶.

Наконец сам А.В. Карташев, профессор Духовной академии в Париже, последний обер прокурор и первый министр исповеданий Временного правительства, является блестящим представителем российского либерализма, человеком вполне эрудированным для написания «Очерков по истории Русской Церкви», хронологически последнего фундаментального труда в этой области, опубликованного в Париже в 1939 г.

Для настоящей работы некоторая разница в интерпретации событий тремя эрудированными историками дает возможность не только для лишней проверки излагаемого материала, но и для высказывания собственных суждений. Итак, переходим к изложению и разбору некоторых мыслей и суждений перечисленных авторов, касающихся одной важной стороны разбираемого нами вопроса.

В главе 3-ей первой половины 1-го тома, озаглавленной «Управление», Голубинский пишет:

«Церковное управление слагается, если

можно такъ выразиться, изъ двухъ элементовъ – изъ того, что есть въ немъ богоучрежденна-го, и того, что есть въ немъ обыкновенна-го, человѣческаго».⁷

Богоучрежденным Голубинский считает «каждое отдельное христіанское общество, большое или малое . . .», которое должно только «иметь свою іерархію, состоящую изъ епископа, пресвитеровъ и діаконовъ, все же остальное въ немъ, составляюще систему такъ называемой административной централизаціи, есть происхожденія столько же человѣческаго, какъ и все вообще человѣческое . . .»⁸ В примечании к той же странице Голубинский разъясняет, что в первое время каждая отдельная община, имевшая свою особую церковь, даже ограниченная одной деревней, представляла из себя полную частную церковь – имела своего епископа (подчеркнуто нами – В.А.)

Признаемся, что к нашему удовлетворению сам Голубинский не ограничивается только вышеприведенными высказываниями, а добавляет, что «такъ какъ люди, по своей природѣ несовершенные . . . то богоучрежденное въ церкви скоро потребовалось дополнить человѣческимъ . . . ввести въ ней систему подчиненія и административной централизаціи». Считая таким образом церкви отдельных народов учреждением человеческим, Голубинский, однако, полагает, что «ни одна частная церковь не имеетъ права посягать на подчиненіе себе другой такой же», а стало быть, и «частная церковь Греческая имѣла совершенно такое же право подчинить себѣ частную церковь Русскую, какое право имѣло бы государство Греческое подчинить себѣ государство

Русское».⁹ Высказав такое радикальное мнение с точки зрения права, Голубинский оговаривается «для некоторыхъ читателей», что право и польза суть вещи совсемъ различные, и с точки зрения пользы высказывает мысль о выгоде для раздробленного княжескими усобицами русского государства наличия митрополитов греков, подчиненныхъ к тому же греческому Патриарху, находившемуся вне непосредственной зависимости от враждующих между собой русских князей. Надо заметить, что эту свою мысль сам автор считал оригинальной и, очевидно, ожидал возражений. Вот как он ее формулирует:

Не только либералы, которые eo ipso обязаны быть о дѣлѣ самаго худого мнѣнія, но даже и консерваторы, которые весьма бы не желили говорить о Грекахъ слишкомъ нехорошо, находятъ себя вынужденными сознаться, что господство ихъ у насъ не можетъ быть признано для насъ благомъ. Вопреки тѣмъ и другимъ и рискуя прослыть за слишкомъ большого оригинала, мы того мнѣнія, что господство Грековъ не было для насъ большимъ и рѣшительнымъ зломъ ни въ какомъ отношеніи и что наоборотъ въ некоторыхъ отношеніяхъ оно было положительнымъ и величайшимъ благомъ.¹⁰

Затемъ следуетъ четыре полныхъ страницы защиты митрополитов греков, очень характерной для психологіи автора и, возможно, его времени, и делается выводъ, «что мы не только должны примириться съ совершенно ни на какомъ праве не основанными притязаниями грековъ подчинять себѣ въ

церковномъ отношениі другіе православные народы, но и благодарить Бога, что они имели подобное притязаніе». Подчеркнем еще раз, что Голубинский все время связывает свою точку зрения с фактом непрерывных княжеских усобиц, характерных для времени распада Киевской Руси, когда «на престолъ велиокняжескомъ смѣняли врагъ врага» и «эта смѣна враговъ врагами на престолъ велиокняжескомъ какіе могли бы имѣть послѣдствія для митрополіи, въ случаѣ если бы митрополиты наши ставимы были у насъ дома?»¹¹

К той же теме Голубинский возвращается снова в разделе 6-ом той же 3-ей главы «Управление», когда пишет об отношении власти церковной к государству. В этом разделе мы читаем:

Много выше мы говорили, что не только для церкви, но и для государства было истиннымъ счастіемъ то, что въ періодъ до-монгольскій митрополитами у насъ были не природные Русскіе, а присланные изъ Константинополя Греки. Нѣ связанные личными обязательствами и чуждые личныхъ отношеній митрополиты Греки вели себя истинными пастырями, какъ представители христіанской правды и христіанского мира. Но митрополиты изъ природныхъ Русскихъ были бы сторонниками князей, ихъ поставлявшихъ. Следовательно, они не унимали бы князей отъ кровопролитья, а помогали бы имъ въ этихъ последнихъ.¹²

Таким образом, мысль Голубинского в конечном итоге проста: у Русской Православной Церкви с самого начала была возможность автокефалии, со-

здания своей русской иерархии, но этого не произошло, и то, что не произошло было большим благом, спасшим Русскую Православную Церковь от неизбежного раскола после падения Киевской Руси.

Карташев, давая вообще весьма положительный отзыв о Голубинском, что было уже отмечено выше, особенно хвалит нашего академика за то, что «Выражая мысль о принципиальном праве русской церкви устраивать свое управление независимо от греков... и даже предполагая изначальную автокефалию русской церкви... он, однако, не увлекается, как иные, этой патриотической идеей..., а господство у нас в период удельный митрополитов – греков признает положительным и великим благом».¹³

Поясним, что предположение об изначальной автокефалии Русской Церкви собственно впервые высказал профессор М.Ф. Приселков («Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси») еще в 1913 г., предполагая, что Русь приняла православие сперва при помощи болгар, и подчинилась грекам только при Ярославе Мудром. Теория эта имеет свои за и против, принятая не всеми историками, а разбор и изложение ее увели бы нас в сторону от нашей темы. Поэтому мы не будем на ней и останавливаться.

Обратимся теперь непосредственно к фактам, хотя бы к краткому изложению их, могущему ясно показать сложность и запутанность положения, перед которым оказалась церковная иерархия в интересующее нас время.

Начнем с описания достаточно прискорбного случая из истории самой иерархии, могущего быть великолепным примером справедливости мнений

Голубинского и Карташева, только что изложенных нами выше.

Около середины 12-го столетия Киев был ареной борьбы двух княжеских линий: мономаховичей и ольговичей. Митрополит Михаил, грек по национальности, которого профессор Карташев называет доблестным, старался примирить враждующие стороны, из за чего еще в 1134 г., будучи случайно в Новгороде и протестуя против войны мстиславичей с своим дядей, знаменитым Юрием Долгоруким, был посажен за это в заключение, из которого впоследствии освобожден после поражения не послушавшихся его князей. В 1136 г. в подобных же обстоятельствах митрополит Михаил ходил с крестом между двумя враждебными ратями и примирил их крестным целованием. Аналогичный случай произошел и в 1140 г. На беду Митрополита в 1146 г. Киев захватил один из князей, считавший себя обиженным Митрополитом – князь Изяслав Мстиславич. После этого, по не выясненной причине, Митрополит не оказывается в Киеве. По мнению Карташева, тут могли быть замешаны и неурядицы греческие, потребовавшие присутствия Митрополита в Византии. Уезжая, Митрополит запретил кому-либо служить в свое отсутствие в Св. Софии киевской, чем, очевидно, подчеркивал свое право митрополита и епархиального архиерея Киевского. Карташев справедливо предполагает, что Митрополит предвидел возможность посягательства князя – противника на свою власть. Действительно, Изяслав собрал собор 6-ти епископов и, пользуясь отсутствием митрополита Михаила, настоял на избрании нового митрополита, игнорируя греков – русского ученого монаха, вполне достой-

ного человека, знаменитого Клиmentа Смолячика. Три епископа в знак протеста не принимали участия в соборе. Знаменательно, что особенным противником избрания был не грек, а русский, влиятельный архиепископ Новгородский Нифонт, по данным Карташева, киевлянин, долго живший на греческом востоке, знаток канонов. Изяслав вызвал Нифонта в Киев и заключил в Киево-Печерский монастырь, откуда его в следующем, 1148 г., освободил князь Юрий Долгорукий, выгнавший Изяслава из Киева. Новый митрополит Климент бежал вместе с Изяславом во Владимир Волынский. Вскоре Изяслав и Климент снова вернули себе Киев. В 1155 г. Изяслав умер и Киев достался его брату Ростиславу, которого в том же году выгнал вместе с Климентом Юрий Долгорукий. Юрий на этот раз получил из Греции нового митрополита – грека Константина. Константин перепоставил киевское духовенство, оставив в покое только дьяконов, а епископы, участники посвящения Клиmentа были постепенно лишены своих кафедр и заменены греками. Юрий Долгорукий умер в 1158 г. и Киев достался сыновьям Изяслава уже в 1159 г. Сыновья Изяслава пригласили править Киевом своего дядю, известного уже нам Ростислава. Теперь Ростислав понял ошибку, допущенную при избрании Клиmentа, «зане (митрополит Климент) не взя благословения отъ Святые Софии и отъ Патриарха», но должен был считаться и с отрицательным отношением к греческому митрополиту Константину старшего сына Изяслава Мстислава. После княжеских пререканий решено было просить у греков нового митрополита, тем более что и Клиmentа, и Константина не было в этот момент в Киеве. В 1159 г.

митрополит Константин умер. В 1161 г. Ростислав пригласил из Константинополя митрополита Феодора, который умер в 1163 г. Через два года греки прислали нового митрополита Иоанна IV, но за это время князья уже решили восстановить всеми уважаемого Климента, согласившегося принять благословение от Константинополя. Одновременно суздальский князь, знаменитый Андрей Боголюбский, надумал получить себе отдельного митрополита, для чего послал послов в Константинополь. Послы прибыли уже после назначения греками Иоанна IV. Карташев отмечает пропуск в летописях, падающий на описываемые годы, по его мнению объясняющийся нежеланием летописцев слишком углубляться в неприятный конфликт для Русской Церкви. Зато летописи отметили приезд из Греции, помимо нового Митрополита, и посла от императора. Усилия греков наконец увенчались успехом и в 1164 г., после семнадцати лет смуты, положение было урегулировано, как видим, при прямом вмешательстве греков. Таким образом, именно греки спасли на этот раз единство русской митрополии, едва не нарушенное одним из главных создателей Северной Руси Андреем Боголюбским, очевидно не сознававшим насколько единство митрополии будет важно для его детища Северной Руси и будущего объединения остатков разгромленной Киевской Руси вокруг северной окраины.¹⁴

Теперь обратимся еще к третьему из крупных историков Русской Церкви – митрополиту Макарию, предшественнику и Голубинского, и Карташева. Изложим вкратце и его точку зрения. Прежде всего хочется сделать маленькое лирическое отступление. При сопоставлении самой манеры изложения

событий тремя историками поражает эпическое спокойствие митрополита Макария, напоминающее спокойствие пушкинского летописца. Во вступлении к третьему тому своей истории митрополит Макарий сопоставляет отсутствие драматических событий при поставлении первого русского митрополита Илариона при Ярославе Мудром собором русских епископов с драматичностью событий, связанных с избранием Климента Смолячика аналогичным собором. Макарий писал до появления теории Приселкова, широко использованной Карташевым, поэтому он просто не ставит вопроса о возможности болгарского влияния на церковные события в России. Зато митрополит Макарий подтверждает мнение Голубинского и Карташева о том, что, согласно с древними канонами, у Русской Православной Церкви было право избирать для себя первосвятителя. По мнению митрополита Макария, русские не воспользовались этим правом, т.к. «Русские, по недавности своего обращения къ вѣрѣ, еще не привыкли считать необходимостію избраніе и поставленіе своего митрополита Константинопольскимъ патріархомъ, а съ другой, – Константинопольскіе патріархи еще окончательно не рѣшили, какъ смотрѣть на русскую Церковь, и не предоставить ли ей самой, согласно съ древними канонами, права избирать для себя первосвятителя»¹⁵, чем, очевидно, митрополит Макарий и объясняет возможность избрания русского митрополита Илариона, без участия греков, собором русских епископов, без каких-либо потрясений. Позднее, через 150 лет, по мнению митрополита Макария, привычка к подчинению грекам уже настолько вкоренилась, что нашлись и русские епископы, которые назвали ана-

логичное избрание Клиmenta Смолячика незаконным. Победе греков в вопросе о подчинении Русской Православной Церкви грекам в связи с избранием митрополитом Клиmenta, митрополит Макарий не дает ни положительной, ни отрицательной оценки, предпочитая просто излагать события, происходившие в условиях продолжающейся гражданской жизни Удельного периода «с его кровавыми междоусобиями».¹⁶

Что касается наиболее интересного для настоящей работы вопроса о важности сохранения единой русской митрополии для объединения русского государства и народа и роли в этом греков, то митрополит Макарий только приводит полностью важнейший исторический документ, освещающий этот вопрос – грамоту царьградского патриарха Луки к князю Андрею Боголюбскому в ответ на ходатайство последнего о поставлении для Северной Руси особого, независимого от Киева митрополита. Воздав должное трудам князя по укреплению православия в Северной Руси и строительству великолепных храмов во Владимире, Патриарх категорически отказывает Андрею Боголюбскому в его просьбе. Первым основанием отказа является то, что город Владимир «не иноя страны есть ни области таковый градъ... но тое же самое земля и области есть, в ней (же) суть прадеди твои были; и ты самъ обладаeshи ею ныне, въ ней же едина епископья была издавна, и единъ епископъ во всей земли той».¹⁷

Это был отказ на отделение Владимира от Суздаля, предварительного мероприятия для учреждения новой митрополии во Владимире. Что же касалось непосредственно учреждения новой митропо-

лии, то Патриарх писал: «Ставимъ же по временомъ священнымъ Митрополитомъ всеа Руси, еже есть отъ насъ святыя и великия церкви, ставимъ и посылаемъ тамо; а не можемъ мы того сотворити (т.е. создать новую митрополию – В.А.)... Правила убо святыхъ Апостоль и Божественныхъ отецъ ка-
ждо митрополіа и епископья цѣли и не порушимо
своя держати оправданіа повелѣли, и никто же
отъ святыхъ можетъ Божественныхъ и священныхъ
преступити правиль, аще не страненъ отъ Бога хо-
щетъ быти».¹⁸

Таким образом, на все просьбы Андрея Бого-любского был получен отрицательный ответ, основанный, как мы понимаем приводимые выдержки из документа, на принципе утверждения единой митрополии для всея Руси и нежелании создавать даже новые епархии для удовлетворения личных амбиций отдельных русских князей. Если за этими установками и стояли какие-либо эгоистические интересы самих греков, объективно они так или иначе спасали удельную Русь от не только политического, но и от духовного распада. (См. примечание)*

Полезно для общей ориентации привести число и распределение епархий в начале и конце рассматриваемого периода. Этим вопросом занимался

* Примечание:

Высказанную точку зрения, по-видимому, не разделяет советский историк академик М.Н. Тихомиров. В статье «Византия и Московская Русь», например, он пишет: «Главными проводниками византийского влияния на Руси были митрополиты-греки. Константинопольская патриархия упорно отстаивала свое право назначать кандидатов на русскую митрополию... митрополиты-греки нередко были настоящими агентами Византийской

митрополит Макарий. Вот перечень епархий на середину XIII века: продолжали существовать, — пишет Макарий, — кроме Киевской, которою заведовал непосредственно сам Митрополит, епархии: Новгородская, Ростовская, Черниговская, Белгородская, Владимирская на Волыни, Переяславская, Юрьевская, Полоцкая, Туровская и Смоленская. Вновь учреждены или сделались известными: Галицкая (в 1157 г.), Переяславльская (в 1120 г.), Рязанская (около 1207 г.), Владимирская на Клязьме (в 1215 г.) и Угровская (незадолго перед нашествием татарским переведена в Холм).¹⁹ Это значит, что у митрополита были свои представители — епископы в 16 епархиях, распределенных по наиболее важным географическим районам страны.

О процессе же политического распада Киевской Руси академик С.Ф. Платонов пишет, что после удачного похода русских князей на половцев 1103 г. под руководством Владимира Мономаха, «постоянные усобицы князей... вели к непрерывному их (половцев — В.А.) усилению». «Слово о Полку Игореве» увековечило поражение русских князей в 1185 г., выступивших разрозненно. «Наиболее близкое к степям Переяславское княжество, — пишет Платонов, — во второй половине XII века было почти занято половцами, которые в нем уже

империи». И это все. Ни слова о каких-либо выгодах для русских от подчинения грекам в какое-либо время существования русской митрополии в рамках Константинопольской патриархии. (См. Статью М.Н. Тихомирова «Византия и Московская Русь» в книге М.Н. Тихомирова «Исторические связи России со славянскими странами и Византией». Москва, Изд-во «Наука», 1969 г., стр. 20-21.

‘жили’, а не только его грабили». Благодаря этому проезд в Грецию затруднился. Сама Греция попала в руки крестоносцев (1204-1261 гг.), торговые пути Европы с востоком переместились в Средиземное море. «Киев же беднел и глох. Население южно-русских княжеств, не находя от постоянных усобиц и разбоев ни безопасности, ни заработка, понемногу оставляло свои места и переселялось подальше от степи, или на север, или на запад».²⁰ Далее Платонов выделяет три города, три центра, которые по-разному начали объединяться вокруг себя расходящиеся из киевского центра население. Эти три центра образовались вокруг Новгорода Великого, Владимира на Клязьме и Галича. Интересно, что в трех новых центрах постепенно развились три разных политических строя: «В Новгороде развились вечевое управление... Во Владимире выросла единодержавная власть князя. В Галиче очень сильное влияние на дела получили бояре».²¹ Важно отметить, что и в Галиче, и во Владимире были попытки объединения всей бывшей Киевской Руси, как мы знаем, в конце концов увенчавшиеся успехом в Москве, унаследовавшей традиции Владимира на Клязьме, а в Новгороде такой задачи вообще не ставилось, хотя новгородцы и освоили весь север европейской России.

Таким образом, объединение произошло на бывших северо-восточных окраинах Киевской Руси, при чем это объединение не включило Русь юго-западную, попавшую под власть Польско-Литовского государства и под влияние католицизма.

Теперь так же кратко обрисуем, что делалось в странах, окружавших разделенное русское государство.

На средне-азиатском плоскогорье жили разрозненные племена кочевников, которые к концу XII века начали объединяться в одно государство благодаря военным и государственным талантам владельца одной из орд Темучина. В 1206 г. Темучин, на собрании побежденных им князей, был объявлен Чингиз Ханом, т.е. Великим Ханом. Столицей нового государства стал город Каракорум, на реке Охроне. После покорения Тибета и Восточного Туркестана, Чингизхан вторгся в Северный Китай, а в 1219 г. разорил и завоевал Хорезм, т.е. Хиву и Бухару. В 1223 г. два полководца Чингизхана напали на половцев. Половцы обратились за помощью к русским. Русские помогли, но были разбиты в 1223 г. на реке Калке. Затем последовал перерыв до 1237 года. Чингизхан умер в 1227 г., завещая своим преемникам идею всемирного завоевания. План этот стал осуществлять сын Чингизхана Угедей (или Угэдэй). Для покорения Европы была выделена армия в несколько сот тысяч под руководством Батыя, внука Чингизхана. Эта армия в три года (1237-1240 гг.) разбила по-одиночке разрозненных русских князей, вторглась в юго-восточную Европу, но не удержалась там и отхлынула в южно-русские степи, где и образовала Золотую Орду. (Остается вопросом – смогла ли бы отразить татар Киевская Русь, не будь она раздроблена? Важно, что ощущение необходимости объединения, ясно выраженное уже в «Слове о Полку Игореве», могло только усилиться.) К счастью, татары стали править при помощи тех же разрозненных русских князей, а не непосредственно, правда, всячески поддерживая рознь между этими князьями. Единство татар также не удержалось слишком долго, что постепенно

привело к частым и кровавым сменам татарских ханов и ослаблению Орды. Это дало возможность, усыпляя татарскую бдительность проявлением внешней покорности, начать процесс воссоздания единого русского государства.

«Религиозные взгляды новых русских повелителей, – пишет А.В. Карташев, – по своей широте и терпимости как нельзя более соответствовали их намерениям собрать все народы в единую монархию».²² К этому Карташев добавляет, что сам Чингизхан признавал Бога, как Единое Верховное Существо и «боялся всех остальных божеств... и желал всех их задобрить одинаковым покровительством духовенству всех вер».²³ Такое отношение к религии Чингизхан установил как закон в 1206 г. Русский историк Г.В. Вернадский в специальной статье, посвященной анализу собрания законов Чингизхана – Яссе – пишет: «Ясса считает преступлением, подлежащим наказанию, ... преступления против религии... Притеснение любой из существующих церквей и духовенства»²⁴ Однако известно, что магометанство постепенно распространялось среди татар. Об этом Карташев пишет: «Фактически дело обстояло следующим образом. Преемники Батыя, несмотря на свой постоянный уклон в сторону религии аравийского пророка, продолжали по-прежнему оставаться в близких и дружественных отношениях с христианами».²⁵ Надо еще учесть, что распространение ислама среди татар шло одновременно с их ослаблением из-за междоусобиц, и это, конечно, ограничивало татарские возможности в смысле несвойственного их традиции вообще, притеснения за веру.

Посмотрим теперь, что делалось в тот же пе-

риод в Византии. Один из наших византологов А.А. Васильев в своей книге по истории Византии составил очень наглядную географическую карту Византийской Империи 1025-1402 гг., показывающую сокращение территории. В 1025 г. империя занимала почти весь Балканский полуостров (с границей по Дунаю), грубо говоря, всю современную Турцию, Закавказье, колонии на южном берегу Крыма и часть юго-восточной Италии. К 1180 г. был потерян северо-западный угол Балкан, все, что было в Италии и половина территории в Малой Азии, к 1340 г. весь север Балкан, вся Малая Азия, все колонии в Крыму и юг Балканского полуострова, включая Афины и половину Пелопонеса. В 1402 г. оставались разорванные клочки территории около Константинополя и Фессалоник (нынешние Салоники), половина Пелопонеса и часть островов в Ионическом море.²⁶ К этой очень наглядной географической картине постепенного упадка Византии надо добавить, что с 1204-го по 1261 год крестоносцы владели Константинополем и греки, с трудом как-то объединившись вокруг, так называемой, Никейской Империи в Малой Азии, вернули себе Константинополь в 1261 г. Кроме этого, Венеция и Генуя, постоянно борясь между собой за торговые позиции в Византии, постепенно завладели черноморской торговлей и колониями в Крыму и в районе Азовского моря, а под самый конец, почти контролировали и сам Царьград. Отчаянная борьба за существование империи заставляла византийских императоров в критические моменты искать помощи на Западе у Папы. Так, император Михаил VIII (1261-1282 гг.) пошел на полную религиозную капитуляцию перед Папой и заключил в 1274 г. в

Лионе унию, продолжавшуюся формально до 1282 г. В унию был вовлечен и Константинопольский патриарх, несмотря на оппозицию большинства духовенства и народа. В конце-концов уния кончилась ничем. Однако, в 1369 г. император Иоанн V снова ищет помощи у Папы и для этого переходит в католицизм, на этот раз один, без Патриарха, который открыто осуждает поступок императора. Наконец, уже накануне падения Константина, в 1439 г. подписывается знаменитая Флорентийская Уния, в которой участвуют император и Патриарх и только что присланный в Россию из Греции митрополит Исидор. К Флорентийской Унии мы еще вернемся; сейчас же отметим, что в Москве старались не замечать греческих ошибок, и для этого, как увидим из дальнейшего, были очень веские причины, основанные на очень здравых соображениях. Надо подчеркнуть, что взаимоотношения Византии и России были вкорне иными, чем отношения Византии с православными народами на Балканах, где греки хотели господствовать не только религиозно, но и политически, мешая этим национальному развитию балканских народов. С Россией у Византии не было общих границ, и поэтому опасности греческого политического господства фактически не было. Надо отметить, что мощь татар и Византии в рассматриваемый нами период все время уменьшалась, в то время как на западе Литва и Польша объединились и сумели захватить приблизительно половину Киевской Руси и даже подумывали о полном захвате всех русских княжеств (главным образом Литва), чему помешал только рост и усиление Москвы. Тут довольно наглядную картину дает простое сопоставление дат. Север-

ный князь Александр Ярославич Невский, первый луч света в северной Руси после наступления тьмы татарской, умирает в 1263 году, объединитель Литвы Миндовг умирает в том же 1263 году (кстати, сильнейший князь Южной Руси Даниил Галицкий умирает только на год позже, в 1264 году) – они современники. Великий князь Иван I Данилович Калита, первый крупный князь московский, правит с 1328-го по 1341 год. Второй крупный князь литовский Гедемин правит в Литве с 1316-го по 1341 год. Гедемин уже захватывает русские земли. В это время на Руси южной уже нет князей, равных Даниилу и польский король Казимир Великий (1340-1352 гг.) захватывает Галицкую Русь, часть Волыни и Подолии. С 1341-го по 1359 годы в Москве правят ничем не выдающиеся князья Симеон Гордый и Иван II Красный, но уже с 1359 г. по 1389 г. на престоле Великий князь Дмитрий Иванович Донской, разбивший в 1380 г. татар на Куликовом поле, объединив для этого почти всех северных князей. В Литве правит снова крупный государственный деятель Ольгерд, продолжающий соперничать с Москвой, а в 1386 году Литва и Польша объединяются под одной короной. В Литве все еще остается как Великий Князь крупный государственный деятель Витовт. Уния с Польшей приводит к массовому крещению литовцев в католичество и постепенному изменению литовской религиозной политики, до того балансирующей между язычеством, католицизмом и православием. Теперь Литва становится все более католической. Одной из вех в этом развитии стало постановление Городельского сейма 1413 г. об уравнении литовских аристократов в правах с польскими в том случае,

если последние принимали католичество.

На этом можно закончить самое схематическое описание важнейших событий в истории соседей русского государства, оказавших большое влияние на нашу историю. Надо только добавить, что для московского княжества непосредственная опасность немецкого и шведского наступления в основном была пресечена св. Александром Невским, разгромившим шведов в 1240 году, а немецкий орден на льду Чудского озера в 1242 году. С точки зрения этой опасности, Новгород и Литва, благодаря их географическому положению, оказались щитом, прикрывавшим Москву.

Часто в самых различных научных и не научных исторических сочинениях можно встретить противопоставление Руси Киевской, как чего-то светлого и свободного, Руси Московской, удельной. В какой-то степени это противопоставление правильно, но надо помнить, что свобода (условная) в Киевской Руси привела к раздроблению, а раздробление к порабощению; кропотливая же и часто не слишком чистоплотная политика московских князей – «скопидомов» (выражение Ключевского) – привела к постепенному объединению, освобождению от татарского владычества и созданию мировой державы.

ВСТУПЛЕНИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. Зернов, «Русское религиозное возрождение XX века». Перевод с англ. (Paris, YMCA-Press, 1974) стр. 21.
2. Там же, стр. 17.
3. Там же, стр. 127.

4. Митрополит Макарий, «История русской церкви». Изд. 3-е, (Санкт-Петербург, Тип. Р. Голика, 1888.) Авторизованная перепечатка оригинального издания (Ann Arbor, Mich. University Microfilms, 1965) ТТ. 1-12.
5. А.В. Карташев, «Очерки по истории русской церкви», (Париж, YMCA—Press ,1959) Т. 1, стр. 28-29.
6. Там же, стр. 33. (Весь отзыв стр. 31-35).
7. Е. Голубинский, «Исторія русской церкви», Т. 1, Періодъ первый: Киевскій или домонгольскій. Первая половина тома. (Москва, Унів. тип., 1901). Перепечатано с ориг. изд-ния (Ann Arbor, Mich., University Microfilms, 1964), стр. 257.
8. Там же, стр. 257-258.
9. Там же, стр. 258-259.
10. Там же, стр. 318-319.
11. Там же, стр. 323.
12. Там же, стр. 550.
13. А.В. Карташев, стр. 32-33.
14. Там же, стр. 174-176.
15. Митрополит Макарий, Т. 3, стр. 5-6.
16. Там же, стр. 6-7.
17. Там же, в приложении № 2: «Грамота цареградского патріарха Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому», стр. 298.
18. Там же, стр. 298-299.
19. Митрополит Макарий, Т. 3, стр. 29-31.
20. Акад. С.Ф. Платонов, «Учебник русской истории для средней школы: курс систематический», (Прага; Пламя, 1925) Ч. 1, стр. 50-51.
21. Там же, стр. 58.
22. А.В. Карташев, стр. 279.
23. Там же.
24. Г.В. Вернадский, «О составе Великой Ясы Чингизхана». С приложением главы о Ясе из Истории Джувейни в переводе В.Ф. Минорского. Выпуск первой серии Г.В. Вернадского, Исследования и материалы по истории России и Востока (Bruxelles, Les Editions Petropolis, Imp. Gelezniakoff, 1939), стр. 26.
25. А. В. Карташев, стр. 282.
26. A.A. Vasiliev, «History of Byzantine Empire— 324 – 1453», (Madison, The Univ. of Wisconsin Press, 1952). См. карту в конце книги, на внутренней стороне обложки.

МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ (1249-1281)

Защитив единство русской митрополии, митрополиты греки, начиная с правления митрополита Иоанна IV в 1164 году до самого монгольского нашествия, управляли без особых потрясений. Митрополит Макарий, правда, отмечает попытку князя Андрея Боголюбского, в связи с делом епископа Федора, в 1168 г. снова поднять вопрос об избрании митрополита собором русских епископов, т.е. об автокефалии, но этот эпизод не отразился на порядке управления и судьбах русской митрополии, а потому мы не будем на нем останавливаться. Нашествие татар действительно создало большой кризис в русской митрополии, а русское государство поставило на грань гибели. Кризис этот совпал снова с выдвижением митрополита из русских. Вот как профессор Карташев излагает события.

В 1237 г., в самый год нашествия татар, из Греции прибыл новый митрополит Иосиф. Как известно, татары разгромили Киев в 1240 г. Повидимому, еще до этого трагического события Митрополит, по выражению Карташева, «удалился вовсю», и русская митрополия осталась без возглавления до тех пор, пока южно-русский князь, знаменитый Даниил Галицкий, не занялся вопросом о назначении нового митрополита. Тут мы подошли к очень важному вопросу, вопросу о роли Южной Руси в борьбе за единство русской митрополии и русского государства в период после татарского разгрома и до разделения митрополии на две части в 1462 г. – «до отпадения Юго-Западной митрополии» как формулирует Карташев.

Украинские историки – сепаратисты, конечно, не согласятся с такой формулировкой. Например, сравнительно умеренный историк Украинской Церкви Иван Власовский в своих очерках по истории Украинской Православной Церкви¹ дает такой подзаголовок для описания этого периода: «Борьба между княжествами за православный митрополичий стол в славянской восточной Европе 13-15 веков», избегая упоминания слова Русь, хотя в других местах и пользуется достаточно широко нелепым термином Русь – Украина. Разница тут в том, что исторические судьбы постепенного разделения двух противоположных окраин Киевского государства оцениваются с двух противоположных точек зрения. Северная Русь претендовала на преемство объединительной идеи Киевского государства и рассматривала разделение как нечто отрицательное и временное. В Южной Руси постепенно появились круги, которые стали рассматривать такое разделение как нечто положительное, а обратный процесс – задачу восстановления потерянного единства – как явление отрицательное, попытку подавления своей национальной индивидуальности. Не будем поднимать сложный спор о преимуществе одной или другой точки зрения. Признаем их фактическое наличие и обратимся к историческим фактам, впрочем не скрывая того, что наше сочувствие остается на стороне идеи единства. Вот как эту точку зрения формулировал последний из крупных предреволюционных историков академик С.Ф. Платонов, арестованный и загубленный коммунистической властью в 1933 г. Так как учебник Платонова для средней школы достать в настоящее время трудно и в России, и за ее пределами, при-

ведем из него две большие цитаты:

В развитии гражданского порядка на Руси в XII веке надобно отметить и еще одну важную сторону. В то самое время, когда нарушалось государственное единство Руси и начался хозяйственный упадок южных волостей, — в обществе народилось национальное чувство и сознание народного единства. Князья разных ветвей княжеской династии, ссорясь между собою, помнили, однако, единство своего рода и говорили о себе, что они «одного деда внуки» и владеют одною землею. Жители различных волостей знали, что эти волости составляют части единой «Русской земли», и они готовы были в минуты опасности лечь kostями за всю землю Русскую. Летописец, составляя в Киеве свою летопись, желал рассказать в ней, откуда пошла «Русская земля», откуда «Русская земля стала»: он понимал, что его родной город Киев есть сосредоточие не одной волости Киевской, а всей земли, единой и великой Русской земли. Певец «Слова о полку Игореве» рассказывает о походе и поражении окраинных северских князей; но он постоянно зовет их самих и их дружины «руси-чами» и «русскими полками», даже «Русскою землею».²

И далее:

Государственное единство пало от междоусобий княжеского рода; но культурные связи оказались крепкими и создали из русских пле-

мен один, сознающий свое единство, народ. В этом заключается главное историческое значение Киевского периода русской истории.³

В следующей, главе второй, об образовании новых государственных центров, Платонов так характеризует три главных центра: 1. Господин Великий Новгород, ставший самостоятельным обособленным государством, в котором образовалось вечевое управление, приведшее Новгород к республиканскому устройству. 2. Галич, в котором очень сильное влияние на дела получили бояре, и 3. Владимир, в котором выросла единодержавная власть князя.⁴ Таким образом, по Платонову, три главные силы – вече, князья и бояре, находившиеся в Киевской Руси в состоянии неустойчивого равновесия, нашли себе воплощение и стали преобладать каждая в одном из трех центров политического притяжения, пришедших на смену Киеву.

Лично для автора этой книги всегда оставалось вопросом, почему Новгород, единственная русская область, не опустошенная татарами, даже и не пытался объединить вокруг себя остатки Киевской Руси? Неужели это было связано с развитием в нем демократии? Зато несомненно, что фактически Новгород прикрыл Владимиро-Суздальскую, а потом Московскую Русь от немецкого «Дранг нах Остен», и этим, конечно, весьма содействовал укреплению северного центра объединения. Именно этот Север, ставший постепенно главной силой воссоздания единого центра, хотя и в иных политических формах, с самого начала поставил перед собой общенародные задачи. Почти то же, сразу после татарского погрома, попытался сделать и самый зна-

чительный из южно-русских князей Даниил Галицкий. Но, может быть, он слишком поторопился и потому татары сразу заставили предпримчивого князя срыть укрепления южных городов; может быть, юг, находившийся и под давлением татар, и под давлением католической Европы, вообще не был подходящим местом для нового центра объединения. Так или иначе, но на юге освобождение от татарского ига обернулось постепенным подчинением Литовско-Польскому государству и постепенным же переходом всего правящего слоя в католичество. Понятно, что обо всех этих процессах легко говорить пост фактум, а сразу после татарского погрома сообразить что к чему и на что можно надеяться в будущем было много труднее. Несмотря на это, возглавители Русской Православной Церкви, по нашему глубокому убеждению, совершенно правильно оценили обстановку и сделали из этого наложенные выводы.

Возвратимся снова к профессору Карташеву, к его описанию обстоятельств выдвижения митрополита Кирилла.⁵

В 1240-1241 гг. князь Даниил спасался от татар в Венгрии. Митрополит Киевский был неизвестно где. В создавшемся хаосе один из южных епископов, Иосиф Угорский, «самочинно присвоил себе права митрополита».⁶ Возвратившись из Венгрии, разгневанный таким самочинством, Даниил лишил епископа Иосифа даже его собственной кафедры, но, во избежание дальнейших замешательств, стал думать о замещении кафедры митрополичьей. Греки колебались в силу сложных политических обстоятельств и не назначали нового митрополита. Тогда князь Даниил избрал своего кандидата – игумена

или архимандрита Кирилла. Кирилл начал править Киевской митрополией сначала (с 1242 по 1248 г.) в качестве кандидата в митрополиты. Позднее, в 1249 г., он был утвержден патриархом Мануилом Вторым (находившемся в Никее, потому что Константинополь в это время был занят крестоносцами), после чего благополучно управлял Русской Церковью до 1281 г. Таким образом, третьим по счету, русским по крови митрополитом стал южно-русский монах, украинец, по нынешней терминологии, Кирилл, выдвинутый крупнейшим южно-русским князем Даниилом, тоже, если хотите, украинцем, по современной терминологии.

Вопрос о том, кем был митрополит Кирилл очень интересен сам по себе, особенно для настоящей работы. Дело в том, что у князя Даниила был влиятельный боярин «печатник», т.е. канцлер, по имени Кирилл. Кирилл очень активно боролся с боярством, поддерживая стремление Даниила к объединению разрозненных южных княжеств и централизации власти, как раз к тому, к чему стремились князья северные. Поэтому, если доказать, что печатник Кирилл и митрополит Кирилл одно и то же лицо, то этот факт сам по себе приобретает особое значение. Макарий и Карташев обходят этот вопрос молчанием. Голубинский в этом сомневается.⁷ Однако советский историк Юго-Западной Руси В.П. Пашуто считает доказанным, что печатник Кирилл и митрополит Кирилл одно и то же лицо, причем в подтверждение своего мнения ссылается на академика Д.С. Лихачева. Оба исследователя считают также, что митрополит Кирилл «принимал деятельное участие в составлении летописного свода», вошедшего в Ипатьевскую летопись. Та-

ким образом, личность митрополита Кирилла, еще до того, как он стал митрополитом, рисуется как личность крупного культурного и государственного деятеля.⁸

Время правления митрополита Кирилла замечательно не только тем, что он был третьим русским митрополитом, не продолжительностью управления Русской Церковью (39 лет, если считать с 1242 г.), но и фактическим перемещением центра деятельности Митрополита в северную окраину Руси. Карташев предполагает, что до утверждения греческим патриархом, т.е. до 1249 г., митрополит Кирилл, возможно, даже не мог посещать северные епархии. Зато в дальнейшем, по утверждению Карташева, летописи совсем не упоминают о посещениях митрополитом Кириллом его родной Галичины, но постоянно упоминают о посещении Митрополитом Руси Северной, главным образом Владимира.⁹ Митрополит Макарий вполне согласен с Карташевым и дает целый перечень посещений Митрополитом Северной Руси, интересный сам по себе: в 1250-ом году, только что утвержденный Патриархом митрополит Кирилл «отправился изъ Киева въ Черниговъ, потомъ въ Рязань и въ землю Сузальскую»¹⁰ В 1251 г. Митрополит из Владимира ездил иногда в Новгород, в Киев и другие города, но большей частью, пребывал в самом Владимире, где в 1250 г. венчал брата св. Александра Невского. В 1252 г. он встречал у Золотых Ворот самого Александра, возвращавшегося из Орды, в 1255 г. погребал другого брата св. Александра Константина, а в 1263 г. встретил и похоронил тело самого Невского героя. На два года раньше, в 1261-1262 гг., Митрополит благословлял «избрать и рукоположил»

епископа для Ростова.¹¹ Но наиболее важным было то, что только в 1274 г. Митрополит поставил епископа для Владимира – Серапиона, на место убитого татарами еще в 1238 г. епископа Митрофана. Такое длительное незамещение Владимирской кафедры (36 лет), очевидно, объяснялось тем, что Митрополит фактически сам управлял этой епархией. Предпочтение Владимира Киеву выразилось и в том, что для поставления Серапиона митрополит Кирилл созвал, согласно историку Н. Тальбергу, известных тогда архипастырей: Далмата Новгородского, св. Игнатия Ростовского, Феогноста Переяславского и Симеона Полоцкого.¹² Благодаря этому епископский собор стал значительным церковным событием в России после татарского нашествия. Собор так оценил последствия нашествия: «Не разъять ли насъ Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные наши отъ острія меча? Не отведены ли въ пленъ дѣти наши? Не запустѣли ли святыя церкви? Не томятъ ли насъ каждый день безбожные и нечестивые люди? И все это постигло насъ за то, что не хранимъ мы правиль св. отецъ нашихъ».¹³ Практические мероприятия собора сводились к упорядочению церковной жизни, сильно расшатанной вследствие татарского нашествия. На этих практических мероприятиях мы останавливаться не будем. Для нашей темы важен факт созания собора во Владимире, тогдашнем центре Северной Руси, а не в Киеве и не в Галиче, хотя вновь посвященный епископ Серапион, в связи с посвящением которого и собрался собор, до посвящения был архимандритом Киево-Печерской Лавры.

Собор русских епископов совпал по времени с

известным католическим собором в г. Лионе, на котором восстановитель Византийской империи со столицей в Константинополе (а не в Никее) император Михаил Палеолог в 1274 же году пошел на унию с католической церковью. По мнению таких солидных историков, как, например, А.А. Васильев (наш соотечественник, русский эмигрант, работавший в США), Лионская уния была чисто политическим актом не слишком принципиального императора, встретила оппозицию подавляющего большинства греческого народа и духовенства и просуществовала всего 8 лет – до 1282 г., когда сын и наследник Михаила Андronик Второй формально с ней покончил.

Вообще ослабление Руси, в связи с татарским нашествием, и Византии, в связи с наступлением турок, было использовано католицизмом для ряда попыток, где это только было возможно, подчинить себе православие. Широко известна борьба св. Александра Невского с католиками в лице шведов (руководимых Биргером) и немецкого рыцарского ордена. Менее успешно было сопротивление греков, изгнанных крестоносцами из Константинополя на целых 57 лет и периодически возобновлявших переговоры об унии, преимущественно по политическим соображениям, как это имело место в 1274 г. в Лионе. В очень похожем на Византию положении оказалась и Южная Русь, точнее Галицко-Волынское княжество. Напомним вкратце о главных событиях в этом княжестве, нужных нам для понимания общей обстановки.

Волынь и Галиция были объединены в 1199 г. волынским князем Романом Мстиславичем, получившим титул великого князя после захвата Киева

в 1203 г. и убитого в войне с Польшей в 1205 г. Затем княжество распалось и галицкие земли были временно захвачены венграми, насаждавшими там католицизм. В 1221 г. князь Мстислав Удалой выгнал венгров. В том же году на Волыни пришел к власти знаменитый князь Даниил Романович, в 1238 г. обосновавшийся и в Галиче, а позднее захвативший Киев и объединивший было юго-западную Русь, но тут появились татары, уже в 1240 г. разгромившие Киев. Нашествие татар заставило князя Даниила искать убежище в Венгрии, т.е. в католическом королевстве, где он пробыл часть 1240-1241 годов. Возвратившись на родину, Даниил должен был поехать на поклон в Орду, после чего долго не мог забыть «злой чести татарской» и стал мечтать о помощи католического Запада для свержения татарского ига. Вспомним, что в аналогичных условиях св. Александр Невский, успешно отразив наступление католиков шведов и немцев, учитывая невозможность немедленного свержения татарского ига, решительно сделал ставку на покорность татарам, проявлявшим терпимость в отношении православия, чтобы спасти Северную Русь от окончательной гибели.

Специалист по истории тюрок Л.Н. Гумилев, сын знаменитого поэта Николая Гумилева и не менее знаменитой поэтессы Анны Ахматовой, упоминает об интересном факте в связи с отношениями между татарами и знаменитым русским князем:

У древних монголов бытовал трогательный обычай братания. Мальчики или юноши обменивались подарками, становились андами, называемыми братьями. Побратимство считалось

выше кровного родства; анды – как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности. Этот обычай использовал Александр Невский. Побривавшись с сыном Батыя, Сартаком, он стал как бы родственником хана и, пользуясь этим, отвел многие беды от русской земли.¹⁴

Логика событий привела было Даниила к выбору обратной политики, к политической игре в унию с католиками для получения помощи против татар. Карташев отмечает, что уже в 1245 г. на генеральный церковный собор в Лионе (не путать с Лионской унией греков в 1274 г.) прибыл «Петр, архиепископ Руси», владевший только русским языком, и что целью его миссии были поиски поддержки для спасения от татарской власти земель Галицкой, Волынской и Киевской. По данным Карташева, Архиепископ Петр (Акерович) в 1230-1231 гг. был игуменом киевского монастыря Спаса на Бересте, потом, в какой-то момент перед падением Киева, уже после отъезда или гибели митрополита Иосифа, стал епископом, и в хаосе после татарского погрома стал именовать себя даже митрополитом (на manner Иосифа Угорского, о котором упоминалось выше). В 1245 г. «митрополит Петр» оказался в Венгрии и оттуда попал в Лион, где его заставили служить с латинянами, знаями восточный обряд.¹⁵

Легко себе представить как просто факт появления на юге России двух самозванных митрополитов, один из которых пошел по линии унии, мог повлиять на митрополита Кирилла, а это было только началом. В 1249 г., когда утвержденный греками митрополит вернулся из Никеи, дело дошло уже

до того, что князь Даниил дал согласие приступить к союзу с Римской Церковью и прусский епископ в качестве папского легата привез ему королевский венец.¹⁶ На этот раз Даниил, по мнению Карташева, все же отклонил предложение папы, возможно не без влияния митрополита Кирилла, но в 1252-1253 гг. Даниил все же корону принял и стал королем по милости папы Римского. В 1254 г. Даниил, не получив от католиков реальной помощи против татар, возвратился к православию. Вряд ли подобные маневры могли нравиться, видимо очень принципиальному Митрополиту, всю жизнь боровшемуся за строгое православие.

Если сомнительная игра Даниила Галицкого с католиками все-таки не спасла его от подчинения татарам, то подчинение татарам позволило Александру Невскому не только отражать нападения католиков, шведов и немцев, но и занять принципиальную позицию в отношении Папы. Голубинский пишет, что уже в 1248 г. Папа обращался к Александро с предложением союза и намеревался прислать своего легата-архиепископа Прусского, но Александр не принял этого предложения. Кроме того, Голубинский, ссылаясь на Софийскую 1-ую летопись, приводит аналогичный случай о приезде папских послов в 1251 г. и ответе князя Александра, заявившего послам католикам, что мы от вас учения не принимаем.¹⁷ Последний случай интересен тем, что как раз в том же 1251 г. митрополит Кирилл, как было уже упомянуто выше, посетил Новгород, – совпадение, вероятно, не случайное. Тут хочется остановиться на одном историческом, весьма прискорбном, но, увы, типичном для удельного периода русской истории, событии, событии, в ко-

тором митрополит Кирилл участвовал только косвенно, но которое прямо связано с выработкой правильной политики Руси в отношении завоевателей татар, – проще говоря, в решении вопроса, насколько можно терпеть прямые татарские насилия с целью собирания сил для будущего свержения их ига.

Князь Александр Невский, после смерти своего отца Ярослава Всеволодовича, Великого Князя Владимира, в 1247 г. поехал в Орду к Батыю. До этого Александр пользовался относительной независимостью в Новгороде, не разгромленном татарами. Брат Александра Андрей в это время был уже в Орде. Затем оба брата должны были ехать к великому хану. Хан принял их милостиво, но разделил управляемые ими области так, как это находил выгодным для себя, «поручил Невскому всю южную Россию и Киев, где господствовали чиновники Батыевы. Андрей же сел на престоле Владимирском».¹⁸ Таким образом, крупному государственному деятелю Александру достался разоренный Киев и не покоренный до конца Новгород, а его брату Андрею Владимир, тоже разоренный, но оставшийся, все же, потенциальным центром собирания Северной Руси. К тому же, Андрей по своему характеру был очень отличным от брата. В Никоновской летописи читаем про характер Андрея:

...Онъ же аще и преудобенъ бѣ благородіемъ и храбростію, но обаче правленіе дръжавы яко подѣліе вмѣня, и на ловитвы животныхъ упражня и совѣтникомъ младоумнымъ внимая, отъ нихже бысть зѣло многое нестроеніе, и оскудѣніе въ людехъ, и тщета имѣнію, егоже ради Богу попустившю.¹⁹

Характеристику летописи повторяет Карамзин, но почему-то игнорирует Соловьев.²⁰

В 1250 г., в год приезда во Владимир митрополита Кирилла, Андрей Ярославич женился на дочери Даниила Галицкого. Брак совершил сам Митрополит. Далее приведем сведения историка В.Н. Татищева, бросившего тень на доблестного Александра:

Иде князь великий Александръ Ярославичъ во Орду къ хану Сартаку, Батыеву сыну, и пріятъ его ханъ съ честію. И жаловася Александръ на брата своего великаго князя Андрея, яко сольстивъ хана, взя великое княженіе подъ нимъ, яко старейшимъ, и грады отческіе ему поималъ, и выходы и тамги хану платить не сполна. Ханъ же разгневався на Андрея и повеле Неврюи салтану итти на Андрея и привести его передъ себя.²¹

Татищев не приводит данных, на основании которых обвиняет Александра в интригах против брата. Никоновская летопись об интригах Александра не упоминает, но косвенно как бы подтверждает их следующей фразой, будто бы сказанной князем Андреем, когда на него двинулись татары: «Господи! что се есть доколъ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ, лутчи ми есть бѣжати въ чюжую землю, неже дружитися и служити Татаромъ».²²

Дело окончилось сражением войск Андрея с татарами, проигрышем этого сражения Андреем и бегством его через Новгород, не принявший князя, в Швецию. Великим князем стал Александр, а Севе-

ро-Западная Русь была разгромлена татарами. Кто же все-таки был виновником разгрома? Соловьев верит сведениям Татищева и, виня Андрея в легкомыслии, все-таки рассматривает дело как обычную борьбу братьев за власть. Зато Карамзин явно винит во всем Андрея, не упоминая о данных Татищева и интригах Александра, пишет: «... Андрей, гордый, положиль, что лучше отказаться от престола, нежели сидеть на немъ данникомъ Батыевымъ, и тайно бежаль изъ Владимира... (когда татары – В.А.) уже шли... наказать его за каков-то ослушаніе». ²³

Попробуем разобраться в происшедшем. Легкомыслие князя Андрея будто бы никто не спорит. Неаккуратный платеж дани, связанный с неумением вести дела княжества, неизбежно должен был раздражать татар и заставить их принять какие-то меры. В Орду князь Андрей не поехал, как это сделал позднее, в более трудных обстоятельствах, тверской князь Михаил, заплативший за поездку жизнью, но спасший жителей Твери от татарской мести. Наоборот, по свидетельству летописи, князь Андрей ставил для себя только один вопрос – что лично для него лучше, продолжать править, подчиняясь татарам (по-видимому, такая возможность оставалась) или бежать за границу, куда, вероятно, нельзя было забрать даже дружины, не говоря уже о всем населении княжества. При такой психологии князя Андрея не нужно было интриг брата Александра в Орде, чтобы объяснить все произошедшее. Это и сделал Карамзин. К сожалению, такое рассуждение все же не исключает возможности и интриг Александра. В защиту последнего, правда, можно привести еще одно веское со-

ображение – если бы инициатива свержения Андрея исходила от Александра, то трудно предположить, чтобы татары не заставили бы его принять участие в походе вместе с Неврюем, как это имело впоследствии неоднократно место в аналогичных обстоятельствах.

Так или иначе, но разгром Северной Руси произошел, и даже если в нем был виноват только Андрей, обвинение против Александра было брошено. В этих условиях поведение Митрополита, как раз в вопросе моральном, должно было играть решающую роль. И вот та же Никоновская летопись сообщает: «Того же лъета прииде князь велики Александръ Ярославичъ... изо Орды съ многою честю; преосвященный же Кириллъ, митрополитъ Кіевскій и всея Русіи, срѣте его съ кресты, съ священнымъ съборомъ и со множествомъ людій, и посади его преосвященный Кирилль митрополитъ на великому княжении въ Володимеръ».²⁴

(См. примечание)*

* Примечание

Интересно, что официальная советская история мало занимается описываемыми нами событиями. Например, в 12-томной «Истории СССР», опубликованной в 1960-х годах, о Неврюевой рати просто не упоминается. (См. «История СССР с древнейших времен до наших дней», Москва, «Наука», 1966. Т.2, стр. 56.), а весь эпизод смены великого князя Андрея на великого князя Александра изложен буквально в трех строках. Зато в менее научных изданиях можно найти много свежих и интересных мыслей. Например, писатель Ф.Ф. Шахмагонов и историк И.Б. Греков опубликовали книгу «Мир истории: русские земли в XIII-XV веках», Москва, «Молодая гвардия», 1986. Книга написана без ссылок, но, несомненно, основана на хоро-

К сказанному можно еще добавить, что, заботясь об укреплении порядка в митрополии, митрополит Кирилл позаботился и об области юридической. Уже упоминавшийся нами академик М.Н. Тихомиров отмечает, что: «Когда около 1262 г. киевский митрополит Кирилл обратился к нему (болгарскому князю русского происхождения Святославу, видимо уехавшему в Болгарию от татар – В.А.) с просьбой прислать список «Кормчей книги», являвшейся сборником церковных и гражданских законов, Святослав прислал в Киев рукопись вместе с посланием митрополиту Кириллу».²⁵

Насколько известно автору настоящей работы, митрополит Кирилл нигде прямо не сформулировал причину своего предпочтения Руси Северной Руси Южной и князя Александра князю Даниилу, но все становится ясным из реакции Митрополита на смерть Александра Невского, причисленного впоследствии к лику святых. Вот как описывает это событие историк Тальберг:

Онъ быль во Владими^р (митрополит Кирилл – В.А.), когда въ Городцѣ на Волгѣ умираль благовѣрный князь. Совершая въ соборномъ храмѣ литургію и молясь о благополучномъ возвращеніи Александра изъ Орды, Святитель внезапно подняль свой взоръ вверхъ и

шем знании источников и богата интересными мыслями. Авторы, в частности, всячески защищают честь Александра Невского в деле низвержения брата Андрея и вообще считают, что Александр поехал в Орду не интриговать, а защищать своего легкомысленного брата и предотвратить Неврюеву рать (см. стр. 86-88).

увидѣлъ, что передъ нимъ, какъ живой стоять Александръ, но озаренный неземнымъ сіяніемъ, а затемъ тихо, какъ бы вознесясь на крыльяхъ, скрылось изъ глазъ митрополита «подобіе образа блаженнааго великааго князя Александра». Владыка поняль, что не стало защитника и печальника за Родину. «Дети мои милья! Знайте, что зашло солнце Земли Русской» – проговорилъ онъ сквозь слезы съ амвона и, когда народъ недоумѣвалъ, объявилъ о кончинѣ государя.²⁶

Знаменательно, что сам митрополит Кирилл скончался в 1281 г. именно на севере, в Переяславле Залесском, хотя погребен был в Киеве в своем кафедральном соборе Святой Софии.

МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ (1249-1281) ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ivan Vlasovs'kyi, «Outline History of the Ukrainian Orthodox Church», (New York, Ukrainian Orthodox Church of USA, 1956). См. в книге «Struggle Between the States for the Orthodox Metropolitan See in Slavic Eastern Europe, XIII–XV Centuries».
2. С.Ф. Платонов, стр. 56.
3. Там же, стр. 57.
4. Там же, стр. 58.
5. А.В. Карташев. Примечание к стр. 290.
6. Там же, стр. 290.
7. Е. Голубинский, стр. 53, примечание 2.
8. В.Т. Пашуто. «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси», (Москва, Изд-во Академии Наук СССР, 1950), стр. 83.
9. А.В. Карташев, стр. 292.
10. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 9.
11. Там же, стр. 10.
12. Н. Тальберг, стр. 116.
13. Там же.

14. Л.Н. Гумилев. «Поиски вымышленного царства: легенда о 'Государстве пресвитера Иоанна'». (Москва; «Наука», 1970), стр. 155.
15. А.В. Карташев, стр. 293.
16. Там же, стр. 292.
17. Е. Голубинский, стр. 88.
18. Н.М. Карамзин. «История Государства Российского», (С.-Петербург, Изд. Евг. Евдокимова, 1892 г.) Т. 4. Перепечатка: «The Hague Mouton, 1969), серия Slavic printings and reprintings, 1984) стр. 42.
19. Полное собрание русскихъ лѣтописей: VIII. Лѣтописный сборникъ, именуемый Патріаршею или Никоновскою Лѣтописью (Москва, «Наука», 1965), Т. X, стр. 138. Воспроизведение текста тома X с издания 1885 г.
В дальнейшем см. сноски под заголовком «Патриаршая или Никоновская летопись».
20. С.М. Соловьев. «История России с древнейших времен», (Москва, Изд-во Социально-экономической лит-ры, 1960). Книга II, Т. 3, стр. 156.
21. В.Н. Татищев. «История российская», (Москва-Ленинград, «Наука», 1965) Т. 5, стр. 40.
22. Патриаршая или Никоновская летопись, стр. 138.
23. Н.М. Карамзин, стр. 44.
24. Патриаршая или Никоновская летопись, стр. 139.
25. М.Н. Тихомиров, «Исторические связи России со славянскими странами и Византией», (Москва, Изд-во «Наука», 1969), стр. 134.
26. Н. Тальберг, стр. 117.

МИТРОПОЛИТ МАКСИМ (1283-1305)

Фактическое перенесение митрополичьей кафедры на север показывает историческую прозорливость митрополита Кирилла, погребение его в Киеве подчеркивает стремление сохранить традицию и подчеркнуть единство митрополии.

Митрополит Кирилл умер в 1281 году, пробыв во главе Русской Церкви без малого 40 лет, если считать с его фактического поставления князем Даниилом Галицким, а не с утверждения его в качестве русского Митрополита Константинополем. Следующим Митрополитом стал грек – митрополит Максим, который правил Русской Церковью с 1283 по 1305 год. Митрополит Макарий и Голубинский дают 1283 год как дату начала управления митрополита Максима. Карташев почему-то меняет ее на 1287 г., не объясняя почему. Если вспомнить, что предшественник митрополита Максима, русский, а не грек, митрополит Кирилл был утвержден греками, возможно из нежелания греческих епископов рисковать жизнью в только что покоренной татарами киевской Руси, то назначение митрополита грека можно считать логическим продолжением порядка, установившегося на Руси (кроме отдельных исключений) с самого принятия христианства. Важно, что назначение митрополита-грека, насколько известно, произошло без протестов с русской стороны, а самое главное, что митрополит-грек стал продолжателем церковной политики своего русского предшественника, без каких-либо отклонений от последней.

Прибыв в Россию, митрополит Максим сразу

поехал в Орду, а по возвращении из Орды собрал в Киеве всех русских епископов. При отсутствии сведений о причине поездки Митрополита в Орду и о вопросах, разбиравшихся на собрании епископов, историки высказывают по этому поводу ряд предположений, интересных тем, что они связаны с выявлением общей исторической ситуации того времени, понимание которой помогает понять и положение в самой России. Католик, историк Русской Православной Церкви, Амманн, например, отмечает, что с 1281 по 1287 г. татарским ханом был Хан Тудан-Мангу, подчинившийся полностью магометанскому влиянию.¹ Конечно, магометанское влияние могло нарушить относительно хорошие отношения русских митрополитов с татарами, позволившие митрополиту Кириллу даже учредить в Сарае православную епархию для, говоря современным языком, русских, депортированных в Орду (татарами). Кроме того, византийская империя, сумевшая в 1261 г. возвратить Константинополь, захваченный в 1204 г. крестоносцами католиками, в это время отчаянно боролась с наступавшими с востока турками, против которых старалась использовать татар. Таким образом, посещение Орды русским Митрополитом, греком по происхождению, могло быть полезно и русским, и грекам одновременно.

Что касается собора епископов, то тут главные соображения русских историков связаны с опасностью не магометанского, а католического наступления на православие. Выше было уже отмечено, что в 1274 г. византийский император Михаил Палеолог был вынужден политическими обстоятельствами пойти на унию с Католической Церковью, заключенную в городе Лионе. Греческий народ и

церковь не приняли этой вынужденной унии, и она была официально ликвидирована в 1282 г., как раз за год до прибытия митрополита Максима в Россию. По предположению русских историков, митрополиту-греку было необходимо разъяснить русским епископам, что чистота греческого православия теперь полностью восстановлена. Для русского епископата вопрос об унии был вопросом вполне реальным – католики продолжали свое наступление на южную Россию и после смерти Даниила Галицкого, получившего от Папы титул кророля.

Продолжение внутренней церковной политики митрополита Кирилла митрополитом Максимом выражлось в том, что в 1299 г. он переехал окончательно из Киева во Владимир со всем своим «крылосомъ». Толчком к переселению послужил очередной разгром Киева татарами в этом году. Жители разбежались. Вынужден был покинуть город и Митрополит. В летописи читаем:

Того же лѣта пресвященный Максимъ митрополитъ Кіевскій и всѧ Руси, не терпя насилия отъ Татаръ въ Кіеве, поиде изъ Кіева, и весь Кіевъ разыдеся; а митрополитъ иде изъ Кіева къ Брянску, а отъ Брянска иде въ Сузdalскую землю, и тако пришедъ съ крылосомъ и со всѣмъ житіемъ своимъ и сяде въ Володимери, и въ Суздалѣ, и въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ и прочая тамо прилежаща места. А Семіона Володимерскаго посла въ Ростовъ, и даде ему Ростовскую епископью.²

Под словом «крылось», или «клирос», как пишется в настоящее время, надо, очевидно, понимать в

данном случае духовенство кафедрального собора: митрополита и его митрополичью канцелярию, что значит, что на север переселилось и все управление Русской Церкви, хотя Митрополит и продолжал титуловаться митрополитом Киевским и всяя Руси. Очень важно подчеркнуть и другое обстоятельство, связанное с переселением митрополита – именно то, что епископ Владимирский Симеон был перемещен в Ростов, конечно для того, чтобы дать возможность самому Митрополиту управлять Владимирской кафедрой.

Митрополит Максим и до, и после переселения во Владимир ездил по всей русской земле, как это делал митрополит Кирилл, «учаше, наказуяше, управляше», т.е. активно поддерживая связь отдельных епархий с митрополией. С этим стремлением сохранить единство церкви при политической раздробленности была, конечно, связана и постепенность переселения церковного управления из географически центрально расположенного Киева на северную окраину страны; как увидим ниже, предосторожность далеко не излишняя.

Последним звеном того же процесса при митрополите Максиме была его смерть на севере Руси и, самое главное, погребение уже не в Киеве в Святой Софии, а во Владимире в знаменитом Успенском соборе.

Профессор Карташев приводит в своей «Истории Русской Церкви» интересный факт:

Во Владимирском Успенском соборе есть икона Божией Матери, подающей м. Максиму омфор с надписью: «Сей святый чудотворный образъ Пр. Богородицы написанъ бысть въ лѣто

1299 (6807), по видѣнію Максима митропол. Владімірскаго и всея Россіи чудотворца (?), греченина родом: егда ему пришедшу отъ Кієва во Владиміръ и отъ путнаго шествія въ келліи своей мало уснувъ, аbie... явися ему Пречистая Дѣва БЦА... и глагола: рабе мой Максиме, добрѣ пришелъ еси съмъ посѣтити градъ мой, и подаде ему омофоръ, глаголя: пріими сей омофоръ и паси въ градѣ моемъ словесные овцы; онъ же пріемъ, возбудися отъ сна и въ келліи никого же видѣ, а омофоръ обрѣтесь въ руцѣ его... и повелѣ написати сей ее образъ тѣмъ подобіемъ, якоже видѣ.³

Таким образом, перенесение центра на север нашло для себя «санкцию в чуде», по выражению проф. Карташева.

Борьба за единство митрополии не окончилась на переселении киевского митрополита на север – закончилась только одна из ее фаз, при этом новая фаза борьбы началась уже при митрополите Максиме, а продолжилась при его преемнике, русском из Галиции митрополите Петре, ставшим первым в ряду святителей Московских – святых Петре, Алексии, Ионе, Филиппе и Гермогене.

В предыдущей главе был описан характерный эпизод, произшедший еще в начале 1160-х годов, когда знаменитый северный князь Андрей Боголюбский, воспользовавшись смертью киевского митрополита Федора, попытался получить для северной Руси особого митрополита, что разделило бы уже тогда русскую митрополию на две части. К счастью для Русской Церкви и русского государства греки позаботились тогда о сохранении единства русской

митрополии и отказали князю Андрею в его просьбе. Теперь, почти 140 лет после упомянутого события, была сделана аналогичная попытка – на этот раз отделить от русской митрополии митрополию галицкую. «В это время, – пишет Карташев, – галицкие князья, в лице Юрия Львовича (внука Даниила Романовича)… решили отделиться от Киевского митрополита в церковном отношении и начали хлопоты у патриарха и императора».⁴ Императором в это время был Андроник II (1282-1328 гг.), порвавший унию с Католической Церковью, заключенную его отцом Михаилом III в 1274 г., циничным политиком, но человеком умным и твердым, сумевшим вернуть Константинополь, захваченный крестоносцами в 1204 г. Андроник II вынужден был продолжать борьбу с католическим Западом, при одновременном нажиме с Востока. Состояние церкви в Византии в это время было тоже более чем сложным; борьба между меньшинством, поддерживавшим ранее унию, и большинством противников унии расколола церковь и все еще не была закончена. Византийская империя находилась в очень тяжелом положении, хотя до ее окончательного падения оставалось еще около 150 лет. Все это вполне может объяснить то, что греки в 1163 г., не позволившие князю Андрею Боголюбскому разделить надвое русскую митрополию, в 1302 г. уступили просьбам южно-русских князей, поддержавших внука князя Даниила Галицкого князя Юрия Львовича и возвели галицкую епископию на степень митрополии. Первым митрополитом галицким стал «некий (выражение Карташева) Нифонт». Карташев предполагает, что митрополит Нифонт должен был быть галичанином потому, что после та-

тарского нашествия греки «из-за сложных дипломатических отношений с монгольской империей вдруг начали сбрасывать с себя титул русских митрополитов на русские плечи», а, кроме того, «при обязательствах, налагаемых на греков унией 1274: греку митрополиту» было не совсем удобно быть «в державе латинской (польская Галичина), ибо от него могли потребовать уни». ⁵

С мнением Карташева нельзя не считаться, хотя его выводы хочется несколько ограничить. Правда, что именно татарское нашествие, очевидно, способствовало назначению на киевскую митрополию русского митрополита Кирилла в 1249 г., но ведь следующим за русским Кириллом был снова грек Максим. Что же касается до латинизации Галичины и захвата ее Польшей, то захват этот был сложным медленным процессом, начавшимся еще в 13 веке, но законченным только полстолетия спустя, около 1350-го года. Был ли митрополит Нифонт галичанином или греком, не так важно. Важнее то, что греки все-таки вынуждены были историческими обстоятельствами изменить свою политику сохранения единства русской митрополии, на этот раз не надолго, как мы увидим из последующих событий.

МИТРОПОЛИТ МАКСИМ (1283-1305) **ПРИМЕЧАНИЯ**

1. Albert M. Ammann. «Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte», (Wien: Thomas Morus Presse im Verlag Herder, 1950), стр. 78.
2. Патриаршая или Никоновская летопись, Т. X, стр. 172.
3. А.В. Карташев, Т. 1, стр. 296-297.
4. Там же, стр. 297.
5. там же, стр. 298.

МИТРОПОЛИТ ПЕТР СВЯТИТЕЛЬ МОСКОВСКИЙ (1308 – 1326)

Митрополит Максим умер в декабре 1303 г. и был погребен уже во владимирском Успенском соборе, а не в Киеве, как его предшественники. Почти одновременно умер и митрополит галицкий Нифонт (1305 г.). Поскольку с назначением (поставлением) Нифонта галицкая митрополия была санкционирована Константинополем, вполне естественно, что галицкий князь Юрий Львович послал в Константинополь своего кандидата на место Нифонта, галицкого уроженца игумена Ратьского монастыря. Великий же князь владимирский Михаил Ярославович послал на место митрополита Максима своего кандидата – киевского игумена Геронтия. В сложившейся ситуации, казалось бы, всего естественнее можно было бы ожидать поставления двух кандидатов на две свободившиеся митрополии. Однако, все вышло иначе. С большим промедлением, только в 1308 г. нарушенное было единство русской митрополии оказалось восстановленным греками. При этом галицкая митрополия была устроена, но зато кандидат на нее, галицкий игумен Петр, стал единственным митрополитом киевским, а кандидат князя владимирского Геронтий был отвергнут. Сделали это те же лица, которые отделили было галицкую митрополию от киевской: именно император Андроник II и патриарх Афанасий. Почти трехлетнее промедление с поставлением митрополита Петра, конечно, вызывает предположение о возможной закулисной борьбе и каких-то колебаниях. К сожалению, наши историки просто не

знают, что происходило в Константинополе на самом деле и высказывают только одни предположения.

Для нас важно, что кандидат галицкого князя, только что добившегося отдельной митрополии для своего княжества, не остался на юге России, а вслед за своими предшественниками переселился на север во Владимир. Это тем более интересно, что положение на севере в начале 14 века, в смысле политической запутанности, мало чем отличалось от положения на юге. В хаосе удельного разделения и удельных войн во Владимиро-Суздальской Руси на период управления митрополита Петра падает ожесточенная борьба за великое княжение владимирское между прямыми поитомками св. Александра Невского, старшей линии князей, сидевших в Твери и младшей линии, сидевшей в Москве. Москва в это время только-только начала подниматься, но уже настолько усилилась, что, по мнению историка С.М. Соловьева, «Юрий московский был также силен, если еще не сильнее Михаила тверского и потому считал себя вправе быть ему сопреником».¹ Таким образом, митрополиту Петру пришлось выбирать не только между Русью Южной и Русью Северной, как его предшественникам, но еще, предпочтя север югу, делать выбор между князьями тверскими и московским. В настоящее время, зная что Москве в конце-концов удалось не только собрать уже к концу 15 века все оставшиеся незахваченными Литвой и Польшей киевские земли, но и освободить Русь от татарского ига, нам может показаться не таким трудным выбор, сделанный Митрополитом, но в момент его появления на севере положение было совсем дру-

гим. Не будем скрывать, что мы верим, что Церковь не ошиблась, прославив митрополита Петра как первого святителя московского. Конечно, Церковь понимала это прославление не как моральную поддержку местного удельного московского шовинизма, а как оценку деятельности святителя с точки зрения общерусских интересов, церковных и государственных, не отделяя полностью первые от последних, как это принято делать некоторыми либеральными историками и мыслителями в настоящее время.

Все вышеизложенные рассуждения останутся, конечно, только рассуждениями, если не будут подтверждены историческими фактами. Подчеркнем сразу, что отдельные исторические факты могут показаться и неблагоприятными для защищаемой нами точки зрения, но взятые в целом они, как нам кажется, очень ярко ее подтверждают.

Начнем с того, что князь Юрий московский вошел в историю как одна из самых отрицательных личностей, а князь Михаил Тверской прославлен как святой. Казалось бы, на чьей стороне должен был оказаться глава Русской Церкви? Более того, казалось бы, сама история подсказывает достаточно неблагоприятное объяснение для поведения Митрополита. Князь Михаил тверской, очевидно, обиженный отказом Константинополя утвердить присланного им кандидата, принял нового митрополита в штыки и, по крайней мере, несколько раз пытался содействовать его низложению. С этой точки зрения митрополиту Петру и не оставалось иного выбора, как опереться на Москву и искать защиты у московского князя Юрия Даниловича, закрывая глаза на все преступления последнего и не

ставя перед собой никаких общечерковных и обще-государственных задач. Если не прямо, то до известной степени так и описывает события известный нам историк Русской Церкви академик Голубинский. Поколебать эрудицию Голубинского, конечно, задача трудная, но, к счастью, будучи настоящим историком, почтенный академик всегда отделяет факты от своих предположений и догадок, что дает возможность, опираясь на его же данные, покритиковать предположения и догадки Голубинского. Голубинский, отмечая враждебное отношение великого князя Михаила Ярославича к митрополиту Петру, проявившееся сразу же после приезда последнего, и объясняя именно этой враждебностью фактическое переселение Митрополита в Москву, даже не ставит вопроса о том, что у митрополита Петра была возможность отъезда не только в Москву, но и в Галич. Этот вопрос ставит Карташев, отвечая на него, правда, отрицательно, но приводя при этом не бесспорный аргумент. Такая возможность все-таки существовала.

Второе, что почему-то не приходит в голову Голубинскому, это то, что ведь переселение Митрополита (продолжавшего титуловаться Киевским) в Москву состоялось за год до его смерти, сразу после смерти непопулярного князя Юрия Даниловича, уже при Иване Даниловиче Калите. Самый этот факт Голубинский не опровергает, тратит на его анализ много усилий, но даже не предполагает, что Митрополит мог не торопиться с полным переселением в Москву именно по моральным соображениям, ценя в Юрии Даниловиче его политическую сметку, но не желая брать на себя ответственность за аморальные поступки этого князя.

К сказанному надо еще прибавить, что более положительный князь Михаил тверской поднялся на большую моральную высоту только перед своей трагической смертью в Орде, когда в ожидании казни показал образцовое мужество, твердую веру и исключительную моральную стойкость. Будучи же правителем, тверской князь уже не так и отличался от своего московского соперника, конечно превосходя Юрия морально, но зато очень уступая ему как политик. В этом отношении полезно привести интересное обобщение С.М. Соловьева:

До сих пор при стремлении северных князей к примыслам, к увеличению своих волостей, своих материальных средств, они обыкновенно стараются привести в свою волю Новгород Великий. (Чем и занимался в нашем случае князь Михаил Ярославич тверской – В.А.) . . . но борьба с Новгородом ни для одного из них не увенчивается полным успехом; средства князей еще не так велики . . . Московские князья при начале своего усиления поступают благоразумнее: вооружаются против ближайших соседей, слабых, с которыми легко сладить, при том же примыслы на их счет слишком далеки от главной сцены действия, не могут возбудить подозрения и сильного противодействия.²

Добавим от себя, противодействие татар, в первую, и соперников князей, во вторую очередь. О пользе объединения всех княжеств под одним руководством, конечно, спорить не приходится, а для этого и нужно было вести политику усыпления подозрительности татар и других князей, на взаимной зави-

сти и соперничестве которых и зиждалось татарское господство. Это была политика св. Александра Невского и ее же, по мере сил, продолжали и менее блестательные и менее моральные князья московские. Именно это наверное и понял митрополит Петр. Вражда же к Митрополиту тверских князей, конечно, только содействовала принятию исторически правильного решения.

Обратимся теперь к краткому описанию деятельности митрополита Петра. Из наших трех крупных историков Русской Церкви, использованных для настоящей работы, наиболее подробно о митрополите Петре пишет Е. Голубинский (47 страниц). Его описание и возьмем за основу.

Начиная описание источников, Голубинский упоминает, как главные, два жития святого и летописи. Первое житие приписывается епископу Прохору ростовскому, современному Митрополита, поставленному митрополитом Петром на кафедру в 1311 г. По мнению Голубинского, это житие могло быть написано и другим, неизвестным лицом. Второе житие написано митрополитом киевским Киприаном уже после 1390 г. Оба жития Голубинский считает слишком краткими и полными недоговоренностей, что и толкнуло Голубинского и других историков на пополнение исторических сведений догадками и предположениями. Догадки эти начинаются уже с вопроса о месте рождения Митрополита и социальной принадлежности его родителей. Родился св. Петр где-то в области Галицко-Волынской. По предположению Голубинского, родителями его были либо просто зажиточные люди, либо даже бояре. Догадка эта основана на том, что, св. Петр, уйдя в монахи, позднее построил собственный монастырь,

из чего можно заключить, что святитель был человеком со средствами.³ Упомянем, что, судя по житию епископа Прохора, приведенному полностью митрополитом Макарием, «Сей св. Петръ митрополить родился отъ родителю крестьяну».⁴ Уже 12-ти лет св. Петр поступает в монастырь «по окончании книжного учения», что отмечается и в приведенном выше житии епископа Прохора, с уточнением, что обучение было начато, когда мальчику исполнилось семь лет. Этот факт, конечно, косвенно подтверждает предположение Голубинского о сравнительно высоком социальном положении родителей св. Петра. В монастыре юноша «усердно ревновал» о монашеских подвигах и, кроме того, стал иконописцем, настолько хорошим, что две его иконы потом оказались в иконостасе московского Успенского собора, причем одна из них была привезена на север предшественником митрополита Петра, известным нам митрополитом Максимом. Как уже отмечалось выше, св. Петр после более или менее долгого пребывания в монастыре основал свой монастырь недалеко от г. Львова, на реке Рате. Вся его деятельность настолько прославила св. Петра, что галицкий князь не нашел лучшего кандидата в митрополиты, чем игумен Петр.

Мы уже знаем, что галицкий князь Юрий Львович послал игумена Петра, а тверской князь Михаил игумена Геронтия почти одновременно на две вакантные митрополичьи кафедры – киевскую и галицкую. Голубинский очень подробно и убедительно показал, что Геронтий был послан именно князем Михаилом, а не поехал сам, как об этом пишется в житиях. На этом вопросе мы останавливаться не будем. Для нас важно то, что греки все-таки

решили вновь объединить русскую митрополию, назначили на нее св. Петра и назначение это состоялось почти через три года, учитывая что митрополит Максим скончался в 1305 г., а митрополит Петр был поставлен в мае – июне 1308 г. Такое промедление в те времена не было исключением: грек митрополит Максим был поставлен через 6 лет после смерти митрополита Кирилла. Уже в следующем, 1309 г. митрополит Петр, по словам Голубинского, «явился на свой новый и действительный столь во Владимиръ Кляземскій».⁵

В житии, написанном Киприаном, пишется, что в северной Руси были люди, не хотевшие принять нового митрополита. Голубинский предполагает, что главным лицом в этой оппозиции и был великий князь Михаил, не могший забыть обиды за неутверждение своего кандидата. Так или иначе, но по мнению Голубинского, с которым трудно не согласиться, Михаилу Ярославичу было бы выгоднее примириться с поставлением чужого кандидата, а не толкать его своей враждебностью в сторону московского князя. Добавим от себя, что именно это и указывает на политическую ограниченность князя Михаила, в особенности если учесть, что митрополит Петр был выдвинут не близким соперником князем московским, а далеким южным князем галицким.

Упомянув о первоначальной оппозиции новому митрополиту, автор жития епископ Киприан пишет: «По времени же, себе зазрьша и святителя того пріяша (и) съ смиреніемъ тому покоришася».⁶ Этому утверждению жития Голубинский просто не верит, основываясь на том, что: «Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ занятія Петромъ кафедры

митрополичьей во Владимирѣ епископъ тверской Андрей отправилъ на него патріарху доносъ съ какими-то весьма тяжкими противъ него обвиненіями»,⁷ результатомъ чего была присылка въ Россію для разбирательства дела представителя Патріарха. Голубинский не допускаетъ мысли, что епископъ Андрей тверской могъ написать доносъ безъ прямого участія своего князя Михаила, но такого указания въ житии нетъ. Вотъ что написано въ житии:

И послѣ преподобный патріархъ Афанасей единаго отъ клирикъ своихъ мужа сановита, разсудна и разума мудра и тиха, рекущи: «чадо Петре! Не азъ тя избрахъ, но Святый Духъ постави тя пастуха и учителя Христову стаду словесныхъ овецъ. Се придоша отъ вашего языка словеса тяжка на твою святыню. Подщився буди предъ святымъ соборомъ и дай ответъ симъ словомъ». Бывши же сбору въ градѣ Переславль и ту бывшю преподобному Семеону, епископу Ростовскому, и преподобному игумену Прохору сущи; приѣхавши же клирику отъ Константина града и привану сущи Андрею епископу, а князю великому Михаилу въ ордѣ бывши, но приѣхавши сыну его, князю великому Дмитрею, и брату его Олександру, и ины князи мнози, вельможи и воеводы и множество преподобныхъ игуменъ и ерей. И аbie посрамленъ бысть Андрей, епископъ Тферський; святый же Петръ митрополитъ ничтоже не створи ему зла, но рече: «миръ ти, чадо, не ты бо се створи, но діаволь».⁸

Изъ этого, какъ видимъ, скучного фактического

материала Голубинский делает достаточно убедительное предположение, что донос епископа Андрея сводился к обвинению митрополита Петра в симонии, т.е. взымании платы за посвящение в духовный сан. Вопрос этот вызывал споры и в Византии, и на Руси. И там, и тут было принято взымать с посвящаемых некоторую плату при посвящении. Ригористы считали это покупкой благодати, а умеренные просто платой на покрытие расходов, связанных с посвящением. Были даже установлены нормы таких расходов. Естественно, что именно подобное обвинение митрополита Петра могло взволновать патриарха и заставить его прислать своего представителя для выяснения границы между покупкой благодати (симонией) и платой на покрытие расходов. Высказав столь вероятное предположение, Голубинский подтверждает его в частности и тем рассуждением, что будь обвинение епископа Андрея менее общим, направленным лично против Митрополита, последний вряд ли простил бы епископа Андрея. С последним можно и не согласиться. Почему в самом деле не допустить, что православный Митрополит мог просто простить побежденного противника.

Важно отметить, что собор происходил не во Владимире, не во враждебной Твери Москве, не в самой Твери, а в Переяславле, «пригороде Московского удела», – месте относительно нейтральном. На соборе, кроме Митрополита, было всего два епископа – один из них обвинитель, тверской епископ Андрей – зато было много духовенства не епископского сана и светских людей. Собор был очень бурным, и большое количество князей и бояр придавало ему, конечно, политический оттенок. Голубинский делает достаточно убедительное предположение, что донос епископа Андрея сводился к обвинению митрополита Петра в симонии, т.е. взымании платы за посвящение в духовный сан. Вопрос этот вызывал споры и в Византии, и на Руси. И там, и тут было принято взымать с посвящаемых некоторую плату при посвящении. Ригористы считали это покупкой благодати, а умеренные просто платой на покрытие расходов, связанных с посвящением. Были даже установлены нормы таких расходов. Естественно, что именно подобное обвинение митрополита Петра могло взволновать патриарха и заставить его прислать своего представителя для выяснения границы между покупкой благодати (симонией) и платой на покрытие расходов. Высказав столь вероятное предположение, Голубинский подтверждает его в частности и тем рассуждением, что будь обвинение епископа Андрея менее общим, направленным лично против Митрополита, последний вряд ли простил бы епископа Андрея. С последним можно и не согласиться. Почему в самом деле не допустить, что православный Митрополит мог просто простить побежденного противника.

бинский датирует собор 1310 или началом 1311 года. Надо еще отметить, что, по данным Голубинского, подтвержденным документами, князь Михаил вскоре повторил попытку очернения Митрополита в Константинополе, снова неудавшуюся, но, конечно, еще раз толкнувшую Митрополита в сторону Москвы.

Неприятности, связанные с доносами, не отвлекли митрополита Петра от прямых его обязанностей духовного укрепления русского народа. В житии епископа Прохора читаем:

И пришедъ во свою митрополью, и нача
учити заблужшаа крестьяны, ослабѣвшаа нужа
ради поганыхъ иноверець, протолкуя Евангель-
скаа писаніа и апостольскаа, якоже великий
Василей, Иоанъ Златоустый, Григорей, та уч-
нья излагаа и къ семоу свое смиреніе являя, и
тѣмъ утверждая истинную веру во крестьянехъ,
прходя волынскую землю и Киевскую, и Со-
здальскую землю, уча вездѣ всяя.⁹

Подобные обезды делали и другие митрополиты, и можно себе представить как они поднимали дух угнетенного и разъединенного народа и поддерживали ощущение единства русской земли.

Зашита общерусских интересов была связана и с поездкой митрополита Петра в Орду для получения ярлыка от нового хана Узбека. Напомним, что уже при митрополите Кирилле в 1261 г. в столице Орды Сарае была учреждена православная епископская кафедра во главе с епископом Митрофаном. Кафедра эта была необходима для окормления многочисленных русских, вывозимых татарами

ми в Орду, но она же автоматически превращалась в важный дипломатический пост. Мы уже отмечали, что Византия в это время старалась использовать татар для ослабления турецкого давления. Европейские страны по разным причинам тоже были заинтересованы в могучей еще Орде. В области религиозной в Орде боролись мусульманские, католические и православные влияния. (См. примечание).*

Всем было, конечно, важно перевести язычников татар в свою веру. Для русских же митрополитов связи в Орде могли оказаться очень важными и для укрепления самостоятельности церкви в раздираемой междуусобными войнами Руси. Характерно, что в 1312 г., за год до своей поездки в Орду, митрополит Петр сменил сарайского епископа Измаила на Варсанофия. Сведений об этом мало, но Голубинский отмечает, что Варсанофий в «позднейшее по крайней мере время... пользовался на-

* Примечание

Лев Гумилев, в уже цитированной нами книге «Поиски вымышленного царства», уделяет много внимания несторианам, но пишет, что «отзвуки» несторианства в русской литературе XIII века «завуалированы, и отыскать их можно лишь путем сложной дедукции» (стр. 332). Это несмотря на то, что, по мнению Гумилева, несторианство в созданном монголами государстве представляло «религию, пусть не господствующую, но влиятельную» (стр. 332), а сын Батыя Сартак был христианином несторианином, хотя и скрывал это (стр. 282). Сартак был тем царевичем, который стал побратимом князя Александра Невского. «Однако, – как отмечает Гумилев, – к католикам и православным Сартак не благоволил, делая исключение лишь для своего личного друга – Александра Ярославича Невского» (стр. 331).

рочитымъ благоволеніемъ Узбека».¹⁰ Голубинский уверен в том, что Варсанофий полностью поддерживал Митрополита в Орде и содействовал его успеху. Далее Голубинский делает очень вероятное предположение, что укрепление позиций Митрополита в Орде в присутствии великого князя Михаила, приехавшего в Орду одновременно, укрепляло положение Митрополита и по отношению к последнему.

По поводу необходимости для митрополита Петра парировать католическое влияние в Орде находим указание уже у Карамзина. В связи с отъездом Митрополита в Орду Карамзин пишет, что Митрополиту пришлось торопиться с отъездом «того ради, чтобы напередъ (прежде) быти у Царя (т.е. хана – В.А.) Нѣмецкихъ пословъ Пискупа Матея».¹¹ На этом кратком сообщении наши историки почти не останавливаются, зато у католика Амманна есть упоминание, что в указанное время у православных в Орде были неприятности с францисканцами, имевшими уже крепкие традиции в Пекине, опираясь на которые они получили специальную охранную грамоту и в Сарае в 1314 г.¹²

Интересно, что после смерти Сартака, отравленного за неосторожное оскорбление мусульман, хан Берке, сам мусульманин, разгромил несториан, но не изменил отношения к князю Александру Невскому. Более того, как раз Берке «позволил основать в Сарае епархию в 1261 году и благоволил православным, опираясь на них в войне с персидскими ильханами, покровителями несторианства» (стр. 332). Таким образом, несторианство, по данным, приводимым Гумилевым, сыграло только косвенную роль в политике татар в отношении России.

Сам митрополит Петр получил от хана Узбека особенно благоприятный ярлык, который, по справедливому заключению Голубинского, отличался «одною важною особенностью» от предыдущего ярлыка, полученного митрополитом Кириллом. «...в нем предоставляется св. Петру судить при надлежащих ему людей во всем без изъятия», что ставило не только саму церковь, но и церковных людей в особое привилегированное положение. Успех митрополита Петра должен считаться нами еще большим, если мы учтем, что хан Узбек был магометанином, и, повидимому, ревностным, а в Киприановом житии есть указание, что митрополит Петр «препрѣ» приехавшего на «прю», т.е. диспут, некоего сеита, по предположению Голубинского, проповедника мусульманства.¹³

Как ни истолковывать все вышеизложенные факты и предположения историков, но они говорят о большой государственной мудрости и выдержке митрополита Петра.

Пришлось Митрополиту вмешиваться и в междоусобные княжеские войны, стараясь, как это делали и другие митрополиты, мирить князей. Никоновская летопись отмечает такое вмешательство Митрополита в ссору князей из-за города Брянска, вмешательство, которое могло стоить жизни самому Митрополиту. Под 1310 г. летописец отмечает, что племянник князя Святослава Василий, заручившись татарской помощью, пришел к Брянску, «Петръ же митрополитъ (приехавший в Брянск – В.А.) рече князю Святославу брянскому: 'Подъли-ся, сыну, зъ братаничемъ своимъ Василіемъ княженіемъ или оставивъ єму вся, бѣжи изъ града...'» Князь не послушался совета, был разбит и погиб в

бою. «Петръ же митрополитъ затворися тогда въ церкви, и Богъ тамо съхрани его отъ поганыхъ Татаръ...»¹⁴ В другой раз Митрополит в следующем, 1311 г., удержал угрозой отлучения сына князя Михаила тверского от похода на Нижний Новгород.¹⁵

Судя по житию и летописям, митрополит Петр очень подтягивал духовенство, начиная с епископов, и вообще был твердым церковным кормчим. Мы уже отмечали, что свое окончательное переселение в Москву св. Петр откладывал довольно долго. Борьба Москвы с Тверью, князя Михаила тверского и Юрия московского, все более обострялась, пока не окончилась трагической гибелью обоих соперников. Произошло это так. В 1317 г. Юрий возвратился из Орды, женившись на сестре хана, принявшей православие. Осенью того же года соперники начали новую войну и Юрию удалось включить в свое войско отряд татар. Победил Михаил. Командовавший татарами ханский посол Кавгадый вовремя отступил, а татарка, жена Юрия, попала в плен к Михаилу и, на беду последнего, вскоре умерла, при чем распространился слух, что она была отравлена. В 1318 г. князь Михаил был вызван на суд в Орду. Судили князя дважды. У Михаила были в Орде сильные защитники, но обвинения были серьезные. Никоновская летопись приводит татарскую формулировку обвинения: «гордъ еси и непокоривъ царю нашему, и посла царева Ковгадыа соромотиль еси, и съ нимъ бился еси, и Татаръ его побилъ еси, и дани царевы ималъ еси себъ... и казну въ Римъ къ папъ отпустиль еси, и княгиню Юрьеву зеліемъ уморилъ еси...»¹⁶

С точки зрения собирателей русской земли, начиная со св. Александра Невского, считалось,

что преждевременные выступления против татар приносили только вред. В интересах татар было стравливать князей между собой и посыпать карательные экспедиции для разорения и ослабления русской земли. В этом отношении победа над татарами князя Михаила вызывала, с одной стороны, понятное сочувствие, но, с другой стороны, столь же понятное осуждение. Интересно само по себе упоминание о подготовке побега князя к папе. Католики, конечно, пристально следили за происходившим в России.

В Троицкой летописи уделено много места подробному описанию поведения князя Михаила в Орде. После осуждения он еще долго мучился в оковах и показал себя смиренным и твердым христианином, пока не был зверски убит врагами. Интересно, что князь полностью осознал свою ошибку, поставившую в опасное положение и Тверь, и всю русскую землю. Князь поехал в Орду, а не бежал за границу, как это сделал в 1252 г. брат Александра Невского Андрей (см. выше) во время Неврюевой рати, чтобы принять на себя весь гнев хана и этим защитить русскую землю. Уже будучи осужден, он снова отказался от предлагаемого ему друзьями побега и вполне сознательно принял мученичество.¹⁷

Устранив соперника, князь Юрий недолго был великим князем – всего около 4-х лет, с 1318 по 1322 г. В 1322 г. он был убит в Орде сыном князя Михаила Дмитрием, мстившим за смерть отца, и великое княжение снова перешло к Твери. Московским князем стал знаменитый собиратель русской земли Иван Калита, получивший в 1325 г. и великое княжение. Только при Иване Калите митропо-

лит Петр окончательно переселился в Москву.

В житии, написанном епископом Прохором, о смерти митрополита Петра читаем:

Благочестивому князю... рече святый митрополитъ: «да зижется церковь камена во градѣ твоемъ святаа Богородица». Благовѣрный князь поклонися и рече: «твою молитвою, святый отче, да будетъ». Основаннѣй же бывши церкви и гробъ собѣ сотвори святыма своими рукама. По малъ же времени възвещъна бысть святымъ ангеломъ смерть его. Си же нача литургію творити о здравие благовѣрныхъ царей и за благовѣрного князя Ивана, за княгиню и за дѣти, и за вся воя его, и о всемъ мірѣ, за вся усопшаа цари и князи, и за вся крестьяне усопшаа.¹⁸

Умер митрополит Петр в 1326 г., прожив в Москве после своего окончательного в нее переселения всего один год.

Со смертью митрополита Петра окончился период соперничества Северной Руси с Русью Южной. Князь Иван Данилович Калита начал уже все-рьез собирать в одно целое Северную Русь. Одновременно Галич начал приходить в упадок, и в 1340 г. польский король Казимир Великий включил его в состав своего государства. Соперником Москвы стало Литовско-Русское государство, а соперником лично Ивана Калиты знаменитый литовский князь Гедемин. Литовцы некоторое время колебались между язычеством, православием и католицизмом. В то же время Литва захватывала юго-западные русские княжества, таким образом,

освобождая их от татар, пока три четверти литовского государства не стало русским. Стержнем этого нового объединения, однако, оставались литовцы, что создавало непреодолимые уже трудности для сохранения единой митрополии. Этот новый историко-культурный процесс начался еще при митрополите Петре, когда в 1316-1317 гг. в Константинополе для Литвы был поставлен отдельный митрополит. В 1386 г. Литва династически объединилась с католической Польшей и постепенно была поглощена последней. Католицизм же начал систематическое наступление на православие, добившись в 1596 г. перехода части православной церкви в унию. Православное русское государство уцелело только в Московской Руси, и произошло это в очень значительной степени благодаря трудам православных митрополитов, из которых два не грека – Кирилл и Петр – были уроженцами Галицко-Волынской Руси, т.е. украинцами по современной терминологии.

МИТРОПОЛИТ ПЕТР (1308 – 1326) ПРИМЕЧАНИЯ

1. С.М. Соловьев, Кн. II, Т. 3, стр. 216.
2. Там же, Т. 4, стр. 452.
3. Е. Голубинский, Т. II, стр. 102.
4. Жития св. Петра-митрополита и самый текст одного из них, напис. епископом Прохором. См. Митрополит Макарий, «История русской церкви», Изд. 3-е (Санкт-Петербург: Тип. Р. Голике, 1888), Т. 4, стр. 312. Цитируется по авторизованной перепечатке (App Arbor: Mich. University Microfilms, 1965).
5. Е. Голубинский, Т. II, стр. 105.
6. Там же.
7. Там же, стр. 106.
8. Жития св. Петра-митрополита и самый текст одного из них, напис. епископом Прохором, стр. 314.
9. Там же, стр. 313-314.
10. Е. Голубинский, Т. II, стр. 123. Примечание № 1.
11. Н.М. Карамзин, Т. 4 : Примечания. Сноска 245, стр. 90.
12. Albert M. Аттапп, стр. 79.
13. Е. Голубинский, Т. II, стр. 130.
14. Патриаршая или Никоновская летопись, Т. 10, стр. 177.
15. Там же, стр. 178.
16. Там же, стр. 183.
17. Там же, стр. 182-187.
18. Жития св. Петра-митрополита и самый текст одного из них, напис. епископом Прохором, стр. 315.

МИТРОПОЛИТ ФЕОГНОСТ (1327-1353)

Митрополит Петр умер в 1326 г., по-видимому, попытавшись выдвинуть себе в преемники некоего архимандрита Федора. Митрополит Макарий пишет, что это «...извѣстіе сообщаетъ древнѣйшій жизнеописатель святого Петра», но оно не сохранилось «... въ другихъ о немъ сказаніяхъ».¹ Дальнейших известий об этом нет, и сам Макарий предполагает, что либо архимандрит Федор «не ходилъ въ Царьградъ, ... или ему отказали».²

Голубинский, на основании того же краткого сообщения, делает интересное и убедительное предположение, что, борясь за возышение Москвы, «... князь съ св. Петромъ рѣшились на смѣлое дѣло: обходя великого князя (Тверского Александра – В.А.), они избрали въ будущіе преемники второму изъ нихъ (т.е. митрополиту Петру – В.А.) ... нѣкоего архимандрита Федора».³ Предположение об участии Ивана Калиты в выдвижении архимандрита Федора и действиях в обход великого князя показывают, если они правильны, насколько ревностно митрополит Петр защищал интересы Москвы и насколько был уверен, что это необходимо для всей Киевской митрополии. С этой же точки зрения интересна и другая подробность, почему-то опущенная Голубинским и Карташевым, связанная со смертью митрополита Петра. Митрополит Макарий и некоторые летописи, например, Никоновская, сообщают, что в погребении митрополита Петра участвовал Луцкий епископ Феодосий, что указывает на то, что и далекая южная Луцкая епархия находилась тогда в подчинении митрополита Петра

– свидетельство о единстве митрополии.⁴ Помимо предположения, что в выдвижении кандидатуры архимандрита Федора участвовал Иван Калита, Голубинский думает, что великий князь Александр должен был, в противовес Москве, выставить своего кандидата и что именно поэтому греки и не приняли двух русских кандидатов, а посвятили в митрополиты для России грека Феогноста.

Все это вероятные предположения, но только предположения, а вот деятельность нового митрополита с самого начала выявила как продолжение деятельности митрополита Петра, т.е. продолжение борьбы за единство митрополии и ориентация на Москву. Умная и дальновидная политика Ивана Калиты создавала для этого благоприятные условия, а политические ошибки тверских великих князей лишали последних шансов на объединение Руси вокруг их княжества. Неудача с выставлением собственного кандидата не отразилась, как видно, на отношении Ивана Калиты к новому митрополиту Феогнству, как это произошло с митрополитом Петром, когда тверской великий князь Михаил, недовольный тем, что греки отвергли его кандидата Геронтия и сделали митрополитом кандидата галицкого князя (Юрия Львовича) Петра, встретил последнего столь враждебно, что сразу же толкнул святителя в сторону Москвы. Иван же Калита наоборот – сразу же установил с новым митрополитом Феогностом наилучшие отношения. Не менее важным фактом было то, что к моменту появления на севере митрополита Феогноста (после мая 1328 г.) тверской князь Александр Михайлович очень драматически потерял великое княжение, переданное татарами московскому князю.

Если в благожелательном отношении к Митрополиту греку сказался государственный ум Ивана Калиты, то в трагедии, разыгравшейся в Твери, многие подозревали интриги московского князя, хотя прямых доказательств последних историки и летописцы не приводят. Переход великого княжения от Твери к Москве столь важен по своим историческим последствиям, что надо его описать подробнее. Напомним, что татары уже после подчинения ими Руси и больших нашествий на страну продолжали устраивать относительно малые вторжения, периодические карательные экспедиции по разным поводам, возможно иногда связанные с недостаточной дисциплиной самих татарских орд, но очень похожие на планомерную политику систематического ослабления порабощенной страны. Вот характерный перечень таких экспедиций, приводимый Соловьевым:

Касательно внешних отношений упоминается под 1308 годом о нашествии татар на Рязань, имевшем, как видно, связь с убиением тамошнего князя Василия Константиновича в Орде. В 1318 году приходил из Орды лютый посол, именем Конча, убил 120 человек у Костромы, потом пошел и весь Ростов повоевал ратью. В 1320 г. посол Байдера много зла наделал во Владимире; в 1321 г. татарин Таянчар был тяжек Кашину; в 1322 году посол Ахмыл наделал много зла низовым городам, Ярославль взял и повел много пленников в Орду.⁵

Аналогичная беда постигла Тверь. В 1327 году

там княжил Александр Михайлович, бывший одновременно и великим князем. В конце лета в Тверь приехал ханский посол Шевкал или Шелкан, двоюродный брат хана Узбека. Посол занял княжеские палаты и начал «по обыкновению всех послов татарских» насиливать и грабить.⁶ В отличие от других подобных случаев, среди тверичей распространялся еще слух, что Шевкал хочет остаться в Твери, править вместо князя Александра, а жителей собирается перевести в мусульманство. Очень вероятно, что слуху верил и князь Александр, ведь и его отец Михаил Ярославич и брат Дмитрий погибли в Орде. Александр мог ждать от татар самого худшего. Русские историки (Карамзин, Соловьев и др.) сомневаются в том, что хан Узбек, хотя сам и принял магометанство, намеревался изменить старую татарскую политику веротерпимости, и даже покровительства всем верам, в том числе и христианству. Вернее всего решающую роль сыграл характер князя Александра, похожий на его погибшего отца и брата – пылкий, решительный, непокорный, мало пригодный для осторожных, продуманных, дальновидных поступков. Атмосфера начинала накаляться, пока 15-го августа 1327 года некий дьякон Дюдко повел поить молодую кобылу. Татары стали ее отнимать. Дьякон стал звать на помощь. Тверичи набросились на татар. Князь Александр стал на сторону тверичей. Бой продолжался целый день пока, затворившийся в княжеском дворце Щелкан и остатки татар не были сожжены вместе с дворцом. Заодно тверичи перебили и всех ордынских купцов. Хан Узбек пришел в ярость. Тут, по данным, приводимым Соловьевым, не вполне ясно, поехал ли в Орду Иван Калита сам, пользуясь bla-

гоприятным моментом для занятия великого княжеского стола, или был вызван Узбеком. Думается, что в обоих случаях целью должна была быть и необходимость спасать свое Московское княжество от карательной экспедиции татар, которую в сложившихся обстоятельствах, надо было считать неизбежной. Отметим, что Карамзин пишет без оговорок, что Иван Калита был вызван Узбеком, а не поехал по собственной инициативе. Летописи пишут, что из Орды Иван Калита возвратился с 50-тысячным татарским войском и приказом наказать Тверь. Кроме Калиты, в экспедиции участвовал суздальский князь Александр. Князь Александр тверской не вступил в бой с татарами, как в свое время в 1252 г. сделал Андрей, брат Александра Невского, принявший бой против Неврюя (см. выше), и не поехал в Орду, принося себя в жертву татарскому гневу, чтобы спасти от разгрома свое княжество, как поступил его отец князь Михаил в 1318 году. Александр бежал сначала в Новгород, где не был принят, а потом в Псков, где нашел полную защиту. Тверское княжество было между тем разграблено татарами, москвичами и суздальцами. Московское княжество уцелело, чего вполне могло и не быть, учитывая нравы татарской рати. Такой конец, однако не удовлетворил Узбека. Хан требовал на суд скрывшегося в Пскове Александра. Это требование, по Карамзину, было предъявлено приехавшим в Орду Ивану Калите и брату бежавшего Александра Константину, который получил Тверское княжение, а кроме того, новгородским послам. В Псков поехали послы великого князя, теперь Ивана Калиты, и послы новгородские, включавшие новгородского епископа Моисея. Князь

Александр отказался ехать в Орду, а псковичи его выдать. Создавался тупик, опасный для всей Руси. Тогда явилась мысль использовать авторитет только что приехавшего в Новгород митрополита Феогноста. Митрополит очевидно правильно понял наступавшую опасность и, по просьбе Ивана Калиты, наложил «проклятие на Александра и на всѣх жителей Пскова, если они не покорятся».⁷ Псковичи все еще не уступали. Тогда Александр освободил их от данной ему клятвы и уехал в Литву.

По отъезде Александра – пишет Соловьев – послы псковские отправились к великому князю московскому и сказали ему: «Князь Александр изо Пскова поехал прочь; а тебе, господину своему князю великому, весь Псков кланяется от мала и до велика: и попы, и чернѣцы, и черницы, и сироты, и вдовы, и жены, и малые дети». Услыхав, что Александр уехал изо Пскова, Калита заключил с псковичами мир вечный по старине, по отчине и по дедине, после чего митрополит Феогност с новгородским владыкою благословили посадника и весь Псков (1329 г.)».⁸

Через 18 месяцев князь Александр возвратился из Литвы и снова был принят псковичами. В 1336 году, т.е. приблизительно через 7 лет, он послал в Орду на разведку сына Федора, а в 1337 году поехал в Орду сам и был прощен Узбеком. После этого князь Александр возвратился в Тверь, брат Константин уступил ему княжение и Александр начал борьбу с Москвой за великое княжение Владими르ское. «Спор – пишет Соловьев – мог кончиться

только гибелью одного из соперников, и Калита решился предупредить врага», поехал в Орду и как-то оклеветал Александра. На этот раз Александр, вызванный Узбеком, в Орду поехал и был там казнен. Интересно, что Узбек передал тверское княжение не Ивану, а снова брату Александра Константину. Казнь тверского князя произошла в 1339 году, через 10 лет после того, как митрополит Феогност наложил проклятие на псковичей и, оставаясь вполне объективным, можно сказать, что Митрополиту в 1329 году удалось спасти Русь от нового татарского разгрома и не погубить псковичей, как и самого князя Александра. Казнь Александра 10 лет спустя, при совершенно новых обстоятельствах, нельзя связывать с церковным отлучением псковитян в 1329 году. В связи с этим удивляет заключительная фраза Карташева при описании того же события:

Как ни неприятно было вновь прибывшему на Русь Митрополиту допускать этот тяжелый акт (князь и его сотрудники, по летописи, «начаша увъщевати и молити преосвященного митрополита Феогноста»), но все-таки он согласился, и через это последний сильный противник Москвы потерял голову.⁹

Каким бы путем Иван Калита ни получил великое княжение, для северо-восточной Руси наступила пора относительного спокойствия с началом его управления: «... и бысть оттолѣтишина велика по всей Русской землѣ на 40 леть и престаше Татарове воевати Русскую землю», читаем в Никоновской летописи под 1328 годом.¹⁰

Хуже обстояло дело в Руси юго-западной. Митрополит Макарий пишет:

Въ съверной части ея (Руси – В.А.), съ возшествіемъ на велиокняжескій престоль Іоанна Даниловича, начиналась заря лучшаго порядка вещей для отечества и для Церкви; зато юго-западныя области Россіи образовали особое великое княжество – литовское и подпали подъ власть язычника Гедемина (съ 1320 г.); въ частности княжество галицкое покорилось сперва (1336 г.) мазовецкому князю и вскорѣ (1340 г.) польскому королю, исповѣдывавшему римскую вѣру».¹¹

Все поездки Митрополита по Руси подтверждают слова митрополита Макария. Попав в Россию в мае 1328 года, отмечает Голубинский, Митрополит остановился на Волыни и посвятил двух епископов – владимирского и галицкого, причем привлек к посвящению всех епископов Галицко-Волынской Руси (перемышльского, холмского, луцкого и туровского). Это свидетельствует о том, что открытая было в 1316-1317 гг. литовская митрополия, включавшая перечисленные епархии, была закрыта (вспомним, что в похоронах митрополита Петра участвовал епископ луцкий Феодосий).¹²

Кроме Волыни, митрополит Феогност, конечно, посетил Киев, а потом поехал на север, где помог Ивану Даниловичу утвердиться на великом княжении. После этого Митрополит посетил Новгород и, как мы знаем, помог разрешить кризис в Пскове в связи с бегством туда князя Александра Тверского. Важно отметить, что удачное бегство Александра

Тверского в Литву и его дружба с литовским князем Гедемином в значительной степени объясняется желанием Гедемина распространить свое влияние на Псков и Новгород. В связи с этим нужно отметить, что без задержки сняв «проклятие» с псковичей после отъезда в Литву князя Александра, Митрополит отказал псковичам в поставлении им особого от Новгорода епископа, некоего Арсения, и оставил Псков в церковном подчинении Новгороду. Интересно, что митрополит Макарий считает, что епископская кафедра в Пскове могла бы «имѣть весьма благодѣтельныя послѣдствія какъ для лучшаго устроенія церковныхъ дѣлъ въ самой псковской области, такъ и для распространенія православія въ соѣдственной Литвѣ¹³

Митрополит Макарий, высказывая это мнение, видимо не учел, что, прося об отдельном епископе, псковичи одновременно бунтовали против Новгорода, Москвы и, собственно, всей Северной Руси, а литовские князья всегда вели очень скользкую религиозную политику, в конечном итоге враждебную православию. Одним словом, в тот момент надо было больше думать об опасности потери Пскова, чем о перспективах распространения православия в Литве.

Побывав в 1329 году в Новгороде, митрополит Феогност в том же 1329 году оказывается снова на юге, где остается до 1331-го года. В 1331 году митрополит Феогност посещает епископа черниговско-брянского. Голубинский предполагает, что в это время Гедемин пытался снова открыть галицкую митрополию. В том же году на Волыни же митрополит Феогност посвятил и нового епископа Василия для Новгорода Великого. Из Галицко-Во-

лынской Руси Митрополит ездил в Константинополь, снова, как предполагает Голубинский, чтобы парировать очередные попытки создания отдельной галицкой митрополии.¹⁴ Угроза создания галицкой митрополии мучила митрополита Феогноста до самой его кончины в 1353 году. Кartaшев посвящает особый раздел этому вопросу, озаглавив его «Борьба за единство Русской митрополии». После 1331 года была попытка в 1337 году. В 1347 году, открытая было митрополия в Галиче, была закрыта. В 1352 году, за год до смерти митрополита Феогноста, снова появлялся претендент на отдельную галицкую митрополию. Митрополит Феогност твердо противостоял всем этим попыткам. «Однако, – справедливо пишет Кartaшев, – трудно было уничтожить неизбежно надвигавшееся разделение единой русской митрополии, как результат распадения исторической жизни русских племен на несколько политических центров».¹⁵ Поэтому, как мы увидим, та же борьба продолжалась и при преемнике митрополита Феогноста митрополите Алексее. Для нашей работы важно снова подчеркнуть, что деятельность митрополита Феогноста опять показывает, что борьба за единство церковное продолжалась, когда единство политическое было уже нарушено.

Борясь за сохранение единства митрополии в Руси юго-западной, митрополит Феогност посещал епархии и северо-восточные, заботился и об украшении новой северной столицы Москвы, в которой закончил построение собора Успения Божией Матери, начатого постройкой митрополитом Петром, а, кроме того, построил еще четыре каменных церкви, небольших по размеру, но важных для прести-

жа города. Надо учитывать, что в большинстве других городов были только деревянные церкви.

Еще до прибытия митрополита Феогноста в Москву, при гробе митрополита Петра начали происходить чудеса. Митрополит Феогност поддержал князя Ивана Даниловича в желании начать подготовку прославления первого святителя московского. Чудеса стали записывать и вскоре митрополит Петр был прославлен, на что было получено благословение Константинополя, чего раньше не было при прославлении русских святых.¹⁶ Канонизация митрополита Петра, конечно, имела и политическое значение для возвышения Москвы.

Возвращаясь в 1332 году из Константинополя, митрополит Феогност проехал через Орду. Сведений о его разговорах с ханом Узбеком не сохранилось (у Голубинского их нет). В 1341 году Митрополит снова посетил Орду в связи со смертью Узбека и вступлением на ханский трон сына Узбека Чанибека. Новый хан, при своем вступлении на престол узаконил порядок, согласно которому митрополиты должны были получать от нового хана утвердительный ярлык.¹⁷ Чанибек стал настаивать на обложении церкви данью. Митрополит остался непреклонным и отдался только подарками, что, конечно, имело важные последствия для русской митрополии.

Наиболее же важной заслугой рачительного для России Митрополита была умная и дальновидная подготовка своего преемника – знаменитого митрополита Алексея.

МИТРОПОЛИТ ФЕОГНОСТ (1327-1353) ПРИМЕЧАНИЯ

1. Митрополит Макарий, Т. IV, стр. 21.
2. Там же, стр. 21-22.
3. Е. Голубинский, стр. 145.
4. Митрополит Макарий, Т. IV, стр. 21; Патриаршая или Никоновская летопись, Т. X, стр. 191.
5. С.М. Соловьев, Кн. II, Т. 3, стр. 227.
6. Там же, стр. 230.
7. Н.М. Карамзин, Т. 4, стр. 140.
8. С.М. Соловьев, стр. 232.
9. А.В. Карташев, стр. 305.
10. Патриаршая или Никоновская летопись, стр. 196.
11. Митрополит Макарий, Т. IV, стр. 22-23.
12. Е. Голубинский, стр. 147; Albert M. Ammann, стр. 687.
13. Митрополит Макарий, Т. IV, стр. 24.
14. Е. Голубинский, стр. 153-155.
15. А.В. Карташев, стр. 315.
16. Е. Голубинский, стр. 151.
17. Там же, стр. 156.

МИТРОПОЛИТ АЛЕКСЕЙ (1353-1378)

Митрополит Алексей стал вторым после митрополита Петра святителем московским и пятым митрополитом Русской Православной Церкви, русским по происхождению. Митрополит Алексей был первым митрополитом, которого историки считают также фактическим правителем Московского княжества в малолетство князя Дмитрия Донского. Таким образом, именно при митрополите Алексее православный идеал симфонии во взаимоотношениях между светской и духовной властью был нарушен в сторону преобладания власти духовной. Однако конфликта между двумя властями, столь типичного для Европы того времени, в России не произошло. Единственный конфликт между митрополитом Алексеем и князем Дмитрием, отмеченный летописями, произошел незадолго до смерти мститого Митрополита по вопросу о назначении ему преемника в лице выдвинутого князем Митяя, против кандидатуры которого, не без основания, возражал Митрополит, но и в этом случае конфликт не вышел из рамок расхождения во мнениях, и окончился уступкой со стороны Митрополита. К вопросу о Митяе мы еще вернемся в следующей главе в связи со смутой, возникшей после смерти митрополита Алексея в 1378 году, точнее – в конце жизни этого святителя в связи с посвящением в Константинополе второго русского Митрополита – Киприана – для русских земель, попавших под контроль Литвы и Польши.

Политическая роль митрополита Алексея в Московском княжестве зато отразилась на взаимо-

отношениях с Литвой и Тверским княжеством. Тверской князь продолжал быть соперником Москвы в борьбе за великое княжение владимирское и, кроме того, был союзником литовского князя Ольгерда, посягавшего на захват всех северных русских земель. Амбиции Ольгерда уже касались не только национальной политики Московского княжества, но и прямо затрагивали интересы Православной Церкви. Москва никогда не колебалась в верности православию. Литва, при Ольгерде, продолжала еще балансировать между язычеством, католичеством и православием, но уже при сыне Ольгерда объединилась с твердо католической Польшей, приняла католичество сама и начала окатоличивать своих православных подданных.

Что касается Новгорода и мелких княжеств северной Руси, то политика митрополита Алексея только ускорила процесс их объединения вокруг Москвы, столь необходимый для свержения татарского ига.

Точки зрения, в значительной степени противоположные, высказанные выше, сформулированы в некоторых современных работах таких авторов, как русские эмигранты И. Мейендорф и Д. Оболенский или советский историк Г.М. Прохоров. Взгляды этих историков будут разобраны в настоящей работе ниже.

Митрополит Алексей, как и его предшественники русского происхождения, митрополиты Кирилл и Петр, происходил из южной Руси. Отец Алексея, черниговский боярин Бяконт, переселился в Москву и поступил на службу к князю Даниилу – сыну Александра Невского. При дворе князя Даниила Бяконт занял одно из первых мест, а сын

его стал крестником княжича Ивана – будущего знаменитого собирателя земли русской Ивана Калиты. Получив блестящее по тому времени образование, будущий митрополит был пострижен в московском Богоявленском монастыре уже в юношеском возрасте.¹ Задолго до смерти грека митрополита Феогноста Алексей был поставлен на должность митрополичьего наместника, что делало его, по мнению Голубинского, «предъизбранным кандидатом» в митрополиты и объяснялось, помимо личных связей с двором московских князей и верности Москве, блестящими талантами будущего митрополита. Назначение в наместники произошло сразу после смерти Ивана Калиты, в 1340 году, в первые месяцы правления князя Симеона Гордого. Должность наместника митрополита, по мнению Голубинского, «состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы быть митрополичымъ судьей».² В этой должности Алексей пробыл более 10 лет. В 1350 году митрополит Феогност тяжело заболел и, предвидя свою смерть, послал в Царьград от своего и великого князя имени делегацию с просьбой о принятии кандидатуры Алексея на посвящение его в митрополиты. «В 1352 г., еще до возвращения посольства, он (т.е. митрополит Феогност – В.А.) поставил св. Алексия во епископа, присвоив ему титул владимирского. Владимирским епископом (продолжает Карташев – В.А.) был в то время сам митрополит, и такая титуляция новопоставленного Алексия представляется несколько странной».³ Далее Карташев, не делая собственных предположений, ссылается на «всегда остроумные» предложения Голубинского. Вот что пишет об этом Голубинский:

Можно до некоторой степени подозревать, что – на случай неуспѣха своей просьбы въ Константинополь, т.е. что если бы въ Константинополь не захотѣли согласиться на поставленіе Алексія въ митрополиты и поставили митрополита изъ Грековъ, то этотъ, пришедъ въ Россію и нашедъ каѳедру владимирскую занятую, поневолѣ долженъ бы быть согласиться жить въ Москвѣ и стать вмѣсто кіево-владимірскаго кіево-московскимъ.⁴

Это предположение двух крупнейших историков Русской Церкви все же вызывает некоторые сомнѣния. Надо учесть, что как раз в это время, как увидим ниже, существовала в церковном отношении большая опасность для Москвы, а именно претензии Литвы на возглавление русской митрополии, приведшие к временному, а позднее и постоянному разделению последней. Москва должна была, конечно, учитывать это, выдвигая своего очень сильного кандидата и еще усиливая его позицию назначением в качестве епископа, пока еще не митрополита, на владимирскую каѳедру. Это соображеніе не идет в разрез с мнением Голубинского и Карташева, а только подчеркивает другую сторону вопроса. Не следует забывать, что, найдя Владимирскую каѳедру занятой, не московский кандидат мог чего доброго обидеться и уехать в Литву. Оба историка почему-то не учитывают такой опасности. К соперничеству Москвы и Литвы мы еще вернемся, а пока обратимся к изложению событий в хронологическом порядке.

Русское посольство возвратилось из Константинополя с благоприятным ответом уже после

смерти отправивших его митрополита Феогноста и князя Симеона Гордого, уже при князе Иване Красном. В 1353 году епископ Владимирский Алексей поехал в Константинополь за посвящением. В Константинополе Алексея продержали год на испытании. По мнению Карташева, это объяснялось тем, что греки не очень хотели посвящать русского, а не грека, и решили убедиться в «его церковно-верноподданнических чувствах», а, кроме того, «имели в виду как можно более поживиться на счет богатого ставленника».⁵ Так или иначе, но Алексей преодолел все трудности, был посвящен в митрополиты и получил от патриарха Филофея специальный акт, датированный 30-м июня 1354 г. Голубинский приводит очень характерные выдержки из этого акта, более всего подчеркивающие своеобразный греческий церковный шовинизм, как думает Голубинский. В акте пишется:

«...хотя подобное дѣло (т.е. посвящение в русские митрополиты – В.А.) совершенно необычно и небезопасно для церкви, однако ради достовѣрныхъ и похвальныхъ свидѣтельствъ о немъ (Алексіѣ) и ради добродѣтельной и богоугодной его жизни мы судили этому быть, но (это) относительно одного только киръ Алексія».

В дальнейшем же тот же акт рекомендует ставить в русские митрополиты только духовных лиц из Константинополя.⁶ Кроме того, митрополит Алексей обязывался приезжать в Константинополь для отчета каждые два года, или же присыпать своего представителя. Последнее требование Голубинский

считает необычным для греческих митрополитов ранга митрополита русского и, следовательно, связанным с русским происхождением митрополита Алексея.⁷ Не будем особенно оскорбляться дискриминацией св. Алексея. Во-первых, тот же Голубинский отмечает, что за 24 года управления русской митрополией митрополит Алексей побывал в Константинополе не 12, а только два раза; во-вторых, и это самое главное, греки все еще продолжали помогать Русской Православной Церкви в борьбе за единство митрополии, которая, как увидим ниже, обострялась и обострялась. Сохранение же единства митрополии очень облегчало возможность продолжения сбиания земли русской вокруг Москвы.

Только у митрополита Макария (а не у Голубинского и Карташева) находим упоминание еще об одном факте, связанном с возведением Алексея в митрополиты русские. Митрополит Макарий пишет, что Патриарх дал митрополиту Алексею «помощника изъ числа Грековъ... діакона киръ Георгія Пердику, посвятивъ его въ экзарха 'съ темъ, чтобы онъ, по данному ему праву и церковнымъ законамъ, содержаль намѣстничество святѣйшаго архиеря кіевскаго и всєя Россїи Алексія'». Тут Макарий делает ссылку на приписку Патриарха к грамоте на имя Новгородского владыки от 2 июля 1354 года.⁸ Из дальнейших событий, однако, не видно, чтобы дьякон Георгий играл заметную роль в делах русской митрополии. Сам Макарий отмечает, что в 1361 г. дьякон Георгий был снова при Патриархе, т.е. уже не мог играть какой-либо роли в Москве. Обратим внимание на то, что в только что приведенной цитате титул митрополита Алексея оставался титу-

лом митрополита Киевского и всея Руси. Последнее важно иметь в виду в связи с двумя достаточно значительными эпизодами, связанными с назначением митрополита Алексея.

Слово эпизод достаточно хорошо подходит к обоим случаям, но особенно к эпизодическому появлению в Киеве конкурента митрополиту Алексею, некоего (выражение Голубинского) митрополита Феодорита. У профессора Папского Восточного Института в Риме Альберта Амманна к «Истории Восточно-Славянской Церкви», как он называет Русскую Православную Церковь, приложена интересная хронологическая таблица, в частности отражающая появления в Галиции и Литве конкурентов митрополиту Киевскому и Всея Руси. Появление Феодорита в Литве было второй такой попыткой. До него упоминается Феофил, фигурировавший в течение двух лет, в 1316-1317 гг., в то время как Феодорит упоминается в 1353-1354 гг., т.е. как раз в годы посвящения митрополита Алексея. В следующие годы подобных упоминаний появляется больше, но они не имеют прямого отношения к св. Алексею и мы на них теперь останавливаться не будем,⁹ отметим только, что в обоих случаях дело шло об окраине Киевской Руси, попавшей под влияние Польши.

Достаточно красочный эпизод с Феодоритом Карташев излагает так: еще при греке, предшественнике митрополита Алексея, митрополите Феогносте, приблизительно в 1352 году, в Константинополе появился «какой-то русский кандидат на киевскую митрополию по имени Феодорит», заявивший, что митрополит Феогност уже скончался. Мы знаем, что в это время митрополит Феогност дей-

ствительно болел, ждал смерти и готовил себе в преемники Алексея. Патриарх послал проверить полученные сведения. Поездка в Москву только в один конец занимала тогда 2 1/2 месяца. Феодорит, по предположению Карташева, боясь открытия своего обмана, бежал из Константинополя и сумел получить поставление в митрополиты в Болгарии от Търновского патриарха. Карташев делает более чем вероятное предположение, что Феодорит не мог пуститься в подобную авантюру без солидной поддержки, и что такую поддержку ему оказал великий князь литовский Ольгерд (1341-1377), современник и прямой соперник трех московских князей – собирателей Руси: Симеона Гордого, Ивана Красного и Дмитрия Донского. Верность приведенного предположения косвенно подтверждается тем, что после провала авантюры с Феодоритом Ольгерд уже открыто выдвинул кандидатуру (более солидную) Романа, родственника князей тверских.¹⁰ Провал Феодорита был связан с соперничеством между Патриархом Константинопольским и Търновским, т.е. болгарским. Об этом сохранился документ – грамота Константинопольского патриарха, посланная в 1354 году владыке Новгородскому (тоже, как увидим ниже, фрондировавшему против митрополита Алексея). Грамота эта, приведенная в выдержках митрополитом Макарием,¹¹ подтверждает все изложенное нами выше, по Карташеву, в отношении проверки Феодорита и его бегства. В грамоте пишется, что Феодорит «...бѣжалъ въ Торновъ, и тѣмъ совершилъ поступокъ, самый странный и самый беззаконный, – поступокъ въ каноновъ: чего никогда не бывало съ техъ поръ, какъ крестилась Россия».¹² Таким образом, если Феодо-

рита выдвигал действительно Ольгерд, то его ошибка заключалась в том, что обращение за посвящением к Търновскому Патриарху уже прямо задевало интересы самой Византии и вызывало ее на самое решительное противодействие. Описание эпизода с Феодоритом Карташев заканчивает так: «Убедившись после наложенного патриархом Константинопольским на Феодорита отлучения, что дело Феодорита окончательно проиграно, он (т.е. Ольгерд – В.А.) далее не считал нужным ему покровительствовать, и Феодорит стушевался».¹³

Феодорит стушевался, но сразу же появился новый кандидат, открыто выдвинутый Ольгердом – Роман. Выдвижение Романа было организовано много солиднее и, следовательно, представляло большую опасность для борцов за единство русской Митрополии. Потерпев поражение с выдвижением Феодорита, пишет Карташев, «Ольгерд поспешил избрать и открыто и настойчиво рекомендовать на митрополию ‘киевскую и всея Руси’ своего родственника по жене (кн. тверской Ульяне) Романа».¹⁴ Напомним, что в Москве в это время великим князем стал Иван Красный, отец Дмитрия Донского, человек по-видимому меньшего политического калибра, чем умерший внезапно от чумы Симеон Гордый, проявивший инициативу в выдвижении русского кандидата Алексея. Тверские князья в это время продолжали еще бороться с московскими за великое княжение, и поэтому были естественными союзниками Литвы в ее антимосковской политике. «За исполнение своей просьбы, – продолжает Карташев – он (т.е. Ольгерд – В.А.) обещал Патриарху принять православие и водворить его во всей стране».¹⁵ Надо думать, что дело тут шло не о русском

православном населении, а о язычниках литовцах. Такое обещание, конечно, само по себе могло импонировать грекам, а, кроме того, давало им веский канонический аргумент в пользу создания отдельной митрополии для литовского народа, в духе 34-го Апостольского правила: «Епископамъ всякаго народа подобаетъ знати первого въ нихъ».¹⁶
(См. примечание)*

* Примечание

Советский историк Г.М. Прохоров ставит прямо вопрос: «Почему Византия держала сторону Москвы, а не Литовского великого княжества», учитывая, что «Возглавляемая литовской династией территория современной Белоруссии и Украины была в языковом и культурном отношении 'русским' государством, независимым от Золотой Орды...», а Ольгерд готов был принять православие? На это Прохоров отвечает, что в самой Византии в это время шла борьба между Палеологами и Кантакузинами, и именно последним «Москва отчасти обязана тем, что она, а не Вильна, стала 'Третьим Римом'». Далее Прохоров пишет, что Литва была «надолго... связана борьбой с немецкими рыцарями», а Византия была осведомлена «о реальном потенциале Великой Руси». Как видим, первый аргумент Прохорова повторяет приведенное выше мнение Карташева; к второму же аргументу о потенциале Великой Руси надо добавить уже приведенный нами неоднократно аргумент, что Московская непоколебимая верность православию не могла не импонировать грекам. Греки, конечно, прекрасно учитывали религиозную неустойчивость литовских князей и поэтому, временами уступая им (смотря по обстоятельствам, в частности в связи с борьбой партий в самой Византии), в основном поддерживали Москву. См. Г.М. Прохоров. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. (Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 1978, стр. 17).

Появление Романа не только разделило русскую митрополию на часть, контролируемую Литвой, и часть, остававшуюся под контролем русской митрополии, но и, по справедливому мнению Карташева, грозило самому существованию последней, потому что «Романа могли поддержать кроме Литвы и на северо-востоке Руси те удельные князья, которым, по выражению летописи, «не много сладостно бѣ, еже град Москва митрополита имяше въ себѣ живуща».¹⁷ Одним словом, разделение митрополии надвое могло вызвать нарушение единства в ее свободной от влияния Литвы русской части, чего, к счастью, не произошло. Свои предположения в связи с посвящением Романа Карташев простирает и дальше. Он допускает, что если бы Роман прибыл в Константинополь до посвящения Алексея, то единственным митрополитом мог бы стать ставленник Ольгерда литовского.

(См. Примечание № 1)*

К этому Карташев добавляет, что в самом Константинополе шла борьба так называемых паламитов с их прозападными противниками, варлаамитами, и что последние составляли сильную партию в

* Примечание № 1

Голубинский посвящает почти три страницы примечания, написанного мелким шрифтом, только разбору вопроса, когда точно появился в Константинополе Роман – до, или после посвящения и отъезда митрополита Алексея. Оказывается, что разные исторические документы дают разные и противоречивые сведения. После тщательного разбора вопроса, Голубинский приходит к аналогичным с Карташевым выводам. (См. Е. Голубинский, «История Русской Церкви». Т. II, первая половина тома, примечание № 1 к стр. 182).

пользу Романа. Таким образом, продолжая развивать предположения Карташева, можно сказать, что вообще Русь могла бы, вслед за Литвой, объединиться с Польшей и попасть в среду западного католического влияния, порвав с православием.

Естественно, что ставленник Ольгерда Роман сразу же стал претендовать на Киев, фактически уже контролируемый Ольгердом, но отданный в управление митрополиту Алексею, как преемнику митрополитов всея Руси.¹⁸ В конце-концов Киев остался в юрисдикции митрополита Алексея. Интересно, что Тверь, как епархия, а не княжество, поддерживала митрополита Алексея, а не Романа, несмотря на то, что Романа поддерживали тверские князья, как своего родственника.

(См. Примечание № 2)*

Чтобы закончить тему о митрополите Романе, отметим, что в 1355 году борьба за Киев возобновилась в связи с тем, что в другой борьбе, происходившей одновременно в самом Константинополе, император Иоанн Палеолог победил императора Иоанна Кантакузина и сместил патриарха Филофея, только что решившего спор о Киеве в пользу митрополита Алексея. Патриархом стал ставленник Иоанна Палеолога Каллист. Митрополит Алексей в 1356 году был вызван в Константинополь и снова

* Примечание № 2

В связи с борьбой двух митрополитов Голубинский отмечает, что оба митрополита обращались к епископу тверскому Федору с просьбой прислать денег ввиду больших расходов в Константинополе. Голубинский предполагает, что деньги были посланы только митрополиту Алексею. (См. Е. Голубинский. Там же, стр. 184).

одолел Рамана в вопросе о Киеве. Роману, как компенсация, были переданы в управление, кроме литовских епархий, еще епархии галицко-волынские. Неудовлетворенный этим, Роман уехал из Константинополя, не простишись с Патриархом, и в 1356 году самовольно приезжал в Киев. Когда же, в 1358 году, в Киев приехал митрополит Алексей, Ольгерд арестовал его, ограбил и, может быть, так и оставил бы в заключении, если бы Митрополиту не удалось бежать. В 1360 году Роман попробовал приехать в родную Тверь, но не был принят епископом Тверским Федором, что показывает внутреннюю крепость части Русской Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Алексеем. В 1361 году Роман умер и на этом закончилась его борьба с митрополитом Алексеем.

Русские летописи восприняли посвящение двух митрополитов как прямое нарушение установленного порядка, и в этом отношении Рогожская летопись, как считают специалисты, отражающая мнение Твери, не расходится в своей оценке с летописью Никоновской – промосковской. Вот что читаем в Рогожской летописи по поводу посвящения в Царьграде двух митрополитов: «...Того же лѣта мятежъ сотворишася, чего то не бывало прежде сего: въ Царѣгородѣ отъ патріарха поставлени быша два митрополита на всю Русскую землю Алексѣй да Романъ. И бышетъ) межи ихъ нелюбіе велико и къ Тѣрьскому епископу послы къ владыцѣ Феодору отъ обою ихъ изъ Царягорода, а священъско¹⁹му чину тягость бяшетъ) вездѣ».

После смерти Романа Ольгерду не удалось получить ему преемника, но Ольгерд стал требовать, чтобы митрополит Алексей переехал в Киев, т.е.

на территорию, контролируемую Ольгердом. В 1364 году, вторично занявший патриарший престол патриарх Филофей, хотел издать соборный акт об официальном восстановлении единства киевской и всея Руси митрополии, но от этой попытки остался только черновик акта, не приведенного в исполнение. Зато во власти Ольгерда было не пускать митрополита Алексея в Литву для посещения пасты и обвинять его же в этом непосещении. Как видим, церковный разрыв киевской митрополии на две части осуществлялся в условиях острой борьбы и под прямым политическим давлением литовского князя.

Аналогичную политику вел польский король Казимир, захвативший Галицию и часть Волыни. Историк о. Иоанн Мейендорф, в монографии, посвященной русско-византийским отношениям в XIV столетии, так описывает польское наступление на юго-западную часть бывшей Киевской Руси. Король Казимир начал наступление уже в 1340-1341 гг. В этом наступлении, по мнению Мейендорфа, Казимир преодолевал номинальную зависимость «Малороссии» (кавычки Мейендорфа) от татар, сопротивление местного православного населения и некоторое сопротивление Литвы. Православное население по большей части предпочитало зависимость от татар зависимости от католиков поляков, угрожавших православию. Литва в этот период еще вела самостоятельную от Польши политику. В польском продвижении на восток принимал участие папа Климент VI, объявивший священную войну против татар, русских и литовцев (1343 г.). Казимиру в тот момент удалось занять только часть Галиции. Главную же часть Малороссии захватил литовский

князь Любард, православный по вере. В этих усло-
виях, по мнению Мейендорфа, в 1345-1346 гг. га-
лицийский епископ Феодор и был возведен в сан
митрополита. Положение Византии было таково,
что сопротивляться разделу киевской митрополии
было особенно трудно, потому что в 1343 году та-
тары захватили генуэзскую колонию Тану, а в 1346
году начали осаду Кафы. Это татарское наступ-
ление объединило генуэзцев и венецианцев, под-
держиваемых папой Климентом VI, объявившим
крестовый поход в поддержку двух итальянских
республик. Византия тогда была в почти полной за-
висимости от этих двух республик, поэтому и усту-
пила претензиям короля Казимира, участника кре-
стового похода, объявленного папой.²⁰ О дальней-
шем развитии событий пишет Карташев. В 1370 го-
ду король Казимир отправил в Константинополь
собственного кандидата в митрополиты галицкие
Антония. На этот раз королевский кандидат от-
правлялся и от лица князей и бояр русских с угро-
зой – в случае неудовлетворения просьбы, «кре-
стить русских в латинскую веру». Под таким дав-
лением патриарх Филофей в 1371 году согласился
на посвящение Антония.²¹

По-видимому, митрополит Алексей возражал
против отрыва от русской митрополии еще одной
значительной части. Карташев цитирует интересное
оправдание – встречное обвинение Патриарха, ад-
ресованное митрополиту Алексею. Патриарх пишет:
« . . . я услышал, что ты заботишься не о всех хри-
стианах, обитающих в разных частях Руси, но
утвердился на одном месте (т.е. в Москве), все же
прочие (места) оставил без пастырского руковод-
ства, без учения и духовного надзора . . .»²²

Вероятно, формально упрек Патриарха был правилен, но если религиозно безразличный Ольгерд арестовал в Киеве митрополита Алексея, то вряд ли русский митрополит мог ожидать лучшего отношения от польского короля-католика. Об отношении же католиков к православным в то время можно судить по факту, приводимому С.М. Соловьевым. Приблизительно в те же годы (около 1348 года) в католической тогда Швеции была собрана «десятина для крестового похода на русских – язычников, как величались они в папских булах».²³ Крестовый поход шведов, осуществленный в 1348 году, не дал больших результатов, но достаточно ясно показал отношение католиков к православным. В отношении к православным польский король Казимир отличался, конечно, мало от шведов. Мейендорф пишет, что относительное доверие, оказанное польскому королю патриархом Филофеем, не было оправдано дальнейшими событиями. Уже в 1372 году папа Григорий XI приказал краковскому епископу назначить латинских епископов для Галича, Перемышля, Владимира (Волынского – В.А.) и Холма. Православный же митрополит Антоний был вынужден покинуть город Галич и жить вне города.²⁴ Мейендорф, несмотря на приведенные им самим факты, все же предполагает, что митрополит Антоний сохранил в своей митрополии православие и даже сумел посвятить новых православных епископов. С этим мнением можно согласиться, но надо помнить и об основной цели поляков – окатоличивании своих русских подданных. В свете изложенных событий становится понятным значение одного, казалось бы, формального акта, относившегося еще к 1355 году. Дело идет об определе-

нии патриаршего синода, давшего официальное разрешение русскому Митрополиту пребывать во Владимире, а не в разоренном Киеве, который «сильно пострадал от смут и беспорядков», так что для пребывания в нем митрополитов «недоставало необходимых средств содержания». При этом оговаривалось, что Киев «если он останется цел», был бы по-прежнему «первым седалищем архиерейским», а Владимир вторым. Таким образом сохранялась традиция, давалось разрешение митрополиту пребывать во Владимире, но подчеркивалось и единство Киевско-Владимирской митрополии. Этим актом греки явно поддерживали митрополита Алексея против притязаний и обвинений литовских и польских князей, хотя иногда и должны были уступать требованиям последних.²⁵

Чтобы закончить описание событий, связанных с пребыванием митрополита Алексея в Константинополе, надо упомянуть о трениях между митрополитом Алексеем и новгородским архиепископом Моисеем из-за крещатых риз. Не всем епископам давалось право ношения облачений с изображением крестов. Наши историки не разъясняют полностью этого вопроса, не вполне понятного для неспециалистов, но ношение крестов на ризах считалось почетным. Митрополит Макарий пишет, что митрополит Алексей еще от своего предшественника митрополита Феогноста получил право носить крещатые ризы, что оскорбило архиепископа Новгородского. Голубинский отмечает, что крещатые ризы носил предшественник новгородского архиепископа Моисея архиепископ Василий, и это задевало самолюбие Моисея, не получившего права на подобные ризы. Крещатые ризы Моисею были-

таки даны, но с указанием слушаться вновь посвященного митрополита Алексея, причем даны как персональная награда. Для нашей темы важно то, что Новгородского архиепископа, выбираемого самими новгородцами, хотя и поставляемого митрополитом Киевским, надо было уговаривать грекам подчиняться своему каноническому главе. Все это показывает трудности сохранения единства Русской Православной Церкви во время начала восстановления единства государственного. Именно на окраинах бывшего Киевского государства создавалось особо острое положение и Новгород, как видим, не был исключением. Вполне возможно, что и в этом случае сказывалось влияние коварного и умного Ольгерда. Это тем более вероятно, потому что, например, у Голубинского находим такие сведения: «... во время его (митрополита Алексея – В.А.) бытности в Константинополь новгородцы, конечно, не безъ благословенія архієпископа, хлопотали было въ Ордѣ, чтобы престоль велиокняжескій постъ Симеона Ивановича достался не его брату Ивану Ивановичу, а сопернику московского князя суздальскому князю Константину Васильевичу».²⁶ Таким образом, подстрекаемые или нет своим соседом Ольгердом, новгородцы старались ослабить московское княжество, т.е. процесс собирания русской земли.

Карташев предполагает, что при слабом Иване Красном (1353-1358 гг.) митрополит Алексей стал фактическим опекуном Ивана, «а по завещанию последнего князя, митрополит уже прямо назначался регентом над его малолетним наследником Дмитрием Ивановичем». Такое положение митрополита Карташев считает единственным во всей на-

шой истории.²⁷ Делая это заключение, Карташев ссылается на греческие акты и даже цитирует их, правда не делая ссылки. (Ссылку мы находим в, уже цитированной нами, книге И. Мейendorфа на стр. 185).²⁸ Голубинский по этому вопросу не расходится с Карташевым, ссылаясь на те же греческие акты.²⁹ Здесь возникает, однако, интересный вопрос – почему в таком важном для истории Русской Православной Церкви деле документальные данные приходится искать у греков, а некоторые русские историки даже избегают этот вопрос уточнить. Карамзин, например, отмечает и цитирует только завещание Симеона Гордого братьям (Ивану, ставшему вскоре правителем, и Андрею, умершему через шесть недель после Симеона). В этом завещании Симеон пишет об Алексее, еще только кандидате в митрополиты, давая уже известный нам совет слушать «боярь и нашего Владыку Алексея», но совсем не упоминает о регенстве уже ставшего митрополитом Алексея.

Вопрос этот интересен не столько со стороны фактической, сколько со стороны психологической. Вряд ли греческие документы допустили фактическую ошибку, а вот сами русские, очевидно, не торопились подчеркивать чисто московскую сторону деятельности русской митрополии, помня, что усиление Московского княжества было не целью само по себе, а средством для собирания Руси и сохранения православия. Так понимал свою задачу духовенство, так понимал положение русский народ, так смотрели на свою задачу в своем большинстве московские князья. Этим они и отличались от других князей. Во всем же остальном Иван Калита и его наследники были не хуже и не лучше других

князей своего времени.

В.О. Ключевский, как и многие другие историки, перебарщивает, описывая отрицательные качества князей московских. Да, князья московские вели феодальные войны, жгли города своих противников, угоняли крестьян и скот на свою территорию, как и все другие, но на московской территории переселенцам, и вынужденным и добровольным (а таких было много), давали налоговые и другие льготы, а главное – относительный покой и защиту от новых переселений (40 лет тишины, о которой пишут летописи). Их не продавали в рабство иноверцам и иноземцам, как это делали часто новгородские ушкуйники, а систематически выкупали у этих самых иноземцев и селили на московских землях, вероятно к обоядной выгоде.

При чтении летописей создается впечатление, что главные соперники Москвы – тверские князья были, возможно, доблестнее князей московских. Тверичи, очевидно, любили их и сохраняли им верность в трудные минуты, но самое большое военное преступление, говоря современным языком, было все же совершено князем тверским, а не московским. Мы говорим о сожжении Торжка, чуть ли не со всеми жителями. В 1372 году Торжок принадлежал новгородцам, но на него же претендовала Тверь. В результате город был уничтожен князем Михаилом тверским (соперником Дмитрия московского). Вот как описывает новгородская летопись это сожжение:

...И прииде князь Михаило ратью къ Торжку пожъже городъ всъ, и бысть пагуба велика крестияномъ; овы огнемъ погорѣша въ дворѣхъ

надъ животы, а друзіи бѣжаша въ святыи Спасъ, и ту издѣхоясѧ, и огнемъ изгорѣша много множество, инъи же отъ огня бежаци, въ рѣцъ во Тфѣрци истопоша, а добрыя же жены и дѣвица, видящи надъ собою лупленіе отъ тфѣриць, а они одираху до последнеи на-
готы, егоже и поганіи не творять тако.

Даже монахинь не пощадили тверичи.³⁰

Тверская летопись признает, что тверичи со-
зательно сожгли город: «И зажгоша съ поля по-
сады у города, и удари со огнемъ вѣтромъ», превра-
тивший весь город в пепел, «и не бысть ничтоже,
развѣ кости мертвыхъ».³¹

Что же касается отношения к пленным, то нов-
городская вольница, так называемые ушкуйники,
правда не очень считавшиеся и с новгородскими
властями, поставили своеобразный рекорд в этом
отношении. Вот что о них пишут летописи: в 1366
году ушкуйники разграбили Нижний Новгород; в
1371 году – Кострому; в 1374 году – Вятку, – это,
упоминая только главные города. В 1375 году они
снова захватили Кострому, прожили в ней неделю,
захватили все лучшее и легкое, все же ненужное
побросали в Волгу или сожгли, захватили множе-
ство «народа христианского». Потом, ограбив окре-
стности Нижнего Новгорода и реки Камы, спусти-
лись вниз по Волге, где продали болгарам всех
пленных.³² Грабеж, бессмысленное уничтожение
имущества несчастных жителей Костромы и прода-
жа христиан в рабство болгарам мусульманам, за-
кончились для ушкуйников трагически. Им удалось
спуститься до устья Волги, где местный татарский
князь напоил их до потери сознания и перебил

всех до единого, захватив, конечно, все ими на-
грабленное.³³

Вот в какое время и при каких обстоятельст-
вах митрополит Алексей помогал московским князь-
ям собирать русскую землю и наводить в ней хотя
бы элементарный порядок.

Возвратимся к изложению исторических собы-
тий, в которых вновь поставленный митрополит
Алексей принимал непосредственное участие.

Из трех историков Церкви – митрополита Ма-
кария, Голубинского и Карташева – подробнее
всех интересующие нас факты излагает Голубин-
ский. К нему и обратимся.

Мы уже знаем, что митрополит Алексей стал
кандидатом в митрополиты при князе Симеоне Гор-
дом, а был посвящен при его преемнике Иване
Красном. Сменой московских князей хотел восполь-
зоваться суздальский князь Константин, человек,
судя по новгородской летописи, использованной
Голубинским, энергичный «княживший чесно и гроз-
но».³⁴ Новгородскую летопись Голубинский приво-
дит не случайно. Именно новгородцы, боясь мос-
ковской централизации, были заинтересованы в
смене великокняжеского центра, что уже отмеча-
лось выше. Тут-то именно Митрополит всея Руси,
по мнению Голубинского, и помог Ивану Красному
удержать за собой великое княжение. Мы увидим
ниже, что в Орде вскоре началась «великая замят-
ня», как выражались наши летописи, и Орда нача-
ла ослабевать, но до Куликовской битвы остава-
лось еще 26 лет и русские силы были далеко не
собраны, почему и было так важно сохранить воз-
главление Северной Руси за Москвой. В тот мо-
мент ханом в Орде был Ченибек, а исключительно

влиятельной ханшей Тайдула. Голубинский отмечает, что даже Римский папа, обращаясь к хану, писал Тайдуле особое послание. Голубинский предполагает, что митрополит Алексей мог заехать к ханше, хорошо знавшей его предшественника митрополита Феогнста, по дороге в Царьград, чтобы подготовить все к приезду Ивана Красного и склонить ханшу в его пользу. Уже не предположением Голубинского является отмеченный летописями и историками факт исцеления митрополитом Алексеем Тайдулы в 1357 году.³⁵

Поездка для исцеления ханши оказалась для митрополита Алексея особо опасной – как раз в это время хан Ченибек был убит своим сыном Бердебеком, убившим кроме отца, еще 12 своих братьев, но сохранившим уважение к матери.³⁶ Легко представить, насколько расположение Тайдулы облегчило задачу и князя Ивана Красного, который снова должен был ехать в Орду для получения ярлыка на великое княжение от страшного Бердебека. Остановимся здесь на одной немаловажной детали. Скептик Голубинский, закончив описание исцеления Тайдулы, отмечает, что, по житию св. Алексея в Степенной книге, говорится о двух посещениях Орды митрополитом Алексеем: одном для исцеления Тайдулы, другом, последовавшим сразу за первым, для умилостивления свирепого Бердебека, по прямой просьбе великого князя Ивана Красного.³⁷ Эту версию берет за основу и митрополит Макарий. Она кажется достаточно обоснованной и важной потому, что в ней особенно выявляется роль Митрополита как защитника веры и отечества.³⁸ Таким образом, в самом начале своего управления Русской Церковью митрополит Алексей

сей, возможно, побывал 3 раза в Орде и очень помог великому князю.

Насколько независимо Митрополит держался в Орде показывает факт его диспута с мусульманскими богословами, отмеченный Голубинским,³⁹ и в этом отношении св. Алексей пошел по стопам св. Петра.

Зашита Митрополитом в Орде московского центра объединения Руси на этом не кончилась. Бердикт только положил начало между собой борьбе татар, что в конечном итоге было выгодно для Руси, но требовало непрерывных дипломатических усилий Руси при дворе сменяющихся ханов. Когда, в 1358 году, скончался великий князь Иоанн Красный, оставив малолетнего Дмитрия, хан Бердикт был уже убит ханом Кульпою, а Кульпа убит ханом Наврусом. Тайдула в этой сумятице сначала лишилась влияния, а потом была убита и сама. Хан Наврус, зная, как предполагает Голубинский, что Ченибек покровительствовал Москве, решил дать великое княжение суздальскому князю, тоже Дмитрию по имени. С точки зрения татарских интересов решение, очевидно, правильное, но с точки интересов русских – очередная угроза процессу объединения. К счастью, уже в 1362 году митрополит Алексей и московские бояре успели добыть в Орде ярлык на великое княжение Дмитрию московскому, после чего началось наследственное и никем не оспариваемое управление великим княжеством князьями московскими.⁴⁰ Напомним, что Куликовская битва произошла через 18 лет после этого события.

Теперь перейдем к описанию одного политического происшествия, по мнению наших историков

набросившего таки тень на репутацию митрополита Алексея. Карташев пишет прямо: «Но политика, как известно, есть такая область, в которой трудно бывает соблюсти этическое равновесие» – этим начинается изложение неприятного для св. Алексея эпизода, а заканчивается еще на более грустной ноте: «Вероятно, просто дело нужно объяснить в том смысле, что и на солнце бывают пятна». ⁴¹

Для настоящей работы, ставящей целью показать решающую и положительную роль Церкви в восстановлении Русского государства после развала и разгрома Киевской Руси, особенно важно учесть моральные потери Церкви, понесенные благодаря помощи московскому государству, тем более, что очень распространено мнение, что Церковь вообще должна стоять как можно дальше от дел государственных. Поэтому разберем подробно исторический эпизод, будто бы запятнавший до того чистое житие московского Митрополита.

Дело идет об аресте в Москве тверского князя Михаила Александровича, приехавшего в Москву для третийского суда со своим двоюродным братом. Михаил тверской был арестован в Москве и выпущен в связи с приездом татарских послов после дачи Михаилом, возможно, вынужденной клятвы в соблюдении мира с Москвой. Эпизод, как видим, сам по себе не самый худший с точки зрения нравов 14-го века, но в дело была замешана гарантия неприкосновенности князя Михаила, данная митрополитом Алексеем. Обратимся к первоисточникам. Вот как излагает указанное событие «Рогожский летописец», как уже мы отмечали, отражающий мнение Твери, т.е. в данном случае обиженного князя Михаила:

Того же лѣта князь великий Дмитрий Ивановичъ да Олексѣи митрополитъ позвали князя великаго Михаила Александровича на Москву по цѣлованію любовію, а съдумавъ на нѣго съвѣтъ золь. Князь же великій Михаило, положа упованіе на Бога и на крестное цѣлованіе приехавъ къ нимъ на Москву и они чесрѣцъ цѣлованіе яша и да дръжали выстомъ... въ то врѣмя прїиде къ нимъ Чарыкъ изъ Орды, тѣмъ избави его Богъ, князя Михаила, и не дождавъ Чарыка опять покончивъ съ нимъ да отпустили его въ Тфѣрь.

После освобождения князь Михаил негодовал:

...и положи то въ измѣну и про то имѣаше размиріе къ князю къ великому, паче же на митрополита жаловашиес(я), къ нему же вѣру имѣль паче всѣхъ, яко по истинѣ святителю.⁴²

Повидимому, вышеизложенным и исчерпывается весь обвинительный материал против Митрополита. Историки дают ему разные объяснения, но почему-то не предполагают, что арест Михаила мог произойти и без согласия Митрополита, вопреки его воле, а освобождение по его настоянию. В самом деле, князя Михаила освободили до, а не после приезда татарских послов. Все это, конечно, только предположение; могло быть и иначе. Михаил в своих обвинениях против Митрополита мог быть и прав, но, с другой стороны, он все-таки подписал договор с Москвой, пусть и вынужденный, нарушил его и, конечно, искал оправдания этому поступку. Одним словом, дело это недостаточно яс-

нов, хотя в любом случае какая-то тень на Митрополита все же ложится. Важнее же другое – при чтении летописей и исторических описаний последующих событий не чувствуется, чтобы авторитет Митрополита сколько-нибудь пострадал от ареста и освобождения князя Михаила. Кстати, последующие действия Михаила, как и предыдущие, вряд ли могут вызвать большую симпатию к этому князю. Описывать все перипетии биографии князя Михаила вряд ли необходимо, но поскольку он был главным русским соперником Дмитрия Донского, совсем не описать их невозможно. Собственно, антимосковская активность князя Михаила в основном сводилась к помощи родственнику Михаила Ольгерду литовскому, женатому на сестре Михаила.⁴³ Об Ольгерде мы уже упоминали неоднократно. Княжил он с 1340-го по 1377 год и умер всего на год раньше митрополита Алексея. Уже цитированный нами «Рогожский летописец», невзирая на пртверскую тенденцию, в связи со смертью Ольгерда назвал его зловредным, безбожным и нечестивым.⁴⁴ Очевидно, литовские вторжения в Северную Русь вызывали возмущение не только одних москвичей. Прямых же нападений на Москву было три. Первое нападение произошло в 1368 году по прямому наущению князя Михаила и сестры последнего Юлиании, жены Ольгерда. Как всегда, Ольгерд напал неожиданно и дошел благодаря этому до самой Москвы. Город спасли только что построенные каменные стены. Князь Дмитрий и митрополит Алексей оставались в городе. Ольгерд сжег все, что было вне стен и через три дня ушел. «Московский летописный свод конца XV века» с грустью отмечает: «...Се же пръвое зло Москвѣ

отъ Литвы сътворися, отъ Федоръчюковы бо рати Татарьские въ 40 и въ едино лѣто, таково ино не бывало еи ничто же».⁴⁵ Нападение Ольгерда, как видим, закончило сорок лет сравнительно спокойного периода жизни Московского княжества, оцениваемого всеми русскими историками как один из важнейших факторов усиления именно Москвы.

Голубинский дополняет приведенное выше описание событий важным фактом. За наведение Ольгерда на Москву Митрополит подверг Михаила церковному отлучению, и вместе с ним отлучил и другого русского союзника Ольгерда – смоленского князя Святослава. Патриарх Каллист подтвердил это отлучение и в специальных грамотах призвал русских князей оказывать Митрополиту должную покорность.⁴⁶

В отместку за наведение Литвы великий князь Дмитрий Иванович в 1370 году объявил войну Твери. Князь Михаил бежал в Литву к Ольгерду. Дмитрий, разорив тверские владения, увел в Москву большой полон.⁴⁷ Михаил в это время отправился из Литвы к хану Мамаю, который сумел утвердиться в Орде. Мамай, не будучи чингисидом, правил при помощи подставных ханов. Очередной такой хан (фактически сам Мамай) дал ярлык на великое княжение Михаилу, очевидно учтя опасное усиление Дмитрия, но «великая замятня» не прошла даром для авторитета Орды. «Слышав же то князь великии Дмиреи Ивановичъ и не томко не въсхоте съступитися ему великаго княженъя, но и заставы разосла на всѣ пути»,⁴⁸ чтобы поймать Михаила, который вынужден был снова бежать в Литву. Как видим, уже за 10 лет до Куликовской битвы князь Дмитрий посмел прямо ослушаться

Орды. В Литве на этот раз Михаилу удалось уговорить Ольгерда снова напасть на Москву. Ольгерд собрал, видимо, всю свою воинскую силу, включая брата Кейстута, Святослава смоленского и тверичан Михаила. Большой удачи у Ольгерда снова не было. Он не сумел взять город Волок и поспешил к Москве. Дмитрий оставался в городе один. Митрополит был в Нижнем Новгороде, а двоюродный брат Дмитрия Владимир Андреевич собирал войска вне Москвы. К Владимиру Андреевичу на помощь пришел даже Олег рязанский. Очевидно, Ольгерд этого не ожидал и попросил мира.⁴⁹ Князь Дмитрий согласился на мир только до Петрова дня, а не на вечный, как предлагал Ольгерд. Ольгерд после этого поспешно отступил, уведя, однако, полон. Михаил тверской снова ушел в Орду. На этот раз и князю Дмитрию пришлось тоже туда ехать. Михаил же попробовал занять велиkokняжеский стол во Владимире, но горожане не приняли его. Положение Дмитрия, слушника Орды, было конечно тоже нелегким и Митрополит продемонстрировал ему полную поддержку, лично проводя великого князя до реки Оки, т.е. до границы Московского княжества.⁵⁰

В Орде у Дмитрия был полный успех. Возвратился он великим князем и, кроме того, выкупил в Орде сына Михаила тверского Ивана, которого татары задерживали за отцовские долги. Князь Дмитрий выплатил за Ивана 10 тысяч рублей серебром. Интересно, что Ивана, до возвращения отцом долга, Дмитрий поместил на митрополичьем дворе.⁵¹

В 1373 году князь Михаил тверской вновь соединился с литовцами, на этот раз с литовским князем Кейстутом и сыном его Витовтом, будущим

соперником Москвы. К ним присоединились князья полоцкий и друцкой. На Москву союзники пойти не решились, но пожгли и пограбили города Переяславль, Дмитров, Кашин и... окрестности Твери (!), которые пограбили союзники Михаила князя полоцкий и друцкой.⁵²

Одновременно Михаил воевал и с Новгородом Великим из-за города Торжка, который, как мы уже знаем, сжег целиком со всеми жителями, превзойдя жестокостью татарские разорения. Вслед за литовскими князьями двинулся на Русь и сам Ольгерд, но был встречен московскими войсками и заключил мир, не успев на этот раз нанести Московскому княжеству большого ущерба.

В 1375 году Михаил Тверской снова стал орудием антимосковских интриг, на этот раз со стороны татар, которые прислали Михаилу снова ярлык на великое княжение. Михаил сразу разорвал мир, заключенный с Дмитрием. Дмитрий объединил князей суздальских, ростовских, белозерских, кашинского и т.д. – всех князей русских, по выражению летописи. Тверь была осаждена, но Михаил и горожане держались крепко. Осаджавшие боялись нападения с тыла Ольгерда, а тверичи на это надеялись. Ольгерд не помог Михаилу и Михаил выслал епископа Ефимия и бояр для заключения мира. Дмитрий не стал добиваться полной победы над Михаилом, удовлетворившись признанием покорности с его стороны. Как видим, Москва в этом случае проявила разумную умеренность, а Православная Церковь помогла соперникам примириться. (См. Примечание)*

* Уже упоминавшийся ранее известный историк русский

В описанных выше столкновениях князя Дмитрия с Ольгердом и Михаилом Тверским роль Митрополита и Православной Церкви была, как видим, достаточно активной. Еще более активной она была в разрешении спора между князьями суздальскими, возникшего из-за обладания Нижним Новгородом. Город этот был у старшего брата, который умер, и так как Нижний Новгород был главным городом удельного княжества, то должен был перейти во владение второго брата Дмитрия, но был захвачен третьим братом Борисом, родственником Ольгерда. Таким образом, появлялась опасность союза Бориса с Ольгердом против Москвы, в то время как Дмитрий Суздальский отказался от претензий на великое княжение. К Борису были посланы московские послы с просьбой помириться с братом Дмитрием, но Борис не послушался. Тогда в дело вмешался Митрополит, начавший с того, что перевел Нижегородскую и Городецкую епархию в ведение своей митрополичьей епархии и послал в Нижний Новгород со своими полномочиями преподобного Сергия Радонежского. Когда Борис отве-

эмigrant Г. Вернадский в 3-ем томе своей «History of Russia», озаглавленном «The Mongols and Russia» (New Haven: Yale University Press, 3-е изд. 1963 г.), описывает те же события, очень подробно останавливается на всем происходившем одновременно в Орде, начиная с Чингизхана. У Вернадского даже разделы книги идут в порядке смены правления татарских ханов, а не русских князей. Это, по своему, интересная установка, типичная для евразийцев, очень помогает уяснению всего происходившего в Орде, но не дает много материала непосредственно для истории русской, тем более истории Православной Церкви в России.

тил отказом на зов Преподобного Сергия поехать в Москву для разбирательства дела, Сергий затворил в Нижнем все церкви, т.е. наложил на город церковное запрещение.⁵³ Одновременно Дмитрий Московский послал Дмитрию Суздальскому на помощь вспомогательное войско. Борис вынужден был уступить брату Нижний Новгород.

Обратим внимание на тот факт, что Дмитрий Иванович Московский и на этот раз, как в споре с Михаилом Тверским, поставил мятежного князя в необходимость признать первенство Москвы, но не стремился к личной мести. Во втором случае, благодаря вмешательству митрополита Алексея и преподобного Сергия, дело обошлось без кровопролития и разорения княжества. Борис должен был уйти из Новгорода, но получил город Городец.⁵⁴

Чтобы закончить описание деятельности митрополита Алексея, надо бы было описать события, произошедшие в 1375 году, за три года до смерти Святителя; речь идет о новом появлении в русской митрополии – второго митрополита для Руси. «2-го декабря 1375 г., – пишет об этом Карташев, – Киприан был поставлен митрополитом Киевским, с преднамеренно полным титулом ‘и всея Руси’».⁵⁵ Новым был именно титул. До сих пор в случаях, например, с Романом или Антонием, описанных выше, вопрос сводился к разделению митрополии, вернее отделению части митрополии, отделившейся уже политически. Посвящение Киприана могло изменить самую основу, на которой появилась и развивалась русская митрополия. Выяснение, даже краткое, всех обстоятельств, связанных с появлением на сцену Киприана, благодаря своей сложности, удобнее отнести к следующему отделу насто-

ящей работы, тем более, что после смерти митрополита Алексея, в наступившей в Русской Церкви смуте участвовал не один Киприан, и она сама по себе была явлением весьма сложным.

МИТРОПОЛИТ АЛЕКСЕЙ (1353-1378) ПРИМЕЧАНИЯ

1. В Патриаршей или Никоновской летописи (См. Полное Собрание Русских Летописей, Т. XI, стр. 35) под 1378 годом дается довольно, казалось бы, точный расчет года рождения митрополита Алексея. Умер он в 1378 году 85-ти лет от роду, т.е. должен был родиться в 1292-1293 гг., но Голубинский, подробно исследовавший этот вопрос, нашел и другие данные, не соответствующие вышеприведенным; поэтому он считает (как, кстати, и Карамзин), что Митрополит родился, когда-то между 1292-ым и 1298-ым годами. (См. Е. Голубинский, Т. II, Первая половина тома, стр. 173).
2. Е. Голубинский, Т. II, Первая половина тома, стр. 175.
3. А.В. Карташев, стр. 308.
4. Е. Голубинский. Т. II, стр. 176.
5. А.В. Карташев, стр. 308.
6. Е. Голубинский, Т. II, стр. 178.
7. Там же, стр. 179.
8. Митрополит Макарий, Т. IV, стр. 37; ссылка ном. 44.
9. Albert M. Ammann, стр. 687.
10. А.В. Карташев, стр. 316-317.
11. Митрополит Макарий, Т. IV, стр. 322.
12. Там же.
13. А.В. Карташев, стр. 316.
14. Там же.
15. Там же, стр. 317.
16. Книга правиль Святыхъ Апостолъ, Святыхъ Соборовъ Все-ленскихъ, и Поместныхъ и Святыхъ Отецъ: Съ пояснительными примѣчаніями, составленными протопресвитеромъ Георгіемъ Граббе (Изд. Братства преп. Іова Почаевского въ Монреаль Русской Православной Зарубежной Церкви, 1971) См. Правила св. Апостоль, стр. 46.
17. А.В. Карташев, стр. 317.

18. Там же.
19. Полное собрание русских летописей; Т. XV (выпуск 1). Рогожский летописец (Москва, «Наука», 1965), стр. 63. Воспроизведение текста Т. XV с издания 1922 г.
В дальнейшем см. сноски под заголовком «Рогожский летописец».
20. John Meyendorff, «Byzantium and the Rise of Russia— A study of Bysantino-Russian relations in the fourteenth century.» (Cambridge: Cambridge University Press, 1981) стр. 159-160.
21. А.В. Карташев, стр. 319.
22. Там же, стр. 319-320.
23. С.М. Соловьев, Кн. II, Т.3, стр. 257.
24. John Meyendorff, стр. 139, примечание ном. 60.
25. А.В. Карташев, стр. 309-310.
26. Е. Голубинский, Т.II, стр. 186-187.
27. А.В. Карташев, стр. 310.
28. John Meyendorff, стр. 185.
29. Е. Голубинский, Т.II, стр. 194.
30. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Москва, Изд.-во Академии Наук СССР, 1950). Новгородская летопись младшего извода, стр. 371-372.
31. Полное собрание русских летописей: Т.XV, Тверской сборник (Москва, «Наука» 1965), стр. 432. Воспроизведение текста т. XV с издания 1863 г., Санкт-Петербург, Тип. Леонида Демиса. В дальнейшем сноски под заголовком «Тверская летопись».
32. Полное собрание русских летописей, Т. 25: Московский летописный свод конца XV века, (Москва, Изд.-во Академии Наук СССР, 1949), стр. 191. В дальнейшем см. сноски под заголовком «Московский летописный свод конца XV века».
33. Там же, стр. 192.
34. Е. Голубинский, Т.II, стр. 195.
35. Там же.
36. Московский летописный свод конца XV века, стр. 180.
37. Е. Голубинский, Т.II, стр. 197, Примечание ном. 1.
38. Митрополит Макарий, Т.IV, стр. 49.
39. Е. Голубинский, Т. II, стр. 197.
40. Там же, стр. 198.
41. А.В. Карташев, стр. 311-312.
42. Рогожский летописец, стр. 87.

43. Московский летописный свод конца XV века, стр. 184.
44. Рогожский летописец, стр. 117.
45. Московский летописный свод конца XV века, стр. 185.
46. Е. Голубинский, Т. II, стр. 203.
47. Московский летописный свод конца XV века, стр. 185.
48. Там же, стр. 186.
49. Там же.
50. там же.
51. Там же, стр. 187.
52. Там же, стр. 188.
53. Е. Голубинский, Т. II, стр. 206. См. также Московский летописный свод конца XV века, стр. 183.
54. Там же, стр. 183.
55. А.В.Карташев, стр. 322.

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЯЯ СМУТА В РУССКОЙ МИТРОПОЛИИ И МИРОПОЛИТ КИПРИАН

До сих пор в своей работе автор опирался преимущественно на трех ведущих историков Русской Церкви: митрополита Макария, Е. Голубинского и А. Карташева. Для настоящей главы особенно важны исследования по крайней мере еще трех историков, как потому, что они наши современники, так и потому, что их работы касаются именно рассматриваемого в этой главе периода. Кроме того, самый их подход к вопросу о взаимоотношении Церкви и государства в истории России часто в корне отличаются от взглядов трех вышеупомянутых историков. Книга о. Иоанна Мейendorфа «Byzantium and the rise of Russia»¹ уже цитировалась выше. Опубликована она совсем недавно, посвящена только XIV веку и использует очень большое количество документов. О. Иоанн большой поклонник митрополита Киприана, о котором пойдет речь ниже, и, как чувствуется в его книге, не большой поклонник московской государственности. У о. Иоанна есть специальные работы о Григории Паламе и исихазме.² Возрождение русского монашества в XIV веке, в частности деятельность преподобного Сергия Радонежского, о. Иоанн склонен рассматривать скорее как явление православно-национальное. Идеалом о. Иоанна, по-видимому, является не единое национальное государство, а некий православный, как он выражается, «Commonwealth» – подобие политического объединения современной Англии и ее бывших колоний. О. Иоанн добросовестный историк и его свежий, как говорят в Америке,

подход к событиям может только обогатить наше их понимание.

Дмитрий Оболенский, другой историк-эмигрант русского происхождения, выпустил в 1982 году том статей под заглавием «The Byzantine Inheritance of Eastern Europe», и аналогичный том статей в 1971 г. под заглавием «Byzantium and the Slavs». В первом из упомянутых сборников есть статья, прямо посвященная митрополиту Киприану.³

Монография советского историка Г.М. Прохорова «Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы»⁴ интересна тем, что издана именно в СССР, и так же прямо касается темы настоящей главы.

Еще одно предварительное замечание. В вступлении к своей монографии о. Иоанн Мейendorf пишет, что византийская церковная и имперская дипломатия может быть изучена относительно хорошо, потому что в Вене сохранились два рукописных тома собрания византийских дипломатических документов за период с 1315 по 1402 гг., в то время, как все византийские дипломатические архивы за другие века погибли либо в 1204 году при взятии Константинополя крестоносцами, либо в 1453 году – при взятии Константинополя турками. Понятно, что такая скудость официальных документов – всего два тома, и только для XIV столетия – вынуждают историков во многих случаях заменять документальные данные собственными предположениями и сведениями, почерпнутыми из сочинений историков и мемуаристов – современников описываемых ими событий.⁵

Аналогичные оговорки находим и в статье Д. Оболенского, уже конкретно об интересующем

нас вопросе, о митрополите Киприане. Д. Оболенский сожалеет, что о таком интересном человеке написано так мало, характеризуя митрополита Киприана следующими словами: «*Kyprianos, or Kiprian, or Cyprian, epitomizes in his far-flung journeys, in the breadth of his mental horizon, and in his multiple loyalties the rich cosmopolitan culture which flourished in Eastern Europe during the late Middle Ages.*»⁶ Собственную свою статью Д. Оболенский называет весьма предварительным наброском. Это признание специалиста византолога надо очень учитывать и при чтении настоящей главы.

В приведенной выше цитате Д. Оболенский, как видим, дает уже и совершенно определенную характеристику митрополита Киприана, как представителя космополитической, а не просто православной восточно-европейской культуры – человека сложной лояльности. Такая оценка специалиста сразу же вводит нас в суть дела. Очень полезно для историка Русской Православной Церкви сопоставить результаты деятельности, как и саму историю управления митрополией, таких двух разных личностей, как митрополиты Алексей и Киприан. Первый был, конечно, представителем (употребляя выражения Д. Оболенского) одной целостной московской лояльности, другой – лояльности действительно достаточно сложной.

Советский историк Г.М. Прохоров (кстати, часто цитирующий о. Иоанна Мейendorфа) ставит вопрос по-своему, но скорее в духе старых русских историков. Вот характерное обобщение Прохорова:

Если Григорий Палама был самым ярким мыслителем эпохи, а патриарх Филофей Кок-

кин – самым энергичным защитником и популяризатором его мысли, то Иоанна Кантакузина можно назвать самым дальновидным политиком того времени. Правильно оценив размеры турецкой угрозы, он первый пытался организовать антитурецкий союз православных государств и первым из деятелей международного уровня обратил серьезное внимание на Московскую Русь. Он и определил ту политическую линию по отношению к Руси, которой последуют патриарх Филофей и митрополит Киприан. Суть этой политики состояла в ориентации не на тогдашнее дробное политическое состояние Руси, когда страна была поделена между мусульманами-татарами, языческой Литвой и католической Польшей, а на некое идеальное прошлое, когда Русь была едина.

Далее на той же странице читаем: «Патриарх Филофей решительно последовал этой промосковской политике Иоанна Кантакузина».⁷

Как видим, разница с точкой зрения Д. Оболенского очень значительна.

Уже хронология смены митрополитов рассматриваемого нами периода показывает сложность происходивших событий. Вот эта хронология, приводимая Е. Голубинским в справочных таблицах к его книге.

Митрополит Киприан, посвященный при жизни митрополита Алексея фактически для Литвы, но с уже известным нам всероссийским титулом, управлял литовской частью митрополии с 1375-го года по 1381-ый и с 1382-го по 1389-ый год. В это время

в московской части митрополии до 1378 года еще был митрополит Алексей, а с 1378-го по 1379-ый, так и не посвященный в митрополиты, Михаил – Митяй. Затем в 1381–1382 гг. литовская и московская части митрополии объединились под Киприаном. С 1382 по 1385-ый и с 1388-го по 1389-ый митрополитом московской части был Пимен, но одновременно с ним был нареченным митрополитом еще Дионисий, и только с 1390-го по 1406-ой год литовская и московская части митрополии объединились под управлением митрополита Киприана, переехавшего в Москву. Польская же часть Киевской митрополии с 1371-го по 1392-ой годы управлялась отдельным митрополитом Антонием. Все эти перемещения митрополитов нарушали порядок даже в хронологии. За первые 11 лет периода их было пять, и только с 1390-го года начинается непрерывное, почти семнадцатилетнее, правление митрополита Киприана.⁸ Забегая вперед, отметим, что как раз этот последний период деятельности митрополита Киприана, опиравшегося теперь на Москву, и обозначал окончание церковной смуты, подрывавшей авторитет Русской Православной Церкви, а, в какой-то мере, и авторитет вселенского патриарха.

Приведенная хронология показывает также, что историю церковной смуты надо начинать с посвящения во вторые митрополиты для России Киприана в 1375-ом году при живом митрополите Алексее, а заканчивать утверждением того же митрополита Киприана в Москве в 1390-ом году, после многих мытарств и неприятностей. (Такой расчет увеличивает продолжительность смуты с 12-ти лет до 15). Поскольку имя митрополита Киприана фи-

гурирует в начале и в конце смуты, чтобы разобраться в запутанных событиях этой смуты, легче всего объединить их вокруг личности этого Митрополита, вокруг его балансирования между Москвой и Литвой и утверждения в конце концов именно в Москве. Автору настоящей работы кажется, что утверждение Киприана в Москве прямо связано с отказом Митрополита, если не от космополитической культуры, то, во всяком случае, многочисленных лояльностей, по формулировке Д. Оболенского.

Д. Оболенский делит активную часть жизни Киприана по существу на те же два периода – до и после переезда в Москву в 1390-ом году, с той разницей, что первый период Д. Оболенский начинает не с 1375-го года (посвящение Киприана в русские митрополиты), а на пять лет раньше – с 1370-го года, с начала карьеры Киприана в Константинополе. Оболенский отмечает, что о жизни Киприана до 1370-го года вообще сохранилось мало сведений, в то время как о периоде, начиная с этой даты и до 1390-го года, материалов даже слишком много, включая первоисточники.⁹ Однако Д. Оболенский пишет, что этот материал часто дает диаметрально противоположные версии одних и тех же событий. Что же касается современных нам источников, то их отношение к Киприану, по мнению Д. Оболенского, часто зависит от национальных предрассудков.

Первая, мало известная часть жизни Киприана, продолжалась приблизительно 40 лет – с 1330-го по 1370-ый год, хотя год рождения Киприана и не установлен точно. Киприан был болгарином, но некоторые историки считали его сербом, так же как и митрополит Макарий.¹⁰ Далее Оболенский пишет,

что Киприан, видимо, не был родственником выдающегося византийского деятеля Григория Тсамблака, тоже болгарина по происхождению. Византийские документы упоминают, что в 1373-ем году Киприан был монахом, близко стоящим к византийскому патриарху Филофею в течение нескольких лет. Оболенский разбирает вопрос, был ли Киприан до появления в Константинополе на Афоне и приходит к выводу, что это могло быть около 1363-го года. Оболенский думает, что имеется достаточно данных считать, что Киприан был монахом уже в течение нескольких лет, когда попал в ближайшие сотрудники Константинопольского Патриарха, и что он прошел монашеское послушание на Афоне. Оболенский подчеркивает, что в это время Афон переживал расцвет в связи с распространением влияния Григория Паламы, особенно подчеркивая космополитизм Афона и наличие там большого количества монахов славянского происхождения, распространявших монашескую культуру и в своих странах путем интенсивного перевода греческой духовной и даже светской литературы. Сочетание исихазма и космополитизма на Афоне Оболенский считает особенно важным явлением, положившим свой отпечаток на личность будущего русского митрополита.

На этом Оболенский заканчивает описание первой половины жизни Киприана. Вторую половину он разделяет, в свою очередь, на две части (очевидно, вполне правильно) и дает для первой из этих частей характерный подзаголовок – «Годы борьбы (са. 1370-90)».¹¹

Таким образом, в Константинополе Киприан оказывается в начале 1370-ых годов, в положении лица, которому Патриарх поручает конфиденциаль-

ные и важные миссии. Тем не менее, Оболенский оговаривается, что нет достаточных данных считать, что Киприан участвовал в важных переговорах Константинопольского Патриарха с Сербской и Болгарской церквами, приведших к восстановлению полного общения с ними. Несмотря на такую оговорку, Оболенский соглашается с мнением историков, что к моменту посылки в Киев Киприан был опытным и умелым дипломатом.¹² Надо сразу уточнить, что дипломатическая миссия Киприана в России относится самим Оболенским к 1373-ему году, и задачей ее было примирение Москвы и Литвы, необходимое для сохранения единства митрополии. К сожалению, в 1375-ом году сам примиритель посвящается, как мы уже знаем, во вторые Митрополиты Всех Руси при живом митрополите Алексее. Ситуация создалась такая, что вполне понятно, почему против Киприана могли быть выдвинуты обвинения в интригах, преследующих личные карьерные цели. Так и поняли всё это русские историки, в частности Карташев. Зато Оболенский именно на этом примере развивает свою, достаточно интересную теорию, обеляя при этом Киприана. Изложим сначала аргументы Карташева:

Прибыв на Русь, – пишет Карташев, – и сообразив все наличные обстоятельства порученного его разбору дела, Киприан нашел возможным сам добиться русской митрополии с помощью противников Москвы. Он сразу же повел предательскую политику по отношению к митр. Алексию, а для того, чтобы его коварные замыслы не обнаружились раньше времени, отоспал от себя в КПль данного ему пат-

риархом сотоварища. Митр. Алексий сам было хотел поехать в КПль для оправданий, но Киприан отклонил его от этого намерения, обещая со своей стороны привлечь к нему милость патриарха.

Затем Киприан поехал в Литву и

...незамедлил принять сторону Ольгерда, вошел в его доверие и был облюбован им, как наилучший конкурент московскому Митрополиту... Сам же Киприан был и автором грамоты, с которой он отправился к Патриарху; здесь возводились тяжкие обвинения на Митрополита московского и, с легкой руки Казимира, (короля польского – В.А.) повторялась угроза достать на Литву митрополита у латинской церкви, если не будет поставлен Киприан.¹³

Далее Карташев отмечает, что несмотря на то, что «...греки того времени не склонны были признавать принцип параллелизма между независимостью церковной и политической...», патриарх Филофей, уже пошедший на создание отдельной галицкой митрополии, снова пошел на уступку, утешая себя «тем, что единство митрополии имело восстановиться и под властью литовского кандидата», т.е. под властью Киприана после смерти старого и больного Алексея.¹⁴

Митрополит Макарий придерживается в вопросе о посвящении Киприана точки зрения, совпадающей с точкой зрения Карташева:

Здесь (т.е. в Литве – В.А.), – пишет митро-

полит Макарий, – (Киприан – В.А.) оставаясь довольно долго, съумѣль войти въ ближайшую довѣренность и любовь Ольгерда и другихъ князей, приготовилъ ложныя записи, наполненныя обвиненіями противъ Алексія, и самъ составилъ отъ лица литовскихъ князей грамоты къ Патріарху, въ которыхъ они убѣждали его сдѣлать для нихъ митрополитомъ Кипріана и угрожали, что если желаніе ихъ не будетъ исполнено, то они станутъ просить себѣ митрополита у латинской церкви. Филофей и на этотъ разъ уступилъ, повѣривъ обвиненіямъ противъ Алексія, и въ 1376 году рукоположилъ Кипріана въ санъ митрополита кіевскаго (хотя Кіевъ доселѣ считался за московскимъ митрополитомъ) и литовскаго, съ правомъ и на всю Россію послѣ Алексія. Кипріан добивался, чтобы Алексій былъ немедленно низложенъ; но не успѣль въ своихъ замыслахъ. Отпуская отъ себя литовского митрополита въ Россію, патріархъ послалъ съ нимъ новыхъ своихъ уполномоченныхъ повѣрить обвиненія, взвѣденныя на Алексія, и внимательно изслѣдовать его жизнь».¹⁵

Голубинский, со свойственнымъ ему умомъ и скептицизмомъ, разбираетъ вопросъ о посвящении Киприана, довольно подробно анализируя два основныхъ, сохранившихся документа того времени, освещающихъ вопросъ о причинахъ поставления для Руси второго митрополита. Дело идетъ о двухъ соборныхъ постановленияхъ – одного, вынесенного въ июне 1380-го года при патриархѣ Нилѣ, возлагающаго вину за происшедшее на Киприана, и другого постановле-

ния, вынесенного 9 лет спустя, в феврале 1389 года, при патриархе Антонии, возлагающего всю вину на митрополита Алексея.

Оговоримся сразу, что автор настоящей работы, не будучи специалистом по истории Византии, очень учитывает опасность углубления в детали этих непростых противоречий, принимая во внимание, что их достаточно много, чтобы в них запутаться и, в то же время, не достаточно много, чтобы выяснить все с документальной точностью. К счастью, общие тенденции событий, которые относительно легко уловить, не входя во все детали, вносят в вопрос достаточную ясность. Возвратимся к Голубинскому.

Голубинский прямо начинает с разбора «записей дъяній константинопольскаго патріаршаго собора», как он называет два упомянутых нами выше документа, именно с позднейшего (1389-го года), неблагоприятного для митрополита Алексея (умершего еще в 1378-ом году). Собственно обвинение сводится к тому, что митрополит Алексей до последней степени вооружил против себя Ольгерда, бросил на произвол судьбы часть своей митрополии (т.е. литовскую) и вовсе не посещал ее. Кроме того, митрополит Алексей будто бы вообще не хотел примирения с Ольгердом и поэтому Константинополь должен был посвятить второго митрополита, тем более, что об этом просили и русские князья, оказавшиеся под контролем Литвы. Подчеркивалась и временность разделения митрополии, которую после смерти престарелого Алексея должен был объединить Киприан.

Изложив приведенные выше аргументы греков, Голубинский справедливо пишет, что Киприан был

посвящен в митрополиты не только Литвы, но и всей Руси при жизни митрополита Алексея, чем был нарушен канонический порядок. Далее Голубинский переходит к документу 1380-го года, возлагающему всю вину за происшедшее на Киприана, повторяя уже приведенные выше обвинения последнего, изложенные нами в формулировках Карташева и митрополита Макария. После этого Голубинский переходит к следующему акту церковной смуты, – к кандидатуре в митрополиты Михаила – Митяя, эпизоду, связанному с нами разбираемым, но все-таки отдельным эпизодом, который будет описан ниже.¹⁶

Обратимся теперь к аргументации Д. Оболенского, почитателя митрополита Киприана и никак не почитателя Москвы. Д. Оболенский пишет, что патриарх Филофей начал сомневаться в правильности поддержки митрополита Алексея уже с 1371 года под влиянием описанного нами ареста в Москве князя Михаила Тверского и, главным образом, благодаря обвинениям Митрополита Ольгердом Литовским в непосещении епархий Русской Православной Церкви, находившихся под контролем Литвы. Ольгерд, в связи с этим, прямо требовал отдельного митрополита. Далее, не входя в детали, Оболенский пишет, что патриарх Филофей был поставлен перед дилеммой: уступка требованиям Ольгерда означала порчу отношений с великим князем Дмитрием; отказ Ольгерду грозил возможностью потери всех епархий, находившихся в Литве. Отметим сразу, что эта вполне реалистическая постановка вопроса Оболенским не вызывает возражений. Далее Оболенский приводит известные факты о просьбе Патриарха, обращенной к митро-

политу Алексею, начать посещать епархии в Литве. Тут Оболенский почему-то не учитывает, что такое примирение вряд ли было выгодно Ольгерду, опытному и коварному политику, которому отдельный митрополит для Литвы должен был быть удобнее митрополита, находившегося в Москве, да еще и московского патриота. Этого вопроса Оболенский даже не ставит. Далее Оболенский говорит о миссии Киприана, сначала, как мы знаем, ездившего в Москву, потом в Литву. Из Литвы Киприан послал посольство в Константинополь, поддерживая требование Ольгерда об отдельном митрополите. Оценки личного поведения Киприана в этой сложной обстановке, о которой так ярко и остро пишет Карташев, Д. Оболенский просто не делает. О неканоничности посвящения второго русского митрополита Оболенский упоминает только в примечании, признавая все-таки неканоничность этого акта.¹⁷ Что касается титула, полученного Киприаном, то Оболенский не без основания пишет, что в этом вопросе не все ясно. Ясным Оболенский считает, что после смерти престарелого митрополита Алексея Киприан должен был снова объединить митрополию. Только высказав свою точку зрения, Оболенский обращается к уже известным нам двум постановлениям Константинопольского Собора 1380 года, осуждающего Киприана, и 1389-го года, осуждающего Алексея. Конечно, версия 1389-го года, осуждающая Алексея, Оболенскому кажется убедительной, а версия 1380-го года не убедительной. Оболенский отмечает, что митрополит Макарий, Голубинский и Карташев, придерживаясь точки зрения, склонной к шовинизму, верят более документу 1380-го года.¹⁸

Для нас важнее всего установить не столько моральную высоту каждого из двух митрополитов (что само по себе очень важно), сколько показать результаты двух противоположных путей сохранения и укрепления православной митрополии в России: путь митрополита Алексея, т.е. путь открытой и последовательной поддержки Москвы, как твердо православного русского княжества, путь, употребляя терминологию Оболенского, одной лояльности, и путь митрополита Киприана, пытавшегося балансировать по крайней мере между двумя лояльностями – московской и литовской (не говоря о польской). Такие два разных направления деятельности могут быть и у двух, вполне достойных в моральном отношении, деятелей, а рассудить, кто из них прав, должна история.

К сожалению, дальнейшая история церковной смуты выявила более отрицательные, чем положительные стороны ее участников, и ответ, чей путь был оправдан историей, надо искать в развитии событий уже после окончания смуты.

Каков бы ни был титул Киприана, полученный в Константинополе, став митрополитом, он попытался утвердиться не только в Литве, но и в северо-восточной Руси. Под 1376-77 годами «Патриаршая или Никоновская летопись» отмечает:

Того же лѣта прииде изо Царяграда на Русь митрополитъ Купріанъ, поставленъ на митрополію Филоеъемъ, патріархомъ Цареградскимъ; князь же Дмитрей Ивановичъ не пріа его, рекъ ему сице: «есть у насъ митрополитъ Алексій, а ты почто ставишися на живаго митрополита?» Онъ же поиде съ Москвы въ Кіевъ и тамо живяше.¹⁹

Другая, аналогичная попытка не ограничиваться одними литовскими епархиями была предпринята митрополитом Киприаном в отношении Новгорода:

Въ то же лѣто (в 1376 г. – В.А.) поставленъ бысть въ Цариградѣ Кипріянъ митрополитъ, и пришедъ въ Литву посла въ Новъгородъ Велики къ владыцъ послы своя и патріарши грамоты, а глаголя тако: «благословилъ мя вселенъский патріарху Филофеи митрополитомъ на Киевъ и на всю Русскую землю». Слышавъ же се владыка и Новгородцы и сиць ответъ послаша къ нему: «шли къ великому князю на Москву, и аще тя пріиметъ митрополитомъ на Русь, то и намъ еси митрополитъ». Митрополитъ же слышевъ ответъ Новгородскыи и не посла къ великому князю на Москву.²⁰

Все три историка Русской Церкви – митрополит Макарий, Е. Голубинский и А. Карташев – вносят в приведенные выше цитаты из летописи только одну поправку: Киприан, видимо, лично в Москву не приезжал, как и в Новгород, а действовал через посланных представителей, что не меняет сути дела. Г.М. Прохоров приходит к тому же выводу.²¹ Кроме того, наши историки отмечают, что новгородцы как раз в это время были в хороших отношениях с Москвой. Так или иначе, но в этом случае Новгород твердо стал на сторону Москвы, не начиная никакой политической игры с Киприаном. Последнее особенно необходимо подчеркнуть – ведь Новгород был почти независимой от Москвы республикой.

Таким образом, Киприан стал фактически митрополитом только там, где распространялась власть Литвы. В Литве же уже в 1377-ом году умер князь Ольгерд, человек волевой, могший соперничать с католической Польшей, и его место занял относительно слабый Ягайло, уже в 1385-ом году ставший и королем польским. При Ягайле в Литве начались беспорядки среди двенадцати сыновей Ольгерда и это постепенно привело к подчинению Литвы польскому католическому влиянию.

Следующий эпизод церковной смуты в России связан с именем Михаила – Митяя, любимца князя Дмитрия Ивановича, твердо решившего сделать Митяя преемником митрополита Алексея, минуя митрополита Киприана. Мы помним, что митрополит Киприан приехал в литовскую часть Руси, чтобы после смерти митрополита Алексея объединить снова обе митрополии, хотя приведенные только что выше свидетельства двух летописей как будто бы ясно говорят о попытке Киприана сразу же устраниТЬ 83-хлетнего митрополита Алексея. К сожалению, как уже неоднократно отмечалось, установить твердо факты при помощи документов невозможно, и все историки восполняют недостающее своими догадками и соображениями. Разбирать и сопоставлять эти догадки значило бы перейти к написанию монографии для каждого отдельного эпизода, а не работу, посвященную более широкому вопросу; поэтому будем излагать только самые важные факты. Вопросу о Михаиле – Митяе известный уже нам советский историк Прохоров посвятил целую монографию. Начнем с изложения общих соображений Прохорова, достаточно важных для темы этой работы. Вот что пишет Г. Про-

хоров о византийской церковной политике и Патриархе Филофее:

Не трудно представить себе эту модель общественного устройства, которой руководствовалась церковь: духовный глава занимает как бы «надкняжеский», надгосударственный уровень, соединяя каждого из светских правителей «с собою» и одновременно всех их «друг с другом». Некоторое подобие римско-католической системы. Сам Филофей при этом постоянно обосновывал свою русскую политику и консервативными установками – желанием сохранить древнее, канонически узаконенное единство «Киевской и всея Руси» митрополии. Он как бы не хотел новшеств. Но сам же он, как мы помним, разделил единую валашскую митрополию на две. Больше, нежели дробления митрополий и нарушения традиции, он боялся, очевидно совпадения церковно-административных границ с государственными. Страшился подчинения поместных церквей князьями, государями. Боялся национальных церквей, зная, что «кесарево» там всегда становится выше «Богова».²²

Дальнейшее развитие мысли Г. Прохорова не менее характерно. К сожалению, приходится передавать его суждения в сокращенном изложении. Прохоров пишет, что вначале патриарх Филофей делал все-таки ставку на объединение русской митрополии под митрополитом Алексеем (явное противоречие с приведенной выше цитатой), но дело испортил сначала патриарх Каллист, поставив-

ший в Литву митрополита Романа, а после смерти Романа сам митрополит Алексей, у которого не стало сил стать выше интересов отдельных княжеств. Очевидно тут Прохоров подразумевает Москву.²³ Таким образом, Прохоров незаметно скользит с изложения (и, повидимому, защиты) общего направления политики патриарха Филофея, старавшегося путем создания параллельных церковных центров для одного и того же народа с целью ослаблять светскую власть князей, к простому обвинению митрополита Алексея в том, что он не мог мыслить «на уровне интересов всей православной Восточной Европы», как мог мыслить «...вполне преданный Филофею Киприан...».²⁴

Далее Прохоров делает ссылку на известного историка А.Е. Преснякова, на его книгу «Образование великорусского государства»,²⁵ но Пресняков, наоборот подчеркивает, что Филофей твердо стоял за единство митрополии, хотя и разделяет точку зрения Прохорова, что объединение в одной митрополии нескольких независимых друг от друга княжеств давало митрополиту большую независимость от светской власти. Так или иначе, но Киприану пришлось ограничиться возглавлением только тех епархий, которые находились под контролем Ольгерда Литовского. Ольгерд, как уже отмечалось, умер в 1377 году. В 1778 году умер митрополит Алексей. Казалось бы, путь к объединению, подготовленный Киприаном, был открыт, но сразу же оказались ошибки, допущенные при посвящении Киприана. Даже Д. Оболенский признает неканоничность этого посвящения. Сказалась и уверенность не только князя Дмитрия, не только Москвы, но и всей Великой Руси (термин появился именно

в XIV веке)²⁶ в исторической трагичности разделения митрополии. Эта уверенность в упрощенном виде выразилась в чувстве оскорбленной национальной гордости. Недаром у Прохорова отмечено (как и у других историков и летописцев), что «сильное негодование и немалое волнение и смятение народное, возбужденное... по всей русской епархии» посвящением Киприана пришлось успокаивать самого митрополиту Алексею «внушениями и советами... обращенными ко всем вообще, и к каждому порознь».²⁷

Если поведение Киприана объяснить дальнovidной политикой патриарха Филофея, как это делают Оболенский, Мейендорф и Прохоров, то результаты ее после смерти митрополита Алексея привели к скандальным последствиям, которые, казалось бы, было можно предвидеть. Изложим ход этих событий сначала по Прохорову в прокириановской интерпретации.

Еще до смерти больного митрополита Алексея князь Дмитрий стал искать подходящего кандидата, не желая соглашаться на кандидатуру Киприана. Такой кандидат нашелся в лице священника Митяя, который «уже много лет был духовным отцом всего московского правительства – великого князя и всех старейших бояр». Одновременно Митяй был и хранителем государственной печати.²⁸

На минуту отступим от изложения по Прохорову и приведем характеристику Митяя, даваемую Карташевым и прямо заимствованную из русских летописей. Вот эта характеристика:

Сей убо попъ Митяй бысть возрастомъ великъ зъло и широкъ, высокъ и напругъ (муску-

лист), плечи (имея) велики и толсты, брада плоска и долга, и лицемъ красенъ, – рожаемъ и саномъ (т.е. наружной представительностью) превзыде всѣхъ человекъ: рѣчъ легка и чиста и громогласна, гласъ же его красенъ зѣло; грамотѣ добре гораздъ: теченіе веліе имъя по книгамъ и силу книжную толкуя, и чтеніе сладко и премудро, и книгами премудръ зѣло, и никто же обреташесь таковъ: и пѣти нарочитъ; и въ дѣлъхъ и въ судѣхъ и въ разсужденіяхъ изященъ и премудръ, и слово и рѣчъ чисту и незакосневающую имъя и память велію; и древними повѣстями и книгами и притчами духовными и житейскими никто же таковъ обрѣташесь глаголати.²⁹

Добавим от себя, что приведенная характеристика Митяя чем-то напоминает характеристику патриарха Никона, выдвинутого царем Алексеем Михайловичем в патриархи в силу совершенно исключительного сочетания блестящих способностей и импозантных внешних качеств.

По настоянию князя Дмитрия, а не по собственной инициативе, Митяй уже в 1376 году, за два года до смерти митрополита Алексея был пострижен в монахи с именем Михаила (почему Михаила называли Митяем историки только гадают). По мнению Прохорова, это пострижение было прямым ответом на посвящение Киприана.³⁰

Быстрое выдвижение Митяя, сомнительного монаха, не слишком импонировало митрополиту Алексею, умевшему совмещать трудно совместимые роли государственного деятеля и главы Церкви. Прохоров приводит аргументы митрополита

Алексея, считавшего Митяя новичком в монашестве и поэтому предложившего свое компромиссное решение конфликта, а именно – заменить кандидатуру Митяя кандидатурой игумена Сергия Радонежского.³¹ Затем Прохоров делает, как кажется, одно из своих опрометчивых замечаний: «князю важнее всего было разделить митрополию, а Алексей в этом вопросе остался самим собой».³² Вторая часть фразы вообще не достаточно ясна, первая же вряд ли правильна. Ясно, что Дмитрий имел основание считать своим врагом ставленника Ольгерда Киприана, мог считать разделение митрополии меньшим злом, чем передачу контроля над нею враждебной Литве, но просто-таки желать разделение митрополии вряд ли мог князь, поставивший целью своей жизни объединение Руси. Двумя страницами раньше Прохоров высказывает то же мнение о Дмитрии в еще более категорической форме: « . . . о единстве русского народа, которое выходило за рамки фактически существующей великорусской политической системы», князь Дмитрий не хотел слышать.³³ Странно, ведь Прохоров прекрасно знает, что на Куликовом поле на стороне Дмитрия сражались такие воеводы, как знаменитый Бобрковолынец, а все три знаменитых митрополита – Кирилл, Петр и сам Алексей – либо были выходцами из южной Руси, как два первых, либо, как митрополит Алексей, происходивший из семьи таких выходцев. С самой утилитарно политической точки зрения, Дмитрий Иванович должен был учитывать пользу сохранения православия во всей Руси, а не только в пределах Московского княжества. Впрочем, Прохоров, судя по отдельным высказываниям, не высокого мнения о князе Дмитрии не только как

о политике, но и как о вожде военном, обвиняя московского князя в том, что в 1382 году, при на- шествии Тохтамыша, Дмитрий «даже, кажется, не попытался организовать сопротивление татарам или хотя бы оборону своей столицы, но бросив всех и вся, бежал в Кострому».³⁴

Интересно, что и Мейendorf отрицательно от-носится к Дмитрию Донскому, обвиняя его в траги-ческом отсутствии цели.³⁵ Очевидно, в обоих слу-чаях отрицательное отношение к Дмитрию Москов-скому связано со стремлением непременно отде-лить интересы Православной Церкви от интересов Московского государства, показать, что менее про-московская политика привела бы в Восточной Ев-ропе к более положительным результатам – напри-мер, сохранила бы для православия Литву. История пошла иным путем – московским путем и поэтому о возможных результатах другого пути можно только гадать. Тут невольно приходит мысль, что стремле-ние к такой широте понимания задач Православной Церкви навеяно идеями современного экумениче-ского движения. В этом смысле интересны более осторожные, и потому более вероятные, предполо-жения Д. Оболенского. В уже цитированной выше статье о патриархе Филофеи Оболенский пишет (даем цитату в русском переводе с английского): «И Дмитрий видел мало пользы от идеи единой митрополии всея Руси, если он не мог сам ее кон-тролировать».³⁶ В этой фразе не чувствуется сим-патии к князю Дмитрию, но, по крайней мере, не утверждается безразличие Дмитрия к православ-ным, оказавшимся в Литве и Польше под угрозой окатоличивания. Что касается общей установки Д. Оболенского, то она просвечивает в другом тек-

сте в той же статье: «От него (т.е. Дмитрия – В.А.) нельзя было ожидать большого сочувствия к мнению его примаса, который считал, что Церковь должна быть независимой от светского контроля и что митрополия Киевская и Всея Руси не является национальной институцией, тем более инструментом московской государственной политики, но составной частью вселенского патриархата»³⁷ (текст цитаты дан в русском переводе).

Конечно трудно возражать против мнения, что интересы вселенского православия важнее интересов православия только русского, но ведь надо учесть и то, что Русская Православная Церковь и русские князья делали все возможное, чтобы поддержать православную Византию, и до самого ее падения не спешили отделиться от Константинопольского патриарха подобно болгарам или сербам, а после падения Константинополя до самой революции 1917 года православная Русь была опорой этого вселенского православия, благодаря именно тому, что стала политически единой и сильной. В данный момент мы не ставим сложного вопроса о неканоничности церковной реформы Петра Великого, последовавшей через 300 лет после описываемых событий. Очевидно, крайностью противоположной была бы точка зрения, что Православная Церковь вообще заинтересована в раздроблении и политическом ослаблении православных государств. Нельзя забывать, что по крайней мере в принципе, как идеал, православие создало идею симфонии во взаимоотношениях между Православной Церковью и православным же государством.

Каковы бы ни были общие взгляды на описываемые нами события упомянутых выше историков,

эти события шли своим чередом. Кандидатура яркого и талантливого Митяя-Михаила удовлетворяла князя Дмитрия, но не удовлетворяла престарелого митрополита Алексея, искавшего себе лучшего преемника, «и Митрополит, – пишет Прохоров, – предложил свое компромиссное решение конфликта – сделать наследником . . . опытного в духовной жизни игумена Сергия Радонежского, на что князь согласился».³⁸ Опуская ряд красочных подробностей, связанных с уговорами Митрополитом игумена Сергия, скажем о результате: Сергий категорически отклонил предложение, даже «пригрозив в противном случае уйти из этих пределов». Прохоров допускает, что Сергий мог пригрозить уходом в Литву. Отказ Сергия укрепил кандидатуру Митяя, но и усилил позицию Киприана. Прохоров считает, что митрополит Алексей, несмотря на отказ Сергия, умирая, все-таки не благословил Митяя-Михаила, хотя об этом и распускались слухи.³⁹ (Подробнее об этом будет сказано ниже). После отказа Сергия, Митяй стал действовать, мягко выражаясь, не достаточно тактично. Будучи только кандидатом в митрополиты, он поселился в митрополичьих покоях и начал распоряжаться как уже настоящий митрополит. Этой ошибкой Митяя попробовал воспользоваться Киприан. «И он (Киприан – В.А.), – пишет Прохоров, – решился на рискованный шаг – без княжеского приглашения самому явиться в Москву».⁴⁰ Шаг оказался действительно рискованным: князь Дмитрий расставил везде заставы, арестовал Киприана и выслал сначала всех слуг литовского митрополита, а потом и его самого. Оскорбленный Киприан попробовал обратиться к общественному мнению в лице преподобного Сергия и его племян-

ника Федора (сохранилось письмо Киприана), но, по-видимому, из этого ничего не вышло, по крайней мере документов, указывающих на обратное, не сохранилось. «Только соборное определение 1380 г. глухо говорить, что Киприан, 'много претерпев, ничего не достиг'».⁴¹ Подчеркиваем, что все вышеизложенное очень сокращено. Интересующимся подробностями рекомендуем главу монографии Прохорова, красочно озаглавленную «Киприан атакует Москву».⁴²

Потерпев поражение в Москве, Киприан отправился жаловаться на произошедшее в Константинополь, куда прибыл весной 1379 года.⁴³ Следующую главу Г. Прохоров называет «Неустройство в царех» и описывает в ней внутренние неурядицы в агонизирующей Византии. Излагать их в настоящей работе полностью невозможно – это уело бы нас в разбор хитросплетений сложной истории Византии того времени; поэтому только подытожим, что изложено Прохоровым.

Еще до смерти св. Алексея великий князь выдвинул Митяя. Против Митяя было духовенство и сам Митрополит. Митрополит предложил компромисс: сделать своим преемником игумена Сергия Радонежского. Сергий категорически отказался, Митрополит все же не благословил Митяя и после отказа Сергия.

Когда митрополит Алексей умер, то Митяй стал кандидатом в митрополиты, выдвинутым князем Дмитрием и одобренным патриархом Макарием, отрицательно относившимся к главному сопернику Митяя Киприану. Запутанные причины такого изменения византийской политики Прохоров и описывает в упомянутой выше главе. Для нас важно, что

междоусобицы возникли в Византии в 1376 году (за два года до смерти митрополита Алексея). Патриарх Филофей был смещен и на его место незаконно, по мнению Прохорова, был поставлен патриарх Макарий, очень заинтересованный в поддержке Москвы. Макарий и прислал свое благословение на кандидатуру Митяя, по просьбе князя Дмитрия (в этом пункте Прохоров повторяет Голубинского). После этого Прохоров описывает эпизод, может быть, наиболее важный для настоящей работы.

Дело в том, что Митяй попросил великого князя собрать пять или шесть епископов, которые посвятили бы его самого в епископы. Князь послушался и епископы были собраны в Москве весной 1379 года, пишет Прохоров, опираясь на данные предреволюционного историка П. Соколова.⁴⁴ Епископы, кроме Дионисия Сузdalского, не возражали. Дионисий, прибыв в Москву, даже не пошел к Митяю и протестовал против его избрания. Чем Дионисий подкрепил свой протест, неизвестно, – пишет Прохоров. Но факт, что князь послушался Дионисия. Впрочем, князь Дмитрий не отказался от желания разделить митрополию (как видим, Прохоров не упускает случая повторить свою основную мысль, что Дмитрий Донской хотел непременно разделить митрополию) и от своего ставленника в митрополиты Митяя.⁴⁵ Подчеркнем, что Прохоров пишет только о попытке посвятить Митяя в епископы, а не о поставлении в митрополиты собором русских епископов, что было бы равносильно объявлению автокефалии и разрыву с Византией. Голубинский же прямо пишет о желании Митяя (но не великого князя) быть посвященным не только в епископы, но и в митрополиты. То же думают и

митрополит Макарий, и Карташев.⁴⁶

Почему бы в связи с этим не предположить, что Митяй, в пылу борьбы с Киприаном, а князь, не учтя возможных последствий поставления Митяя собором русских епископов, были охлаждены аргументацией Дионисия, указавшего на неканоничность и политическую опасность разрыва с Константинополем. Конечно, если прав Прохоров и целью Дмитрия был раздел митрополии, то высказанное нами соображение мало убедительно, но если князь Дмитрий хотел подготовить объединение, по возможности, всей Руси вокруг Москвы, то ему должно было быть ясно, что только единая митрополия не где-то в Литве, а в новом центре – Москве, может сыграть решающую роль в этом великом деле, и что поддержка Константинополя совершенно необходима для авторитета нового центра митрополии всея Руси. Надо учесть и то, что в описываемый момент Константинополь явно поддерживал кандидата князя Дмитрия Митяя, а не фактически литовского митрополита Киприана. Высказанную выше мысль подтверждает почти прямо Карташев, приводя слова Дионисия Сузdalского: «...когда Дионисий явился в Москву, то прямо обратился к вел. князю с пастырским выговором: 'кто это научил тебя извращать законы? Этому делу так не быть, а должно Митяю принять благословение от Патриарха по древнему чину'». ⁴⁷

(См. Примечание)*

* Примечание

Карташев не указывает, откуда взята приведенная цитата. В «Патриаршей или Никоновской летописи» приведена первая часть цитаты, но нет упоминания на необходимость получения

Отсутствие достаточного количества документов и неясность некоторых из них, их частая противоречивость приводит к тому, что историки XIX и XX веков расходятся между собой в установлении основных фактов. Остановимся еще на одном таком расхождении, предшествовавшем собору епископов для выдвижения Митяя. Митрополит Макарий предполагает, что митрополит Алексей все-таки не благословил Митяя, хотя и предоставил решение этого вопроса Патриарху.⁴⁸ Голубинский разбирает расхождение по этому вопросу между «Патриаршей или Никоновской летописью», дающей версию, подтверждающую мнение митрополита Макария, и летописями «Воскресенской» и «Типографской», по которым выходит, что митрополит Алексей, под давлением великого князя Дмитрия все же благословил Митяя, хотя «прикровенно выразил желаніе и вмѣстъ изрекъ пророчество о несбытіі хотънія великого князя». Далее

благословения от Патриарха (см. «Патриаршая или Никоновская летопись», Т. II, стр. 37). В «Троицкой летописи», (стр. 409), «Рогожском летописце», (столбец 127) и в «Московском летописном своде конца XV века» (стр. 197) слова Дионисия еще больше сокращены. Например, в «Московском летописном своде XV века» написано только «не подобаше тако сему быти», и это все (стр. 197). Зато у В.Н. Татищева находим следующее: «таже прииде Діонисий... начать просити великаго князя, рекше: 'Княже великий и господине, мы снidoхомся повеленіемъ твоимъ и видимъ, яко хосчеши Митяя здѣ митрополитомъ учнити. Но мы не можемъ законы претворяти, и не подобаетъ убо тому тако быти, но достоитъ ему отъ патриарха благословеніе пріяти по чину древнему'». (См. В.Н. Татищев. «История российская». Москва, «Наука», 1965, Т. 5, стр. 132).

Голубинский, на основании сохранившегося послания митрополита Киприана к св. Сергию Радонежскому, пишет: «Изъ этого посланія и открывается, что св. Алексій безъ всякихъ двусмысленностей . . . утвердиль и благословиъ бытъ Михаилу (т.е. Митяю – В.А.) его преемникомъ».⁴⁹

Отметим, что само завещание митрополита Алексея не сохранилось, и Голубинский приходит к своим выводам путем подробного анализа, упомянутого выше послания Киприана.

(См. Примечание)*

*Примечание

Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Федору (так наз. второе) можно найти в недавнем советском издении «Памятники литературы древней Руси XIV-XVI века (Москва, Художественная литература, 1981 г., стр. 430-443). В этом послании Киприан подчеркивает, что поставлен митрополитом на всю русскую землю, красочно описывает обиду, полученную в Москве, приводит канонические доводы против выдвижения Митяя-Михаила и отрицает право покойного митрополита Алексея выставлять кандидата в свои наследники. После этого Киприан пишет буквально следующее: «А что клевещут на митрополита, брата нашего, – что он благословил его на все те дела, то это ложь» (стр. 437), т.е. прямо опровергает версию о согласии митрополита Алексея на кандидатуру Митяя. Затем Киприан упоминает о несохранившейся грамоте, которую написал митрополит Алексей умирая, но не излагает содержание этой грамоты. Далее Киприан оправдывается в обвинениях, что, будучи в Литве, делал что-либо против князя Дмитрия, утверждая, что при соборном служении возглашал многолетие ему первому, а уже потом другим, очевидно подразумевая под другими князя Ольгерда. Останавливается Киприан и на своей заботе об освобождении

Карташев, вообще расположенный к Митяю и противник Киприана, пишет, что митрополит Алексей «сначала не сходился с князем в выборе себе преемника, но затем, по его настоянию, дал согласие и посыпал за благословением к Патриарху. Когда последнее получилось, св. Алексий написал завещательную грамоту на передачу митрополии княжескому фавориту».⁵⁰

Самое важное, что все приведенные выше мнения историков не расходятся в одном – серьезного

пленных, захваченных литовцами в Великой России. Потом Киприан делает важнейшее утверждение, что «...Алексей-митрополит не волен был посыпать ни в Волынскую Землю, ни в Литовскую какого-нибудь владыку...», т.е. подтверждает, что Ольгерд, а не митрополит Алексей виновен в том, что митрополит Алексей не посещал свою паству, находящуюся в Литве. Далее Киприан обвиняет великого князя в намерении «делить митрополию» – обвинение, как мы видим, использованное такими историками, как Мейендорф и Прохоров. Киприан утверждает, что сам старается объединить митрополию, чтобы «до века так стояла», т.е. свое посвящение во вторые митрополиты (фактическое разделение митрополии) считает временным тактическим маневром. После этого Киприан правильно указывает, что не представитель светской власти князь, а Патриарх и собор могут наказывать святителей, напоминая этим о своем ночном заключении в Москве, куда, как известно, Киприан пробрался вопреки воле князя Дмитрия Ивановича. Заканчивает послание Киприан отлучением от Церкви тех, кто давал советы о его задержании и высылке, угрожая и тем, кто «...покусится эту грамоту сжечь или утаить...», т.е. угрожает игуменам Сергию и Федору. Затем следует сообщение, что Киприан сам едет в Царьград, чтобы непосредственно обратиться к Патриарху и собору.

конфликта между светской властью в лице князя Дмитрия и церковною властью в лице митрополита Алексея на почве выдвижения кандидатуры преемника последнему не произошло. Даже при наличии заметных расхождений в оценке качеств Митяя был найден какой-то компромисс. Вопрос же о фактической автокефалии, выдвинутый Митяем и сначала поддержаный великим князем, отпал сам собой, несмотря на то, что несомненно повлиявший на снятие этого вопроса епископ Дионисий Суздальский явно ослушался (как увидим ниже) великого князя и продолжал активную борьбу против Митяя.

Опуская многие подробности, связанные с выдвижением Митяя, перейдем к описанию следующего эпизода все развивающейся и делающейся более и более запутанной церковной смуты.

Толчком к решению Митяя-Михаила ехать в Византию, как уже было отмечено выше, послужило решительное сопротивление епископа Дионисия Суздальского проекту самого Митяя быть избранным собором русских епископов. Возражения Дионисия сводились к тому, что этот проект нарушал старину, т.е. приводил к фактической автокефалии. Кроме того, Дионисий возражал и против самой кандидатуры Митяя. Добившись победы по первому вопросу и потерпев поражение по второму, Дионисий хотел воспрепятствовать утверждению Митяя в Константинополе, для чего решил поехать туда сам. Великий князь запретил Дионисию эту поездку в течение года (срока более чем достаточного для утверждения Митяя в Царьграде) и задержал его в Москве. «И повелъ Діонисіа нужею удержати», пишет об этом Троицкая летопись. Тогда Дионисий «...преухитри князя великаго... глаго-

ля: ‘Ослабли мя и отпусти мя, да живу на вольѣ, а уже къ Царюграду не иду безъ твоего слова; а на томъ на всемъ се поручаю тебѣ по собѣ поручника старца игумена Сергія’. «Князь великий, – продолжает та же летопись, – …стыдѣлся поручника его, отпусти Діонисія».⁵¹ Освобожденный Дионисий уже через неделю, нарушив обещание, уехал в Царьград. Никоновская летопись к изложенной выше версии делает важное добавление, указывая, что Сузdalский епископ Дионисий поехал в Царьград, желая сам стать митрополитом.⁵² Прохоров, описывая эпизод с отъездом Дионисия, почему-то даже не оговаривает указания Никоновской летописи на личные амбиции Дионисия, а пишет, как кажется, бездоказательную фразу, что ссылка Дионисия на святого Сергия возымела действие потому, что Дмитрий «чувствовал еще какое-то уважение к Троицкому старцу».⁵³ «Какое-то» уважение князя было, очевидно, очень большим, потому что из дальнейшего не видно, чтобы взаимоотношения Дмитрия со святым Сергием испортились из-за обмана Дионисия.

Таким образом, в Константинополь почти одновременно поехали митрополит Киприан, изгнанный из Москвы князем Дмитрием, кандидат князя Дмитрия в митрополиты Митяй-Михаил и противник Митяя, неизвестно чей кандидат в митрополиты, епископ Сузdalский Дионисий. Особенно солидным в момент отъезда в Константинополь было положение Митяя, выехавшего в начале двадцатых чисел июля 1379 года.⁵⁴ В то время, в результате смуты, происходившей в Византии, там был новый Патриарх. Прохоров, специально занимаясь Митяем, довольно подробно описывает и византийскую смуту.

Вот самая краткая схема этой смуты.

В 1373 году сын византийского императора Иоанна V Андronик, молодой человек 20-ти лет, договорился с таким же молодым человеком, сыном турецкого султана, свергнуть двух отцов с престола. Турки быстро разгромили восставших юнцов и султан Мурат I в наказание ослепил своего сына, потребовав того же от Иоанна V и от всех знатных родителей юнцов, присоединившихся к восстанию. Иоанн V ухитрился как-то только полуослепить своего сына и заключил его в тюрьму. На территории Византии в это время хозяйничали генуэзцы и венецианцы, соперничавшие между собой. В 1376 году генуэзцы помогли Андronику бежать из тюрьмы в Константинополь, а турки решили для ослабления Византии помочь Андronику. Андronик захватил Константинополь и, в свою очередь, посадил в тюрьму отца, а заодно и двух братьев. Патриарх Филофей тоже был заключен в тюрьму, и на его место поставлен в Патриархи один из митрополитов – Макарий – без избрания собора, т.е. неканонически. Филофей в 1379 году умер в темнице, а Макарий, по представлению князя Дмитрия, согласился на кандидатуру Митяя, послав в Москву нужные грамоты. Из Москвы были посланы также жалобы на Киприана. Прохоров предполагает, что жалобы исходили от князей Дмитрия Ивановича, Владимира Андреевича и Дмитрия Константиновича, а не от митрополита Алексея, хотя они должны были быть посланы еще при жизни святителя (дат жалоб Прохоров не приводит).⁵⁵ Прибыв в 1379 году в Константинополь, Киприан нашел условия для себя неблагоприятными. В том же году император Иоанн в свою очередь бежал из тюрьмы при содей-

ствии венецианцев и, как и его сын, получил помощь турок. Еще до отъезда из Москвы Митяя, Иоанн вступил в Константинополь. В виде платы за турецкую помощь Иоанн обязался платить туркам дань и посыпать вспомогательные войска. Андроник бежал к генуэзцам в Галату. Патриарх Макарий, давший согласие на избрание Митяя, был низложен.

Описываемый нами период церковных и политических смут изобилует и просто неожиданными событиями. Митяй, когда корабль его везший был уже в виду Константинополя, неожиданно умер. Историки, в их числе и Прохоров, ставят вопрос о возможности насильственной смерти, но данных для такого предположения, кроме догадок просто нет. Похоронен Митяй был в генуэзской Галате, и это все, что точно известно.⁵⁶

Русские послы, по неустановленным соображениям, не возвратились после смерти Митяя в Москву, не снеслись с князем Дмитрием, а решили из своей среды выбрать другого кандидата. Такое решение технически облегчалось тем, что великий князь, полностью доверяя Митяю, своему бывшему канцлеру, хранителю государственной печати, снабдил Митяя чистыми бланками с этой печатью (заменившей в то время подпись князя) для облегчения получения займов в случае денежной нужды. В посольстве было два возможных кандидата взамен Митяя – архимандриты Иоанн и Пимен. После споров члены посольства остановились на Пимене. Прохоров пытается анализировать создавшееся положение с своей излюбленной точки зрения о наличии в России монашеской партии, но разбор предположений Прохорова увел бы нас в

сторону от основной темы. Выбран был Пимен, и на пустом бланке с печатью великого князя была написана просьба от имени великого князя о поставлении Пимена в митрополиты, т.е. совершен прямой подлог. Из дальнейших событий мы увидим, что так и отнесся к этому великий князь. Но для историка встает еще один недоуменный вопрос: почему все-таки послы решились пойти на такой шаг? Прохоров объясняет это тем «что выделить великорусскую митрополию для великого князя (было – В.А.) гораздо более важно, чем именно Митя видеть митрополитом», и это было известно послам.⁵⁷ Таким образом, Прохоров делает упор на желание Дмитрия Московского отделить от митрополии всея Руси митрополию великорусскую и, таким образом, на желание сознательно уступить идею единства Киевской митрополии, т.е. Руси, Киприану и Литве. Думается, что другое объяснение поступков московского князя вернее. Несомненно, князь Дмитрий понимал важность пребывания митрополита всея Руси в Москве. Не понимать этого воспитанник митрополита Алексея просто не мог. Появление второго митрополита – Киприана – было явно незаконным канонически. Пребывание же Киприана в Литве было опасно для дела собирания Руси и политически. Отсюда враждебное отношение князя Дмитрия к Киприану. Учитывая это, послы могли решить, что для того, чтобы центр митрополии всея Руси не переместился в Литву к Киприану, надо, не теряя времени, найти Митя замену. Надо учесть, что положение в Византии было неустойчивым и все время менялось. По данным того же Прохорова, патриарх Макарий, давший согласие на посвящение Митя, был устранен в

процессе политической борьбы в Византии и был заменен патриархом Нилом, не связанным обещанием посвящать московского кандидата. Предлагаемое нами толкование отличается от предположений Прохорова тем, что Прохоров считает разделение митрополии всея Руси целью князя Дмитрия, а наше предположение сводится к тому, что князь Дмитрий хотел сохранить единство митрополии, но перенос центра ее под контроль Литвы мог считать еще большим злом, чем разделение.

Так или иначе, но появление нового Патриарха давало митрополиту Киприану надежду на подчинение себе и московской части митрополии, однако тут встает другой недоуменный вопрос: неужели новый Патриарх не знал, что московский князь просил о поставлении в митрополиты все-таки Митяя, а не кого-либо другого? Прохоров допускает, что это так и было. Голубинский предполагает прямой подкуп греков послами. Карташев и Макарий в общем соглашаются с Голубинским. Конечно, деньги в этом деле могли играть свою роль, но была ли эта роль решающей? Во всяком случае, новому Патриарху надо было во всем разобраться и вынести обоснованное решение, что патриарх Нил и сделал.

Патриарх Нил был избран в июне 1380-го года. Русские послы жили в Галате уже 8 месяцев. Новый Патриарх, согласно данным Прохорова, « . . . принадлежал к почитателям св. Григория Паламы, но с покойным патриархом Филофеем и с митрополитом Киприаном никакие узы сотрудничества или дружбы его, кажется, не связывали. В курсе русских церковных дел, судя по всему, он не был». ⁵⁸ В начале разбора дела о русском митрополите греки

хотели оставить Киприана единственным митрополитом. Киприан появился сам в Константинополе и просил оставить за собой «...помимо Киева и Великую Русь».⁵⁹ Прохоров предполагает, что Киприан не ожидал встретить Пимена вместо Митяя, и это оставляло в его распоряжении только возможность не личного, а чисто канонического спора с соперником. «Патриарх Нил вынужден был назначить расследование дела. Сам он, согласно его же соборному определению, склонялся на сторону великого князя московского, признавая «просьбу великорусских послов справедливою, а появление Киприана, как совершенное еще при жизни митрополита Алексея, считая неканоническим».⁶⁰

Таким образом, Прохоров несколько противоречит сам себе. Патриарх Нил сначала не был против Киприана, но постепенно разбор дела все больше и больше стал обращаться против последнего. Тут Прохоров и предполагает подкуп греков, косвенным доказательством которого были займы послами крупных денег у разных ростовщиков. Киприан вскоре предпочел уехать из Константинополя, предварительно отказавшись от претензии на Великую Русь, «чтобы сохранить за собой хотя бы литовскую митрополию».⁶¹ В этот момент, как бы для того, чтобы окончательно запутать все дело, начал выясняться подлог, совершенный русскими послами.

Далее Прохоров уделяет две страницы разбору некоторых деталей, которые, думается, усложняют, но не разъясняют вопрос о споре Киприана и Пимена. Прохоров заканчивает эти две страницы так: «В соборном определении 1389 г. в описании этих событий есть такая фраза: «Опираясь на его (пат-

риарха Макария, – Г.П.) грамоты и грязя латинами... русские и послов отправили и ложь выдумали: Что бы там ни было, говорили они, мы не приимем кир Киприана, человека взысканного литовским князем, злейшим нашим неприятелем». ⁶² Прохоров предполагает, что под латинами подразумеваются генуэзцы. Почему бы не расширить это предположение на Литву и, в частности, на литовского князя Витовта, крещеного в православие и перешедшего в католичество.

Переходя к решениям собора по вопросу о русской митрополии, приведем большую, очень содержательную цитату из книги Прохорова:

«Во-первых: рукоположить Пимена в митрополиты Великой Руси...». Церковь Великой Руси получила, таким образом, юридическое бытие! «...наименовав его и Киевским по древнему обычью этой митрополии, так как невозможно быть архиереем Великой Руси, не получив сначала наименования по Киеву, который есть соборная церковь и главный город всей Руси...». Значит, получая самостоятельность, великорусская церковь сохраняла тень связи (в названии) с церковью малорусской. Были ли это дань прошлому или будущему? Быть может поступившись конкретным лицом, Киприаном, греки под давлением обстоятельств решили в том же, что и патриарх Филофей, направлении пойти иным путем: не от Малой Руси и с нею к Великой, а от Великой Руси к окраине – к Малой Руси, Литве? ⁶³

Первый вариант, по мнению Прохорова, давал

возможность проповеди среди литовцев-язычников и мог «укрепить естественное тяготение подвластных литовцам русских к своим единокровным и единоверным восточным соседям». При втором же варианте, по мнению Прохорова, «митрополия оказывалась для литовцев и для западнорусов вполне внешним явлением, связанным с политикой враждебного московского князя», что должно было, продолжает развивать свою мысль Прохоров, «в глазах литовских властей означать не что иное, как государственную измену. С этого варианта начинал свою русскую политику, ставя Алексея в митрополиты, патриарх Филофей. Именно из-за того, что таким путем цель не была достигнута, Филофей и перешел к «литовскому» варианту: человека, предназначенного для митрополии всея Руси, сначала сделал литовским митрополитом. Теперь патриарху Нилу и его собору приходилось под влиянием великорусов отказаться от 'литовского' пути».⁶⁴

Вместо того, чтобы просто написать, что оба варианта не удались из-за непримиримого соперничества Москвы и Литвы, Прохоров почему-то подчеркивает влияние великорусов, заставивших патриарха Нила и собор отказатьься от «литовского» пути.⁶⁵ Так или иначе, но оба варианта не удались и новому Патриарху пришлось снова идти на временный компромисс. Было признано, что Киприан получил митрополию незаконно и должен был быть изгнан из пределов Руси, но по снисхождению и благодаря каноническому правилу, требовавшему присутствия обвиняемого на суде, постановлялось, что Киприан оставался митрополитом только «Малой Руси и Литвы». Как видим, отъезд Киприана

был использован для укрепления очень слабой и уклончивой аргументации постановления в приведенной выше части его. Идея сохранения единства митрополии, однако, не оставлялась. Прохоров приводит из постановления такую фразу:

Если же митрополит Малой Руси и Литвы Киприан скончается прежде него, то он примет в свое управление и Малую Русь с Литвою и, подкрепляемый благодатию всемогущего Бога, будет пасти тамошний христоименный народ и один именоваться до конца своей жизни (митрополитом) Киевским и всея Руси».

Наиболее важно продолжение постановления: «... А после него (т.е. Пимена – В.А.) на все времена архиереи всея Руси будут поставляемы не иначе как только по просьбе из Великой Руси». Прохоров делает из этого постановления вполне правильный вывод:

Послы добились очень многого: не только создания великорусской «национальной» церкви, но и права выбора князьями ее главы и возможности вмешательства через этого главу во внутренние дела Литвы.⁶⁶

Далее Прохоров полемизирует с историком И.Б. Грековым. Греков не соглашался с точкой зрения Е. Голубинского, обвинявшего послов в авантюризме и заговорчестве. По мнению Грекова, послы были проводниками определенной политики Москвы в рамках заранее данной инструкции. Греков даже допускает, что послы могли установить

связь с Москвой и получить оттуда указания. Такое предположение Прохоров считает маловероятным и далее пишет, что невозможно согласиться с Грековым, считавшим, что послы добивались просто выдвижения Царьградом кандидата, приемлемого для великого князя. Греков, пишет Прохоров, словно не замечает того факта, что послы достигли юридического «бытия» митрополии Великой Руси.⁶⁷

В критике Прохоровым Грекова сказывается основная тенденция этого автора свалить всю вину за разделение митрополии на одну эгоистическую Москву, по его мнению, стремившуюся только к отделению части контролируемой ею митрополии. Но ведь существует и другая точка зрения вообще на возвышение Москвы, как на единственный реальный путь – через политическое и духовное объединение восстановить единство, существовавшее в Киевской Руси. Литва же, как уже неоднократно отмечалось, уже с 1386 года объединилась с Польшей и начала политику окатоличивания своего православного русского населения.

(См. Примечание)*

* Примечание

Тут полезно вспомнить В.И. Ключевского, историка достаточно критически относившегося к московским князьям – «скопидонам», но признававшего, что «Соединяя все изложенные факты, мы можем представить себе отношение, какое в продолжение XIV в. установилось среди северного русского населения к московскому княжеству и его князю: под влиянием событий XIV в. в этом населении на них установился троекратный взгляд. 1. На старшего великого князя московского привыкли смотреть, как на образцового правителя-хозяина, установителя

Что касается греков, то ответственность за возможную помощь православным в литовских владениях наверное и заставляла их пробовать разные временные компромиссы, а Москву, в частности великого князя Дмитрия, соглашаться на эти компромиссы, как временные. Такая точка зрения не исключает ни подкупа, ни интриг в отдельных случаях, ни просто ошибок, иногда грубых – факторов, к сожалению, сопровождающих большие исторические процессы во все века истории человечества.

Надо отметить, что Голубинский, не очень верящий в людские добродетели, в своем объяснении странного посвящения Пимена считает, что главная вина лежит на греках, знавших всю незаконность этого дела, но жаждавших получить гигантские

земской тишины и гражданского порядка, а на Московское княжество, как на исходный пункт нового строя земских отношений, первым плодом которого и было установление большей внутренней тишины и внешней безопасности. 2. На старшего московского князя привыкли смотреть, как на народного вождя Руси в борьбе с внешними врагами, а на Москву, как на виновницу первых народных успехов над неверной Литвой и погаными «сыроядцами» агарянами. 3. Наконец, в московском князе северная Русь привыкла видеть старшего сына русской церкви, ближайшего друга и сотрудника главного русского иерарха, а Москву считать городом, на котором покоятся особенное благословение величайшего святителя Русской земли и с которым связаны религиозно-нравственные интересы всего православного русского народа. Такое значение приобрел к половине XV в. удельный московский князек, который полтораста лет назад выступал мелким хищником, из-за угла подстерегавшим своих соседей. (В.О. Ключевский. «Сочинения» Курс русской истории. Т. II, ч. 2, стр. 27).

деньги, привезенные послами, увеличенные еще заемами у ростовщиков. Русские же послы, по предположению Голубинского, соблазнены были возможностью присвоить себе часть казны, привезенной в Грецию. Надо добавить, что и трения Митяя с русским духовенством Голубинский объясняет с тем же цинизмом простой боязнью последнего, боязнью, что Митяй устроит, применяя современную советскую терминологию, чистку всего духовенства. Не отказывая умному академику в логичности его рассуждений, можно все-таки оставаться при высказанной выше точке зрения, что, помимо человеческих слабостей, и у греков, и у русских послов могли быть соображения, основанные на проведении определенной национально-церковной политики.⁶⁸ Митрополит Макарий, наоборот, склонен обвинять в гордости и заносчивости Митяя и не обвинять русское духовенство, кстати, не разделяя его на белое и черное и не выделяя монашеской партии. Некоторые соображения митрополита Макария заслуживают очень серьезного внимания. Например, митрополит Макарий справедливо отмечает, что «Во Владімірѣ продолжаль еще тогда имѣть свое пребываніе и каеедральный клиръ митрополичій при соборной церкви». Это, помимо титула «Киевский», давало некоторый моральный перевес Пимену над Киприаном. Еще важнее мнение Макария, что «Самое опредѣленіе прежняго собора о правахъ Кипріана на великую Русь теперь (было – В.А.) соборнѣ отмѣнено и признано недѣйствительнымъ».⁶⁹ Думается, что два вышеприведенных факта показывают, что сама жизнь толкала греков ориентироваться все больше на устойчивую в религиозном отношении Москву, постепенно

примирияясь с фактом отрыва от этого устойчивого православного государственного центра епархий, попавших под власть католической Польши и окатоличиваемой Литвы. Процесс этот был сам по себе весьма нежелательным, крайне болезненным, но несомненным.

Останавливаться далее на отдельных расхождениях во взглядах на детали описанных выше событий между тремя, взятыми нами за основу историками Русской Церкви (митрополитом Макарием, Е. Голубинским и А. Карташевым), мы больше не будем и перейдем, к возможно краткому описанию следующих эпизодов церковной смуты. Но прежде, чем сделать это, остановимся на описании, возможно, величайшего события русской истории, рассматриваемого нами периода – на Куликовской битве. Событие это, чисто военное, не связано прямо с историей Русской Православной Церкви, но такое, которое невозможно отделить от этой истории. Вот что пишет об этом В.О. Ключевский:

Это было (татарское нашествие – В.А.) одно изъ тѣхъ народныхъ бѣдствій, которые приносятъ, не только материальное, но и нравственное разореніе, надолго повергая народъ въ мертвенное оцепененіе. Люди безпомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положенію, не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасомъ отцовъ, пережившихъ бурю, заражались дѣти, родившіяся послѣ нея. Мать пугала непокойного ребенка лихимъ татариномъ; услышавъ это злое слово, взрослые растерянно броса-

лись бѣжать, сами не зная куда. Внѣшняя службничая бѣда грозила превратиться во внутренний хронический недугъ; паническій ужасъ одного поколенія могъ развиться въ народную робость, въ черту национального характера.⁷⁰

И далее, через несколько страниц, Ключевский заканчивает эту тему:

...Откуда взялись, какъ воспитались люди, отважившіеся на такое дѣло, о которомъ боялись и подумать ихъ дѣды? Глазъ исторического знанія уже не въ состояніи разглядѣть хода этой подготовки великихъ борцовъ 1380 года; знаемъ только, что Преподобный Сергій благословилъ на этотъ подвигъ главнаго вождя русскаго ополченія, сказавъ: «иди на безбожниковъ смѣло, и безъ колебанія, и побѣдишь» – и этотъ молодой вождь былъ человѣкъ поколенія, возмужавшаго на глазахъ Преподобнаго Сергія и вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ Донскимъ бившагося на Куликовомъ полѣ.⁷¹

С высот большого исторического обобщения, так блестяще сформулированного Ключевским, вернемся снова к прозаической повседневности. Как бы нарочно, чтобы еще больше запутать все происходившее, великий князь Дмитрий пришел в негодование, когда узнал о совершенном послами подлоге и посвящении в митрополиты Пимена. Дмитрий послал игумена Федора, племянника св. Сергия Радонежского и своего духовника, в Киев приглашать к себе недавно отвергнутого Киприана.

Факт этот, кажется, не оспаривается ни одним историком, но истолковывается не одинаково. Киприан, по-видимому, забыв о прежних обидах, без промедления приехал в Москву, где был встречен со всею торжественностью, подобающей митрополиту (напомним, что о неприятном удалении из Москвы Киприана, приехавшего без приглашения князя Дмитрия сразу после смерти митрополита Алексея, и грубости, сопровождавшей это удаление народ, по-видимому, просто ничего не знал).

Когда митрополит Пимен достиг Коломны, то великий князь приказал снять с него белый клобук и сослать в Чухлому.⁷² Такие действия великого князя, похожие на самодурство, казалось бы, исключают высказанное предположение о возможности получения послами предварительного разрешения князя Дмитрия на выдвижение кандидатуры Пимена вместо умершего Митяя. Это было бы так, если бы князь Дмитрий, как думает Прохоров, стремился бы только к созданию своей обособленной, узко великорусской митрополии. Если же правильно предположение, что Москва, борясь против переноса центра митрополии на территорию, контролируемую Литвой, стремилась все-таки к сохранению единства митрополии всея Руси, то согласие Пимена на раздел митрополии само по себе, помимо подлога, могло вызвать гнев князя. Все это, конечно, только догадки, но быстрое примирение князя с Киприаном и переход последнего в Москву несомненно приводило, пускай временно, но все же к сохранению единства митрополии при центре в Москве, чему в этот момент мешал Пимен. Последнее соображение действительно и в том случае, если Дмитрий не давал согласия на замену

умершего Митяя Пименом. Патриарх Нил не был доволен действиями великого князя и писал последнему в защиту Пимена. Может быть, эти обращения Патриарха, а, может быть, и некоторые перемены в поведении митрополита Киприана, изменили отношение великого князя к Литовскому митрополиту. Тут уместно изложить соображения по этому вопросу И. Грекова. Победа на Куликовом поле, смерть Ольгерда и княжение в Литве князя Кейстута, по мнению Грекова, сблизили Дмитрия Донского с Киприаном, пошедшими теперь за тем «за кем была сила», и далее – «Приезд в Москву (Киприана - В.А.) стал началом его деятельности по созданию общерусской митрополии, которая должна была объединить всех исповедавших греческую веру в Северо-Восточной Руси, в Литовско-Русском княжестве и на юго-западных русских землях. Его деятельность поддерживала и константинопольская патриархия, ибо как раз в это время активизировалось наступление католичества на Литовско-Русское княжество, в Галиции и на Волыни».⁷³

Как видим, взгляды И. Грекова почти полностью совпадают со взглядами автора настоящей работы, с оттенком разницы в оценке возможности сохранения единства митрополии, при активном наступлении католиков на русских землях, попавших под власть Польши и Литвы. Как чувствуется уже в последней цитате, И. Греков делает маленькую уступку взглядам Мейендорфа и Оболенского, верящих в возможность сохранения единства русской митрополии при более нейтральном отношении митрополитов к Москве.

К сожалению, Куликовская битва стоила рус-

ским колоссальных людских потерь и не привела к немедленному освобождению от татарского ига. Проигравший битву Мамай, вскоре был добит Тохтамышем, и русские оказались перед фактом увеличения татарской опасности и усиления Орды. Куликовская битва произошла в сентябре 1380 года, Киприан приехал в Москву в мае 1381 года, а уже в августе 1382 года Тохтамыш напал на князя Дмитрия. На этот раз татары шли очень быстро «изгоном», чтобы не дать русским времени собрать силы. Князь Дмитрий вышел было к южному рубежу, намереваясь принять бой, но собирать все русские силы было уже поздно. Кроме того, другие князья его не поддержали, да и потери 1380 года были слишком велики. Очевидно это и заставило великого князя уйти на север собирать силы, оставив Москву на попечение митрополита Киприана и горожан, в надежде на новые каменные стены. Как известно, Киприан не остался в Москве, помог выехать из города княжеской семье, а сам отправился в Тверь. Тохтамыш осадил Москву, не смог взять город приступом и пошел на обман, предложив горожанам милость, если они выйдут к нему с дарами. Горожане поверили, Тохтамыш перебил делегатов, ворвался в город, сжег его и перебил что-то около 20.000 находившихся в Москве горожан и беглецов из окрестных селений. Затем один из крупных татарских отрядов, отправившихся на грабеж, был разбит князем Владимиром Андреевичем, двоюродным братом Дмитрия Донского, бежал, вызвал у татар панику и заставил их спешно оставить Московское княжество, сильно пострадавшее, но не разгромленное, как при Батые, и как хотел его разгромить Тохтамыш. Однако выплата дани

татарам была возобновлена.

Можно ли было винить Киприана в отъезде из Москвы? Сам князь сделал ведь то же самое. В беспорядке, из-за которого был сдан город, надо винить в первую очередь светскую власть, т.е. князя. С другой стороны, Дмитрий с малых лет был опекаем митрополитом Алексеем, который сумел бы в отсутствие князя сохранить Москву от анархии и сдачи. Так или иначе, но Тохтамыш сжег Москву в августе 1382 года, а в октябре Киприан был выслан, пробыв на кафедре митрополии 16 месяцев, по вычислению Голубинского.⁷⁴ Этим митрополия снова была разделена. Из добавочных мотивов, возможно объясняющих действия князя Дмитрия в отношении Киприана, надо учесть еще, что Тверь не была, с точки зрения Дмитрия Донского, лучшим местом для укрытия Митрополита; еще совсем недавно она перестала быть соперницей Москвы, связанной с главным врагом Дмитрия Ольгердом литовским, умершим всего за пять лет до нашествия Тохтамыша. Тут хочется остановиться и показать несколько иное голкование описываемых нами событий некоторыми современными историками, уже упоминавшимися ранее в нашей работе.

Д. Оболенский, вообще считающий Дмитрия Донского узким государственным и церковным сепаратистом, на этот раз согласен с тем, что обычно пишут о Дмитрии Донском русские историки и что кратко изложено выше в связи с отъездом митрополита Киприана из Москвы в момент нашествия Тохтамыша. Но Оболенский смягчает обвинение Киприана тем, что обстоятельства его отъезда неясны, т.к. летописи дают разные версии. Однако Оболенский допускает, что нервы Киприана не вы-

держали. Оболенский понимает, что отъезд Киприана именно в Тверь вполне мог вызвать негодование Дмитрия Донского. Упоминает Оболенский и о письмах патриарха Нила в защиту митрополита Пимена.⁷⁵ Объяснение тех же событий о. И. Мейендорфом значительно более сложно и вводит много интересных соображений более широкого исторического масштаба, чем непосредственно нападение Тохтамыша на Москву и его последствия в смысле отношений между князем Дмитрием и Киприаном. Изменения этих отношений о. И. Мейендорф связывает с тем, что князь Дмитрий впал в панику при приближении Тохтамыша, не решился на битву и «отступил» в Кострому. Митрополит Киприан дольше оставался в городе, но тоже покинул его. Далее о. И. Мейендорф отмечает сам по себе интересный факт, что митрополит Киприан был первым русским митрополитом, не посетившим Орду и именно поэтому, не желая встречаться с Тохтамышем, он и бежал в Тверь. Осенью Киприан возвратился на короткое время в Москву, присутствовал при приезде татарских послов, привезших «прощение» князю Дмитрию, и затем немедленно уехал в Киев. Только в сноске № 9 к стр. 229 о. Иоанн Мейендорф, ссылаясь на летописи, упоминает о гневе Дмитрия на Киприана в связи с бегством последнего из Москвы, при этом о. Мейендорф замечает, что князь Дмитрий, сам покинувший Москву, вряд ли был вправе давать урок доблести митрополиту Киприану. Интерпретация о. И. Мейендорфа связана с попыткой связать очередной конфликт Дмитрия с Киприаном с наличием в Византии и на Руси монашеской изихастской партии, к которой принадлежал Киприан и которая стремилась со-

здать против татар широкую коалицию, а не делать ставку на одну Москву. Так, кажется, можно понять общее направление мыслей о. И. Мейендорфа. Отсюда и фактическое обвинение Дмитрия Донского в трусости. Кроме сказанного выше, о. Мейендорф приводит интересные сведения об общем фоне политики Византии и генуэзцев в их отношении к Тохтамышу, что, само по себе, достаточно важно, но может увести в сторону от основной темы настоящей работы.⁷⁶

Освещение тех же событий современным советским историком Г. Прохоровым очень напоминает взгляды о. И. Мейендорфа. Вот что пишет Прохоров, используя «Рогожский летописец»: «Дмитрий Донской, то слышав, что сам царь идет на него съ всею силою своею», даже, кажется, не попытался организовать сопротивление татарам или хотя бы оборону своей столицы, но, бросив всех и вся, бежал в Кострому». Следует ссылка на «Летописец рогожский». В указанной Прохоровым летописи конец фразы более мягок в отношении Дмитрия. Там сказано: « . . . ни подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому».⁷⁷ Характерно, что Прохоров пропустил сообщение той же летописи, что Тохтамыш пришел крадучись, что испуганный князь нижегородский, тезка Дмитрия Донского, Дмитрий Константинович, не думая о сопротивлении, послал к хану двух своих сыновей, которые только с большим трудом нагнали татар и позднее сыграли предательскую роль при капитуляции Москвы, поклявшись, что татары не тронут города. Если же мы посмотрим в «Никоновскую летопись», то там можно найти указание, что Дмитрий Московский, узнав о нашествии Тохтамыша:

«Таже размысли зъ братомъ своимъ и съ прочими князи и бояры своими и не ста на бой противу царя... бо во князѣхъ и въ боярехъ своихъ и въ всѣхъ воиньствахъ своихъ разньство и разпрю, еще же и оскудъніе воиньства; оскудѣ бо вся Русская земля отъ Мамаева побоища за Дономъ, и вси Русстїи людіе въ велицѣ страсти и трепетѣ быша за оскудъніе людей».⁷⁸

Таким образом, князь Дмитрий совещался с князьями и боярами, но не получил от них должной поддержки благодаря неожиданности появления Тохтамыша и громадных потерь в Куликовской битве. Этот факт обычно и подчеркивают русские историки при описании нашествия Тохтамыша.

Далее Г. Прохоров упоминает о князе Остее, внukе Ольгерда, пытавшемся организовать оборону Москвы, о татарском обмане, без упоминания участия в нем сыновей нижегородского князя, о гибели поверивших татарам москвичей и возвращении князей Дмитрия и брата его Владимира Андреевича в разоренный город. Упоминает Г. Прохоров и о помощи татарам рязанского князя Олега, но не упоминает о разгроме татарского отряда князем Владимиром Андреевичем. Между тем, в той же «Рогожской летописи», им использованной, можно прочесть как раз об этой причине быстрого оставления татарами разоренной Москвы:

А князь Володімеръ Андреевичъ, собравъ воя около себе и стояше опольчivшися близъ) Волока. И тамо нѣціи Татарове наехаша на нь, он же прогна ихъ отъ себе, они же прибѣгоша къ Токтамышу пострашены и биты. Царь же,

слышавъ, что князь великии на Костромъ, а князь Володимеръ у Волока, полюдаше(ся), чая себе наезда, того ради не много днеи стоявша ⁷⁹ у Москвы, но, вземъ Москву, въскорѣ отиде.

Как видим, судя по летописи, татары отступили, боясь русских войск, собранных русскими князьями, очевидно, не просто бежавшими, а отступившими с целью вести борьбу с татарами. Это важно установить не только для реабилитации героя Куликовской битвы, но и для уяснения его психологии и причины гнева на митрополита Киприана, оставившего Москву и не сумевшего предотвратить анархии в городе – ведь не поверь москвики татарским мирным предложениям, город бы, по всей вероятности, устоял.

Другой советский историк И. Греков, определенно оправдывая поведение Дмитрия при нашествии Тохтамыша, делает свойственное ему широко-политическое обобщение:

Орде снова удалось предотвратить чрезмерное усиление одного из государств Восточной Европы – Московского, вступившего после Куликовской битвы на путь тесного сотрудничества с западнорусскими феодалами Литовско-Русского княжества, удалось недопустить наметившегося сближения Литовской Руси Кейстута с Залесской Русью Дмитрия Донского. Были, таким образом, вновь созданы условия для восстановления необходимого Орде равновесия между Москвой и Вильно.⁸⁰

Киприан был выслан князем Дмитрием из Москвы 7 октября 1382 года и заменен Пименом, переведенным перед тем из Чухломы в Тверь. Казалось бы, на этом могла бы закончиться церковная смута, но, увы, самая большая путаница только началась. Эта сверхпутаница полна таких неожиданностей, что попытка объяснить ее с точки зрения какого-либо обобщения кажется мало возможной. Яснее всего и, может быть, логичнее, эти события описаны умным скептиком Голубинским. К нему и обратимся, тем более, что Карташев в своем более кратком изложении дает, в общем, похожую версию. Что касается Д. Оболенского и о. И. Мейендорфа, то первый просто уклоняется от разбора сложных событий 1382-1389 гг., ограничиваясь сноской на стр. 92-93 к своей статье о митрополите Киприане,⁸¹ а о. И. Мейендорф очень сокращает изложение, считая что, например, текст постановления константинопольского синода 1389 года, одного из основных документов разбираемого периода, отражает путанную ситуацию, за которую действительную ответственность несут великий князь Дмитрий, греческий Патриарх, беспомощный после удаления патриарха Филофея (фаворита о. И. Мейендорфа), внутренняя борьба греков, внешние давления и коррупция. Мейендорф упоминает и о болезненном разделении монастырской партии, существование которой, как кажется автору настоящей работы, о. И. Мейендорф не доказал достаточно убедительно.⁸² Итак, обратимся к Голубинскому, отмечая те места, где Д. Оболенский или о. И. Мейендорф, или И. Греков прямо расходятся с ним во взглядах.

Равновесие, как бы установившееся после за-

мены Киприана Пименом, было нарушено возвращением из Константинополя Дионисия Суздальского, того самого, который протестовал против избрания Митяя собором русских епископов и потом уехал в Константинополь вопреки воле князя Дмитрия. Уехал Дионисий в 1379 году, а возвратился в 1383 году, на три с половиной года оставив свою епархию, подчеркивает Голубинский. Греки возвели Дионисия в сан архиепископа. По мнению Голубинского, награда была дана за молчание во время возведения Пимена в русские митрополиты. Голубинский почему-то не упоминает о другой заслуге Дионисия перед греками – ведь его выступление против Митяя, по-видимому, предотвратило возможное отделение Русской Церкви от Греческой.

Голубинский считает, что Дионисий и рассказал, со всеми неприятными подробностями, о подлоге при посвящении Пимена и о гигантской растрате денег последним. Так или иначе, но Дмитрий послал в июне 1384 года Дионисия в Константинополь вместе с игуменом Федором, племянником Сергия Радонежского (по мнению о. И. Мейendorфа, оба должны были бы быть представителями монашеской партии). Целью поездки, по мнению Голубинского, была замена Пимена Дионисием. Патриарх, вероятно и ранее знавший об обмане Пимена, как предполагает Голубинский, теперь был поставлен перед необходимостью признать этот обман. Собор постановил: если справедливо то, что доносится на Пимена, то он должен быть низвержен с кафедры.⁸³ Для расследования в Россию были посланы два митрополита. Осторожное решение собора Голубинский приписывает недоверию Патриарха к словам Дионисия и надеждой греков примирить

рить Пимена с великим князем. Могло произойти небывалое событие, пишет Голубинский, – «Поставленіе русскаго митрополита въ самой Россіи руками греческихъ митрополитовъ».⁸⁴ Этого не произошло потому, что митрополит Дионисий решил возвратиться в Москву через Киев, где был задержан киевским князем Владимиром Ольгердовичем, находился год в заключении, после чего умер. В Киеве же в это время был и митрополит Киприан. Вопрос об участии Киприана в аресте Дионисия, ставшего соперником Киприана, не вызывает у Голубинского сомнений. Голубинский уверен, что инициатива ареста и исходила от Киприана. С этой версией согласен и Карташев, но не согласны Д. Оболенский и И. Мейendorф.⁸⁵ Подчеркнем, что Голубинский и Карташев обвиняют Киприана только в инициативе задержания Дионисия, но не в его смерти.

Посланные Патриархом митрополиты, продолжает Голубинский, приехали в Москву осенью 1384 года или зимой 1384-85 гг. Дионисий умер 15 октября 1385 года. Великий князь не соглашался на Пимена. Тогда, еще до смерти Дионисия, в мае 1385 года Пимен отправился в Константинополь, чтобы хлопотать о своем восстановлении. Патриарх выписал к себе и Киприана, прибывшего с митрополитами, ездившими в Москву. «Не ставя великому князю нового митрополита, – пишет Голубинский, – Патриархъ предложилъ дать судъ двумъ существовавшимъ митрополитамъ, чтобы решить, который изъ нихъ долженъ быть признанъ имѣющимъ законное право на каѳедру московскую».⁸⁶ Голубинский негодует, почему Патриарх хотел навязать великому князю одного из двух нежелаемых им митропо-

литов.⁸⁷ Еще больше Голубинский удивляется тому, что дело снова тянулось около трех лет, до конца 1387 – начала 1388 г. За это время великий князь прислал в Константинополь снова симоновского архимандрита Федора с новым требованием низложения Пимена. Сперва Федор исполнял возложенное на него князем поручение, но вдруг каким-то образом договорился с Пименом и бежал вместе с ним в малую Азию, в Анатолию, захваченную турками. После этого произошло самое скверное, а именно: Пимен и Федор вступили в полемику с Патриархом и императором. Надо помнить, что в это время Византия агонизировала и была очень ослаблена. Голубинский думает, что именно у турецких банкиров Пимен занимал в свое время деньги и теперь они были заинтересованы в его утверждении на русской митрополии. Давая такое объяснение поведению Пимена, Голубинский прямо пишет, что не понимает поведение Федора, вдруг перешедшего на сторону Пимена и посвященного, согласно греческим актам, в архиепископа ростовского с помощью греческих епископов.

В конце 1387-го или начале 1388-го года патриарший собор в Константинополе низложил-таки Пимена и провозгласил Киприана митрополитом всея Руси. Победив Пимена, Киприан задержался в Константинополе, а Пимен 6-го июля 1388 года возвратился в Москву. Великий князь, не знаяший, по мнению Голубинского, о низложении Пимена, принял его как митрополита. Голубинский допускает и другое объяснение – суд в Константинополе в отсутствие Пимена мог считаться незаконным. Напомним, что в этот момент Константинополь, после разгрома сербов турками на Коссовом поле в 1389

году, ждал неминуемой гибели, патриархи сменялись и было грекам трудно следить за делами московскими. 13 апреля 1389 года Пимен вновь отправился в Константинополь, возможно, спасаясь от гнева великого князя, узнавшего о новом обмане. Еще в январе 1389 года патриарх Нил умер, и его преемник патриарх Антоний собрал новый собор по делу Пимена и Киприана. Пимен снова был низложен, а Киприан утвержден. 11 сентября 1389 года Пимен умер на противоположной стороне Босфора, в Халкидоне. 19 мая того же года скончался великий князь Дмитрий. Новый великий князь Василий Дмитриевич согласился принять Киприана, на чем наконец и кончилась церковная смута.⁸⁸

Подводя итог смуты, Карташев пишет:

Во время описанной смуты сильно упал в глазах русских нравственный авторитет греков, отолоски чего мы увидим впоследствии, упал также и авторитет митрополичьей власти пред властью русских государей, потому что приучил последних выбирать себе из нескольких митрополитов более угодного, а неугодного без рассуждений удалять.⁸⁹

Думается, что смута церковная показала и другое. Попытка греков удержать единство русской митрополии путем балансирования между Москвой, литовским государством и Польшей явно не удалась. Жизнь заставила сделать выбор. Нейтральный митрополит Киприан переехал в Москву, стараясь удержать за собой и православные епархии Литвы и Польши. Его первоначальный нейтраллизм действительно помог установлению временного

единства митрополии, но с 1390 года Киприан уже стал действительно митрополитом московским. Вот что пишет Карташев, заканчивая описание церковной смуты:

Поставленный митрополитом русским в 1375 г., т.е. уже 15 лет тому назад, митр. Киприан провел почти все это время вне Москвы. Но ему суждено было прослужить еще 16 лет (до 1406 г.) уже в прочном положении московского митрополита. Своей выдающейся разносторонней деятельностью в духе возвеличения Москвы и русской церкви, он вошел в серию ее святителей, прославленных и канонизированных. Память его празднуется 16 сентября.⁹⁰

**ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЯЯ СМУТА
В РУССКОЙ МИТРОПОЛИИ
И МИТРОПОЛИТ КИПРИАН
ПРИМЕЧАНИЯ**

1. John Meyendorff. «Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century,» (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).
2. Г.М. Прохоров. «Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы». (Ленинград: «Наука», Ленинградское изд-ление, 1978), стр. 12, примечание 18-20.
3. Dimitri Obolensky. XI «A Philorhomaios anthropos— Metropolitan Cyprian of Kiev and all Russia (1375–1406).» Dumbaron Oaks Papers 32 (Washington D.C., 1978) in his «The Byzantine Inheritance of Eastern Europe,» (London, Variorum Reprints, 1982)
В дальнейшем см. сноски под Д. Оболенский.
4. Г.М. Прохоров. «Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы», (Ленинград: «Наука», Ленинградское изд-ление, 1978).
5. И. Мейендорф, стр. 2.
6. Д. Оболенский, стр. 79.
7. Г.М. Прохоров, стр. 16.

8. Е. Голубинский. «Исторія русской церкви», Т.II, ч.1, стр. 901.
Albert M. Ammann, стр. 684.
9. Д. Оболенский, стр. 79-98.
10. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 59.
11. Д. Оболенский, стр. 82.
12. Там же, стр. 83.
13. А.В. Карташев, стр. 321-322.
14. Там же, стр. 322.
15. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 60.
16. Е. Голубинский, Т.II, ч.1, стр. 211-215.
17. Д. Оболенский, стр. 86, примечание ном. 31.
18. Там же, стр. 87, примечание ном. 34.
19. Патриаршая или Никоновская летопись, Т. XI, стр. 25.
20. Московский летописный свод конца XV века, стр. 192-193.
21. Г.М. Прохоров, стр. 52.
22. Там же, стр. 46.
23. Там же, стр. 47.
24. Там же.
25. А.Е. Пресняков. «Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII-XV столетий», (Петроград, 1918).
26. Г. Вернадский в 3-ем томе «Истории России» пишет, что термин «Великая Россия» впервые встречается в грамоте Иоанна Кантакузена к князю Любарту волынскому, посланной в 1347 году в связи с аннулированием гаичской митрополии, которая, кстати, уже в 1303 году имела титул митрополии Малорусской. См. George Vernadsky, «A History of Russia,» V. III— «The Mongols and Russia,» (New Haven; Yale University Press, с 1953, third printing 1963), стр. 234-235 и 237.
27. Г.М. Прохоров, стр. 51.
28. Там же, стр. 50
29. А.В. Карташев, стр. 323-324. Карташев не делает ссылки на летопись, но текст, приведенный Карташевым, заимствован из «Патриаршей или Никоновской летописи». Полное собрание русских летописей, Т. XI, стр. 36. Очень близкие тексты находятся и в других летописях. См. «Троицкая летопись», стр. 408, и «Летописец Рогожский», Полное собрание русских летописей, Т. XV, выпуск 1-ый, стр. 125.
30. Г.М. Прохоров, стр. 51.
31. Там же.

32. Там же.
33. там же стр. 49.
34. Там же, стр. 123-124.
35. John Meyendorff, стр. 208.
36. Dimitri Obolensky, стр. 89.
37. Там же, стр. 91.
38. Г.М. Прохоров, стр. 51.
39. Там же, стр. 53.
40. Там же, стр. 54.
41. Там же, стр. 55.
42. Там же, стр. 52-60.
43. Там же, стр. 60.
44. Там же, стр. 75.
45. Там же, стр. 76.
46. Е. Голубинский, стр. 239. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 67.
А.В. Карташев, стр. 327.
47. А.В. Карташев, стр. 327.
48. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 62-63.
49. Е. Голубинский, стр. 216 и 230-231.
50. А.В. Карташев, стр. 324.
51. М.А. Присёлков. Троицкая летопись – Реконструкция текста. (Москва-Ленинград, Изд-во Академии Наук СССР, 1950) стр. 410. В дальнейшем см. сноски под заголовком «Троицкая летопись».
52. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XI, стр. 38.
53. Г.М. Прохоров, стр. 80.
54. Там же, стр. 82.
55. Там же, стр. 63.
56. Там же, стр. 86, примечание ном. 11.
57. Там же, стр. 89.
58. Там же, стр. 91.
59. Там же, стр. 92.
60. Там же, стр. 93.
61. Там же, стр. 95.
62. Там же, стр. 98.
63. Там же, стр. 99.
64. Там же.
65. Там же.
66. Там же, стр. 100-101.

67. Там же, стр. 101. В этом месте Прохоров приводит цитату из И. Б. Грекова, «Восточная Европа и упадок Золотой Орды», (Москва, 1975) стр. 121.
68. Е. Голубинский, Т. II, ч. 1, стр. 244-247. Особенности стр. 246-247.
69. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 71.
70. В.О. Ключевский. «Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства», (New York: Епархиальное изд-во, Серия 1, Вып. 1, 1954 г.), стр. 14.
71. Там же, стр. 30-31.
72. Митрополит Макарий, стр. 72.
73. И.Б. Греков, Шахмагонов, Ф.Ф., «Мир истории: Русские земли в XIII-XV веках», (М.: Мол. гвардия, 1986), стр. 206.
74. Е. Голубинский, стр. 251.
75. Dimitri Obolensky, стр. 92.
76. John Meyendorff, стр. 229, особенно примечание № 9.
77. Рогожский летописец, Полное собрание русских летописей, т. XV, выпуск 1, столбец 143-144.
78. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XI, стр. 72.
79. Рогожский летописец, столбец 146.
80. И.Б. Греков, Шахмагонов, Ф.Ф., стр. 209.
81. Dimitri Obolensky, примечание № 59 к стр. 92-93.
82. John Meyendorff, стр. 232.
83. Е. Голубинский, стр. 252.
84. Там же. стр. 253.
85. Dimitri Obolensky, примечание № 59 к стр. 92-93.
86. Е. Голубинский, стр. 254.
87. Там же, стр. 254-255.
88. Там же, стр. 260. Изложение всего вопроса на стр. 247-260.
89. А.В. Карташев, стр. 333.
90. Там же.

КОНЕЦ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ МИТРОПОЛИТ КИПРИАН В МОСКВЕ (1390-1406 гг.)

Описанная выше смута в русской митрополии отразилась, конечно, на авторитете Русской Православной Церкви, не только на авторитете митрополитов. По мнению многих историков церкви, появление в то же время в Пскове ереси стригольников не было только хронологическим совпадением. Но наша тема – роль Русской Церкви в воссоздании Русского государства, и на ереси стригольников мы останавливаться не будем. Важно, что смута закончилась не только личным успехом митрополита Киприана, ставшего после 15-ти лет борьбы единственным митрополитом всея Руси, но и его переселением в Москву и фактическим отказом от политики балансирования между Москвой, Литвой и Польшей.

Можно разделять или не разделять точку зрения о. И. Мейендорфа на желательность такого балансирования, но нельзя не признать того факта, что история решила этот вопрос в пользу Москвы и переселения митрополита Киприана в столицу Северной Руси, что стало важным звеном исторического процесса возвышения Московского княжества. Надо, конечно, признать, что сравнительная приемлемость для литовских великих князей и польских королей «нейтрального» Киприана по сравнению с такими святителями московскими, как митрополит Алексей, возможно несколько задержала процесс разделения Киевской и всея Руси митрополии, но, во всяком случае, и не остановила

этого процесса. Можно даже сказать, что явная уступчивость митрополита Киприана в вопросе устранения твердо-православных епископов, оказавшихся в литовско-польской части митрополии, наоборот ускорила процесс отделения части митрополии и окатоличивания православного населения Литвы и Польши.

Легкому окатоличиванию Литвы, конечно, не мало содействовала, как уже неоднократно отмечалось, традиционная религиозная неустойчивость литовских князей. В томе IV труда митрополита Макария «История Русской Церкви», в главе 2-ой, есть раздел: «Успѣхи православной вѣры в Литве и состояніе тамъ православія». Вот что пишет митрополит Макарий: «Со временемъ Миндовга до Ягайлы большая часть литовскихъ князей исповѣдывали праволавіе. Правда, нѣкоторые принимали его не по убѣжденію, а по каким либо видамъ, и потому иногда перекрещивались въ латинство или даже возвращались къ язычеству и дѣлались гонителями христіанъ».¹ Далее митрополит Макарий пишет о наиболее известных князьях. В 1246 г. князь Миндовг был крещен в православие, в 1262 г. принял католичество, получив от папы титул короля, но через некоторое время, поссорившись с орденом, возвратился к язычеству. Большинство потомков Миндовга были православные, но вскоре после 1268 г. власть захватил Трайден. Трайден княжил в Литве 12 лет, оставаясь самым упорным язычником, что не помешало его детям стать православными. Знаменитый Гедимин (1320-1345), современник Ивана Калиты и митрополита Петра, оставался язычником всю жизнь. Не менее знаменитый Ольгерд (1345-1377), соперник Дмитрия Донского, был

тоже непостоянен в делах веры. Сначала, еще при жизни отца, он крестился, очевидно ради жены — православной княжны витебской, но, вступив на великокняжеский престол, возвратился к язычеству и преследовал христиан. Митрополит Макарий описывает далее казнь Ольгердом двух мучеников за православие, придворных князя, Антония и Иоанна в 1347 г. и, почти одновременно, их родственника Евстафия. Затем Ольгерд снова изменил свое отношение к православию и даже содействовал постройке церкви во имя казненных им самим мучеников. Все 12 сыновей Ольгерда были крещены в православие, две его жены были русские православные. Надо ли удивляться, что и преемник Ольгерда Ягайло, сначала крещенный в православие, в 1386 г., женившись на католичке Ядвиге и соединив таким образом, сначала только династически, Литву и Польшу, перешел в католичество. Ягайло не только сам перешел в католичество, но и крестил в латинство некрещенных литовцев, а на православных начал давить с целью перевода их в католичество. Четверо из одиннадцати братьев Ягайло одновременно перешли в катчество; один из этих, перешедших в католичество братьев, Свидригайло, впрочем, вскоре возвратился в православие. Митрополит Макарий отмечает, что при массовом крещении литовцев в католичество, половина жителей Вильно оказалась уже крещенной в православие.² Таким образом, о. И. Мейендорф прав в том, что у православных в Литве были первое время какие-то шансы и на большее распространение православия, но, как мы видим, политика литовских князей в области религии была явно беспринципной, во всяком случае до Унии 1386 г.,

когда Литовско-Польское государство твердо стало на дорогу окатоличивания не только литовцев, но и своих русских подданных. Надо учесть, что этот решительный поворот произошел не при открыто промосковском митрополите Алексее, а при митрополите Киприане, еще до его переезда в Москву в 1390 г. О. И. Мейендорф считает митрополита Киприана представителем православного «коммонвелта» (содружество православных стран, нечто подобное Британскому Содружеству наций), и это качество, конечно, содействовало сохранению лично хороших отношений Митрополита с королем Ягайло, но процесса окатоличивания Литвы, как видим, не остановило. Для сохранения же дружбы с великим князем литовским Витовтом митрополиту Киприану пришлось убрать с дороги окатоличивания самого яркого борца за православие епископа Туровского Антония, который еще в 1405 г. продолжал крестить людей в православную веру.³ Достаточно подробно разбирает этот важнейший для понимания положения православия в Литве и Польше эпизод Голубинский. Голубинский пишет, что Витовт обвинил епископа Антония в том, что епископ Антоний, будто бы, посыпал грамоты к ордынскому хану Шадибеку и призывал хана напасть на Киев, Волынь и прочие русско-литовские области.⁴ На наше современное восприятие приведенные обвинения, по самой своей чудовищности, настолько напоминают обвинения, принятые в СССР на политических процессах, что невольно вызывают подозрение в клевете. Не мудрено, что митрополит Киприан не сразу уступил настояниям Витовта, из-за чего, согласно Никоновской летописи, Витовт разъярился еще больше. В итоге Киприан отправил епи-

скопа Антония в Москву, в Симонов монастырь, приказав монахам не оскорблять сосланного, но запретив последнему даже выходить из монастыря.⁵

Надо сказать, что Е. Голубинский склонен верить в действительность обвинений, выдвинутых Витовтом против епископа Антония, но в очень смягченной форме, а именно допуская, что епископ Антоний «... могъ открыто высказывать, что власть Татаръ, отличающихся полною вѣротерпимостью, для Русскихъ предпочтительнѣе власти великихъ князей литовскихъ, которые въ лицѣ Витовта стали гонителями ихъ вѣры».⁶ Зато у Татищева находим прямое обвинение католического духовенства в деле об удалении епископа Антония:

Бывшу тогда въ Литвѣ во градѣ Туровѣ епископу Антонію, мужу учительну и велику засчитнику церкви христианскія, латиницы же ненавидяху его зело, зане облича твердо ересъ ихъ, и всю Волынь и Литву укрепляше учениемъ, и падшия возставляше, а колеблюсчияся за сознание истинны утверждаше; и не можаху никако его ни дармы, ни грозами удержати.

Далее Татищев пишет, что Киприан проверил обвинения Витовта, убедился, что это клевета, «но боялся Витовта, зане угрожаше отъятии власть митрополию, удержа Антония епископа у себя».⁷ Ссылка Антония в Москву была связана со снятием с него сана.⁸

Такая уступчивость Митрополита, конечно давала ему возможность сохранить хорошие отношения как с Ольгердом, относившимся к религии, ес-

ли можно так выразиться, вполне оперативно, так и со ставшим ревностным католиком Ягайло. Все это вряд ли содействовало укреплению православия в Литве и Польше. Хорошие отношения умерли со смертью Киприана в 1406 г., а удаление из епископата и, как можно предполагать, недопущение в последний людей, убежденных и независимых, уже при следующем митрополите греке Фотии, снова привело к отделению литовских епархий от русской митрополии, проведенному под прямым наложением Ольгерда.

Вообще митрополит Киприан часто сменял духовенство, что производит, когда смотришь на эти смены в целом, какое-то странное впечатление. К сожалению, наши летописи и исторические документы не освещают достаточно полно причины этих смен, а историки не уделяют им, как кажется, достаточного внимания.

После неудачного приезда в Москву, митрополит Киприан управлял митрополией еще 16 лет (с 1390-1406 год). За это время он побывал в Киеве 2 раза. В первый раз Митрополит ездил с великим князем Василием Дмитриевичем, когда он заезжал к Ольгерду в Смоленск. Было это в марте месяце 1396 года. Возвратился он в Москву уже в октябре 1396 года после полуторагодового пребывания в Киеве. Во второй раз Митрополит ездил уже без князя и снова пробыл в Литве около полутора лет, с июня 1404 года по 1 января 1406 года. Всего, стало быть, он пробыл в Литве три года из 16-ти второй половины своего правления (после переезда в Москву). Интересно, что оба раза по приезде в Киев Киприан сменял полный состав своего наместничества. Невольно возникает вопрос: почему

были приняты столь радикальные меры в обоих случаях? Голубинский объясняет это тем, что, во всяком случае, вторая смена была сделана потому, «что эти кіевскіе чиновники митрополита, съ намѣстникомъ во главѣ, представляли изъ себя одну шайку грабителей, расхищавшихъ доходы митрополичьи или обиравшихъ подвѣдомое духовенство, а что гораздо вѣроятнѣе – и первое и второе вмѣстѣ».⁹

Такая щедрость Голубинского на недоказанные обвинения невольно заставляет искать и другие возможные причины, объясняющие действия Митрополита. Снова хочется сопоставить их с дальнейшим развитием событий в Литве при следующем митрополите Фотии. В 1414 году, через 8 лет после второй смены митрополитом Киприаном состава киевского наместничества и смерти Киприана, в тот год, когда православные епископы Литвы в письменной форме потребовали себе отдельного митрополита, произошло аналогичное событие. Вот что пишет об этом сам Голубинский:

Получивъ отъ епископовъ эту грамоту, болѣе чѣмъ вѣроятно – имъ же самимъ и продиктованную, Витовтъ прогналъ изъ Киева намѣстника и чиновниковъ Фотіевыхъ, предварительно ограбивъ ихъ, приказалъ описать кіевскую митрополичью каѳедральную церковь со всѣмъ ея движимымъ имуществомъ, также описать принадлежавшіе каѳедрѣ города и волости съ селами или недвижимыя имѣнія и раздалъ послѣднія (очевидно, управляемый въ своей дѣятельности нисколько не заботами о митрополичьей каѳедрѣ) во владеніе своимъ панамъ.¹⁰

Даже и в этом случае Голубинский старается объяснить действия Витовта личной неприязнью к митрополиту Фотию, основанной на оговоре Митрополита врагами последнего. Аналогичные разгромы управления киевской епархии в трех случаях при двух разных митрополитах, в двух случаях, будто бы, без каких-либо указаний на участие в этом деле самого Витовта, в третьем случае явно по его инициативе, невольно ставят вопрос о продуманной антиправославной политике литовского князя, вызванной влиянием католического духовенства, конечно желавшего окатоличивания Литвы, за что его нельзя и винить.

Таким образом, сохранение митрополитом Киприаном хороших отношений с Витовтом и Ягайло и после переезда в Москву могло несколько задержать католическое наступление в Литве и Польше, но, очевидно, не без жертв, выразившихся в ослаблении личного состава православного духовенства. Ослабление состава духовенства уже вскоре после смерти митрополита Киприана облегчило Витовту поставление во главе литовской части бывшей киевской митрополии отдельного митрополита. Вопрос этот будет разобран ниже в связи с описанием управления русской митрополией митрополитом Фотием.

Еще менее благоприятные результаты политики митрополита Киприана были в вопросе о восстановлении подчинения киевской митрополии галицких епархий. Уже было отмечено выше, что, по инициативе польского короля Казимира, греки были вынуждены дать Галиции отдельного митрополита в 1371 г. Этот митрополит, по имени Антоний, умер то ли в 1391, то ли в 1392 г. Смерть Антония от-

крывала возможность Киприану, используя хорошие отношения с новым польским королем Ягайло, попытаться восстановить полностью единство митрополии. Антоний ведь был посвящен еще при митрополите Алексее. Карташев пишет, что при учреждении галицкой митрополии во власти польского короля находилась и часть Волыни – всего четыре епархии, две галицкие (Галицкая и Перемышльская) и две волынские (Холмская и Владимирская). Ко времени митрополита Киприана Волынь подчинялась уже Литве, зависимой от Польши, но еще достаточно самостоятельной. После смерти епископа Антония, по-видимому, по инициативе Ягайло, управление Галицкой митрополией было передано соседнему Луцкому епископу Иоанну, теоретически подчиненному Киприану. Все это произошло без ведома и согласия Константинопольского патриарха. Кроме игнорирования патриарха и митрополита Киприана, епископ Иоанн «каким-то образом очень грубо», по словам Карташева, нарушил права и своего соседа по епархии епископа Владимирского на Волыни. Митрополит Киприан вынужден был апеллировать к Патриарху. В 1393 г., заручившись рекомендацией Ягайло, Иоанн отправился в Константинополь за посвящением в митрополиты.¹¹ Однако, епископ Владимирский тоже ожидался в Константинополе и Иоанну предстоял, до получения митрополии, разбор его дела с этим епископом. Иоанн решил бежать из Константинополя и сел на корабль, несмотря на желание патриарха задержать его до разбора дела. Карташев (без ссылки) приводит слова Иоанна в ответ на просьбу патриарха остаться: «Галич дан мне королем, который есть местный государь и правитель, мне не доставало

только благословения патриарха, но я получил его». Тут Иоанн, по мнению Карташева, прибег к трюку, нарочно путая благословение патриарха, очевидно данное в виде обычного приветствия, с благословением на митрополию, т.е. официальной санкцией на управление ею. Патриарх официально отлучил Иоанна, о чём написал Ягайло и Киприану. Кроме того, патриарх послал для управления Галицкой митрополии своего экзарха, Вифлеемского архиепископа Михаила. Патриарх упоминал в письме к Ягайло, что он согласен поставить митрополитом и Иоанна, но только «под условием его покорности и раскаяния».¹² Киприану патриарх предлагал поставить в Луцк нового епископа, что и было сделано Киприаном. Все это не изменило решения Ягайло и Иоанна. Личная встреча Киприана с Ягайло в 1396 г. не улучшила положения, которое не изменилось до самой смерти Киприана в 1406 г. Думается, что, учитывая все изложенные выше факты, можно сделать только один общий вывод: польские короли-католики делали все возможное, чтобы ослабить православие в контролируемых ими землях, а литовцы, после политики колебаний между разными верами, постепенно подпали под католическое влияние и приняли ту же самую политику в отношении православия.

Карташев отмечает, что митрополит Киприан嘗試ed присоединить Перемышльскую епархию, но получил за это выговор от патриарха, очевидно хорошо учитывавшего слабость Византии и свои реальные возможности.

Митрополит Киприан всячески искал компромисса с польским королем. В 1396 г., во время посещения Литвы, Митрополит и Ягайло обращались

в Константинополь с предложением созыва собора для соединения католической и православной церквей, но оба получили от патриарха отрицательные ответы. Кartaшев приводит выдержки из ответа патриарха королю:

...ты пишешь о соединении церквей: и мы усердно желаем этого, только это не есть дело настоящего времени, потому что у нас идет война с нечестивыми (т.е. турками), пути нам заперты, дела наши находятся в стесненном положении; при таких обстоятельствах возможно ли, чтобы пошел кто-нибудь от нас на составление там, (т.е. на Руси) собора? Если Бог пошлет мир и пути станут свободными, мы готовы к этому и по собственному побуждению. А, чтобы это случилось, усердно просим твоё благородие соединиться с благороднейшим королем венгерским и выступить с твоим войском на сокрушение нечестивых; тогда, по освобождении путей, удобно может состояться и соединение церквей, как желает этого твоё благородие и как желаем этого и мы.¹³

В самой России Киприан управлял митрополией в согласии с московским князем, хотя и там у него были неудачи. Во время смуты в митрополии возобновились претензии Новгорода на большую независимость. В данном случае вопрос шел об апелляционном суде митрополита, связанным с подчеркиванием подчинения митрополиту Новгородского архиепископа и значительными денежными расходами новгородцев. Еще до переселения Киприана в Москву в 1390 г., при митрополите Пимене, нов-

городцы подписали между собой специальный договор о непризнании этого суда. Киприан, по прибытии в Москву, ездил в Новгород для улаживания этого неприятного дела. Патриарх и московский князь полностью поддерживали Митрополита. Дело доходило до войны Москвы с Новгородом и церковного отлучения новгородцев. Под таким давлением они уступили, но вскоре снова вернулись к своей канонически незаконной практике, игнорируя права Митрополита на апелляционный суд. Киприану пришлось примириться с таким положением. В разгар борьбы новгородцы угрожали переходом в католичество. Таким образом и в этом случае католичество даже, возможно, без непосредственного участия католиков, мешало консолидации русской православной митрополии и русского государства.¹⁴

Митрополит Киприан сменил в Твери епископа Евфимия под непосредственным давлением тверского князя Михаила Александровича. Как это отразилось на положении Митрополита и росте княжества московского, не ясно. Интересно только, что попытка Киприана примирить тверского князя с епископом не удалась и Митрополит, как и в случае с епископом Туровским в Литве, пошел на уступку светской власти, сменив и низложив епископа, которого тоже вызвал в Москву и заточил в Чудовом монастыре.¹⁵

При не всегда успешной административной деятельности, митрополит Киприан, видимо, пользовался любовью и уважением своей московской паствы. Он был образован и относительно много писал, при этом не только сочинял сам, но и просто переписывал духовную литературу; даже любил это занятие.

**КОНЕЦ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ
МИТРОПОЛИТ КИПРИАН В МОСКВЕ (1390-1406)
ПРИМЕЧАНИЯ**

1. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 127-128.
2. Там же, стр. 127-132, 136.
3. Там же, стр. 137.
4. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XI, стр. 192.
5. Там же.
6. Е. Голубинский, Т.П., ч. 1, стр. 341.
7. В.Н. Татищев. История российская, Т. 5 (Москва: Изд-во «Наука», 1965), стр. 203.
8. И.Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI веков, (Москва: Изд-во восточной лит-ры, 1963).
Автор, очевидно, верит обвинениям Витовта и упоминает, что Туровский епископ Антоний вел переговоры с ханом Шадибеком «о выходе русских земель из состава литовского княжества (стр. 88 вышеуказанной книги), но не разбирает этого вопроса сколько-нибудь подробно.
9. Е. Голубинский, стр. 340.
10. Там же, стр. 373.
11. А.В. Карташев, стр. 337.
12. Там же, стр. 338. У Е. Голубинского аналогичные сведения на стр. 342-343.
13. А.В. Карташев, стр. 336-337.
14. Там же, стр. 335.
15. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 78-79.

МИТРОПОЛИТ ФОТИЙ (1408 – 1431)

В предыдущей главе отмечалось, что митрополит Киприан, во второй половине своего управления русской митрополией, стал опираться на Москву, а не на Литву, сумев использовать свои хорошие отношения с литовским князем Витовтом для борьбы за сохранение единства митрополии. Значение единства митрополии можно иллюстрировать количеством епархий в двух ее половинах. митрополит Макарий перечисляет епархии митрополии на конец XIV – начала XV века. Оказывается, что в это время из 18 епархий митрополии 9 находились в Руси северо-восточной, а 9 – в Руси юго-западной,¹ т.е., с точки зрения количества епархий, митрополия делилась пополам, при этом в северо-восточной Руси преобладание Руси было почти бесспорным, а в литовско-русско-польском государстве было несомненное соперничество между его польской и литовско-русской частями, между Ольгердом и Ягайло. С точки зрения епархий, это соперничество могло делить юго-западную часть митрополии тоже на две части, из которых 5 епархий, например, в 1345 г. временно составляли митрополию Галицкую.²

Следует помнить, что Витовт литовский, став формально католиком, продолжал традицию большей религиозной терпимости, вернее беспринципности, чем Ягайло после женитьбы на Ядвиге, ставший королем Польши. При таком соотношении религиозных убеждений, более последовательная в своих стремлениях Польша Ягайло шаг за шагом подчиняла себе Литву. С.М. Соловьев отмечает:

. . . в 1401 году на Виленском сейме в присутствии Ягайла и Витовта было определено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова под власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва без Польши не выбирает великого князя, ни Польша без Литвы не выбирает короля: оба народа имеют общих врагов и друзей. Ходили слухи еще об одном пункте договора, а именно, что по смерти Ягайла престол польский переходит к Витовту. В 1413 году связь с Польшой была еще более скреплена на сейме Городельском: дворянство литовское сравнено в правах с дворянством польским, за исключением, однако, православных.³

Наступление на православие определило, как известно, всю дальнейшую политику Польско-Литовского государства. Наступление это сразу привело к первому массовому переходу на сторону Москвы части русско-литовской аристократии, под предводительством Свидригайло, брата и соперника Ягайло. Первый переход, не в пример позднейшим, не был особенно выгодным для Москвы, может быть благодаря личным качествам Свидригайло, вскоре возвратившегося в Литву. К этому событию мы еще вернемся ниже.

В Орде, в начале XV века, продолжались междоусобия и наблюдался явный распад, особенно после разгрома Тохтомыша Тамерланом в 1395 г., но в какие-то моменты Орда объединялась и могла наносить еще сокрушительные удары. Так, в 1399 г. татарские войска под предводительством Едигея разгромили силы Литвы, Польши, части татар, бежавших в Литву с Тохтамышем, и даже рыцарей

Тевтонского ордена, объединившихся в этом, катастрофическом для Витовта, походе (битва по масштабам была, приблизительно, равной Куликовской). В 1408 г. тот же Едигей, напав неожиданно на Москву, не сумел, правда, взять города, но так разорил все окрестности, что надолго обессилил великого князя Василия Дмитриевича.

Осторожная политика Василия Дмитриевича в отношении своего дяди Витовта дала возможность последнему в 1404 г. захватить Смоленск. Захват Смоленска настолько усилил Витовта, что в 1410 г., объединив силы Литвы и Польши, он сумел остановить немецкое наступление на литовско-русские земли («Дранг нах Остен»). Витовт разгромил Тевтонский орден в знаменитой битве под Грюнвальдом. Эта, важнейшая по своим последствиям битва, была выиграна благодаря стойкости русских смоленских полков.

Что касается Византии, то, получив передышку благодаря разгрому турок султана Баязета Тамерланом в битве под Анкарой в 1402 г., она так и не смогла оправиться во время пятидесятилетней задержки турецкого завоевания.

Так, вкратце, выглядела расстановка главных политических сил в момент смерти митрополита Киприана в 1406 г. Все, изложенное выше, дает, думается, достаточно фактических данных для объяснения поведения великого князя Василия Дмитриевича в вопросе о назначении нового митрополита.

Е. Голубинский свое описание времени управления Русской Церковью митрополитом Фотием, начинает прямо с вопроса: почему великий князь Василий Дмитриевич не послал, по примеру прош-

лого, своего русского кандидата в Константинополь для посвящения в митрополиты? Голубинский считает, что греки, находясь в этот момент в крайне тяжелом положении, особенно зависели от русской денежной помощи, а великий князь, вместо этого сам предложил назначить новым митрополитом грека. Именно о такой просьбе великого князя упоминает сам митрополит Фотий в позднейшем послании к литовским епископам.⁴ Поступок русского князя Голубинский объясняет, во-первых, влиянием предыдущего митрополита Киприана, грекофила по своим убеждениям, и, во-вторых, войной, начавшейся между Литвой и Москвой. Как раз, когда умер Киприан, из вражды к Москве Витовт послал в Константинополь своего кандидата епископа Полоцкого Феодосия, родом грека. Развивая эту мысль, Голубинский допускает возможность, что Витовт послал своего кандидата с целью получить отдельную митрополию только для Литвы.⁵

Это последнее соображение Голубинского, скромно вынесенное в примечание, при учете общей исторической ситуации, кажется важным доказательством того, что религиозная политика московского князя была более широкой, чем политика Витовта. Это предположение находит свое подтверждение и в дальнейших действиях Витовта. А.В. Карташев, повторяя в основном соображения Голубинского по вопросу о новом митрополите, не упоминает о разобранном нами предположении последнего.⁶ Митрополит Макарий, ссылаясь на ряд документов, пишет, что Витовт просил греков поставить своего кандидата Феодосия на Киевскую митрополию «по-старинъ», но толкуя выражение «по-старинъ» не как подчеркивание единства мит-

рополии, а как зависимость ее от города Киева, захваченного Витовтом. Это прямо вытекает из конца фразы: « . . . и строил Церковь Божию по-давнему, как нашъ (митрополит – В.А.) потому что, изволенiem Божиим, мы обладаемъ тѣмъ городомъ Киевомъ». ⁷ О северо-восточной половине митрополии в словах Витовта, приводимых митрополитом Макарием, упоминания нет, так же как и о какой-либо договоренности по этому вопросу с великим князем Василием Дмитриевичем (возможно, по причине войны). Греки не удовлетворили на этот раз просьбу литовского князя.

Новый русский митрополит Фотий был родом из Пелопоннеса, т.е. из области, в которой греческий дух сопротивления был еще не сломлен. Фотий поступил в монастырь в раннем возрасте и был под руководством, по его собственным словам, знаменитого подвижника Акакия.⁸ Не ясно почему именно Фотий был поставлен в русские митрополиты, «случайно» приехав в Константинополь в момент поисков кандидата. Очевидно, к этому времени Фотий уже имел установившуюся репутацию. Через год после посвящения Фотий прибыл в Киев в сопровождении послов Патриарха и императора. Очевидно, в это время Фотию удалось найти общий язык с Витовтом, потому что митрополит пробыл в Литве 6 месяцев, впрочем не расставаясь с послами императора, что укрепляло его положение. Голубинский пишет, что Витовт впоследствии утверждал, что Фотий обещал ему оставаться в Литве, в чем Голубинский справедливо сомневается.⁹ В Москву Фотий прибыл только 22 марта 1410 г. и сразу столкнулся с большими трудностями. Почему-то только митрополит Макарий, а не Голубинский и

Карташев, отмечает, что в Москве встреча нового митрополита была очень торжественной, при большом стечении народа.¹⁰ Главные же трудности, встреченные Фотием, заключались в том, что при нашествии Тохтамыша в 1408 г. весь центр московских владений был разграблен, а при отсутствии митрополита в течение двух лет остатки, принадлежавшей митрополии собственности движимой и недвижимой, попали в разные руки, включая самого великого князя. Крутой характер митрополита Фотия привел к ряду неприятных столкновений с виновниками незаконных захватов, и даже к бегству некоторых из них во владения литовские. Из-за того же вопроса о разграблении имущества митрополии отношения митрополита Фотия с великим князем тоже несколько испортились.

Все это не помешало Фотию в конце 1411 г. вновь посетить литовские епархии и посвятить там двух епископов, но эта забота о литовской половине митрополии была обращена против Митрополита. Витовт, несколько позднее, обвинил Фотия в вывозе из Киева церковных ценностей в Москву. Е. Голубинский подробно рассматривает это обвинение Витовта и приходит к выводу, что оно не было оправдано.¹¹ Дело было, конечно, не в этой частности. Цитировавшийся уже неоднократно нами ранее католический историк Амманн очень ясно и логично объясняет поведение Витовта, как раз в нужном для настоящей работы церковно-политическом разрезе. Амманн начинает с того, что еще после поражения на реке Ворскле в 1399 г. (о котором упоминалось выше), Витовт, очень ослабленный этим поражением, вынужден был искать помощи у союзной Польши. Это и привело к решению

Виленского сейма 1401 г. о передаче управления Литвой польскому королю Ягайло в случае смерти Ольгерда и к совместному выбору короля в дальнейшем. Следствием совместных действий Литвы и Польши, как мы знаем, было поражение Тевтонского ордена в 1410 г. при Грюнвальде. Именно в этом году митрополит Фотий приехал в Москву (по Амманну, Фотий уже в марте 1410 г. был в Москве, а сражение произошло 15 августа). Польша и Литва с естественной радостью отпраздновали свою победу. Фотий же не приехал на празднование. Амманн особенно подчеркивает, что Ягайло в благодарность за победу основал в городе Люблине, в польской части королевства, новый монастырь св. Бригитты. Фотий, продолжает Амманн, не мыслил по западному, а, наоборот, содействовал тому, что Василий Дмитриевич выдал свою дочь Анну за наследника византийского престола, что еще более объединило Россию и Византию. После этого, продолжает Амманн, Фотий приехал в Литву и вывез в Москву много золота и церковных ценностей.¹² Как видим, дело не в отдельных правильных или неправильных действиях митрополита Фотия, а в оценке его церковной политики в целом, явно направленной на поддержание православной веры и православных государств в Греции и в России. Надо оговориться, что Голубинский предполагает, что ссора Фотия с Витовтом все-таки произошла не из-за столкновения разных политических взглядов, а, в первую очередь, из-за личной обиды Витовта, которому враги Митрополита наговорили на святителя.¹³ По той или другой причине, но Витовт начал действовать против Фотия, стараясь придать своим действиям характер легальности. Вот как освещает

все это Никоновская летопись:

И князь велики Литовскій Витоеть Кестутъевичъ, собравъ епископы области своея: Исаакія Черниговськаго, Феодосія Полотцкаго, Деонісія Лучскаго, Герасима Владимирскаго, Ивана Галичскаго, Севостіана Смоленськаго, Харитона Холмськаго, Павла Червеньскаго, Еуеімія Туровскаго, и рече къ нимъ . . .¹⁴

Отметим сразу, что перечень епископов, приводимый летописью охватывает все девять епархий, бывших в Литовско-Польском государстве, а не одни литовско-русские епархии.(См. примечание)*. Продолжаем цитату из Никоновской летописи:

* ПРИМЕЧАНИЕ

Митрополит Макарий сомневается в правильности приведенного списка епископов, участников собрания, даваемого в Никоновской летописи. В примечании ном. 100 стр. 89 Тома IV он пишет: «Къ числу этихъ епископовъ, исчисляемыхъ въ другихъ лѣтописяхъ (II. Собр. Р. Лѣт. II, 353; III, 106; V, 259), Никонова Лѣтопись прибавляетъ еще трехъ: галицкаго Іоанна, червенского или перемышльского Павла и смоленского Севастіана (V, 51). Но присутствіе двухъ первыхъ на соборѣ крайне сомнительно: потому что Витовтъ могъ собрать и дѣйствительно собралъ, по свидѣтельству самой же Никоновой Лѣтописи, епископовъ только 'области своея' (тамъ же), – а галицкая и перемышльская епархіи находились тогда во владѣніяхъ Польши, а не Литвы». Присутствие же Смоленского епископа митрополит Макарий считает вероятным. Митрополит Макарий очень серьезный исследователь, но почему не предположить, что Ягайло содействовал Витовту в отрыве литовско-польских епархий от Москвы и повлиял на своих епископов в этом отношении.

...и рече къ нимъ: «слышасте ли, что творить Фотъй митрополитъ? соборную церковь Киевскую, столь митрополскій изначальный, что всея Русіи глава и слава и честь, истощи и пограби и износить на Москву; и се подобаетъ вамъ, избравше, поставити митрополита въ Киевъ, да соблюдаетъ все по старинѣ, и столь митрополской изначальный Киевскій не рушится, и мы о семъ безъ смущенія и безъ печали будемъ.¹⁵

Как видим в изложении Никоновской летописи, «ограбление» соборной церкви киевской в речи Витовта используется как иллюстрация – символ переноса центра митрополии на север в Москву, что само по себе было несомненным фактом. Летопись продолжает:

Епископи же о семъ недоумъахуся, что рещи. Витоеть же повель имъ жалобу написати къ себѣ на Фотъя... Епископомъ же не хотящимъ сего сотворити на отца своего и господина Фотъя митрополита, Витоеть же со властю по прѣти имъ...¹⁶

Жалоба была составлена так, как диктовал Витовт, и невольно возникает мысль – удалось ли бы Витовту заставить подчиненных ему епископов пойти на этот шаг, если бы ранее покойный митрополит Киприян не удалял из Литвы в угоду католикам таких стойких святителей, как епископ Туровский Антоний, о котором было упомянуто выше. Получив нужную грамоту, Витовт, как мы уже знаем, прогнал из Киева наместника и чиновников Фотия,

предварительно ограбив их, а принадлежавшие киевской кафедре города и волости раздал своим панам.¹⁷

Узнав о случевшимся, митрополит Фотий приехал в Литву, откуда, по данным Голубинского, в случае неудачи попытки примирения с Витовтом, собирался ехать в Константинополь. В Литве Митрополит был схвачен, ограблен и должен был возвратиться в Москву потому, что в Константинополь Витовт его не пропустил. Все изложенное выше Голубинский считает следствием личного гнева Витовта на оболганного Митрополита, а не продуманной политикой литовского князя.¹⁸ Об этом вопросе митрополит Макарий мыслит более реалистично. Он считает, что Витовт просто хотел разделить митрополию. Карташев, в своем объяснении действий Витовта, соединяет мотивы личные с политическими, что можно считать вполне логичным.¹⁹

Обвинение Фотия было только подготовкой к следующему шагу Витовта. В том же 1414 г. Витовт заставил своих епископов направить в Константинополь ходатайство о поставлении особого митрополита, выставив для этого своего кандидата Григория Цамблака. Прежде чем писать о Григории Цамблаке отметим, что еще до выдвижения его кандидатуры Витовт заставил своих епископов написать «отреченную грамоту» от Фотия, в которой Фотий предавался «крайнему позору» (выражение Е.Голубинского).²⁰ Голубинский цитирует саму «отреченную грамоту»:

...мы услышали относительно тебя и истинно увѣрились о нѣкоторой вещи, которая не только не по правиламъ, но и подвергаетъ тебя

изверженію и проклятію, — ты и самъ сознѣшься въ этомъ, испытавъ свою совѣсть, а мы не пишемъ о ней, не желая срамить тебя; итакъ, объявляемъ тебѣ, что по правиламъ не признаемъ тебя за епископа, — и это есть наше конечное къ тебѣ слово.²¹

Историки, работы которых использованы автором, не расшифровывают брошенного обвинения, но самая его недоказанность и завуалированность не говорит в его пользу. Голубинский и это обвинение объясняет личным раздражением Витовта против Фотия, но дальнейшее поведение литовских епископов показывает, что они на этот раз уступали настояниям Витовта об образовании отдельной митрополии с большим сопротивлением. Сопротивление, по-видимому, нарастало постепенно и было сломлено только при помощи прямых угроз литовского князя. Согласно Никоновской летописи, Витовт прямо пригрозил непокорным епископам казнью. Тут приходится сделать неприятную для каждого исследователя оговорку: все три наших историка церкви (митрополит Макарий, Е. Голубинский и А.В. Карташев) несколько смазывают хронологию описываемых событий. Яснее всего, если не четкая хронология, то, по крайней мере, очередность событий дана в Никоновской летописи (хотя известно, что в летописях встречаются хронологические ошибки). Вот как выглядит эта очередность: началось с того, что было собрано 9 епископов и Витовт заставил их подписать известное уже нам обвинение против митрополита Фотия. После этого Витовт захватил в Киеве имущество митрополии и раздал его своим панам, что, конечно, послужило

наглядным предупреждением для епископов. Затем было созвано новое собрание епископов, которые подписали описанное выше отречение от Фотия и утвердили кандидатуру Григория Цамблака. При этом некоторые епископы советовали лучше прибритьсь с Фотием, но сдали позиции под наимом Витовта. Затем новый кандидат в митрополиты поехал в Константинополь, куда уже прибыли посланцы митрополита Фотия. В Константинополе Григорий Цамблак получил не только отказ, но и был лишен сана и отлучен от церкви. Затем Витовт собрал епископов и заставил их самих избрать Григория Цамблака в митрополиты. (См. примечание)*

Поскольку все перечисленные выше события являются звеньями одной цепи, приведшими к объявлению фактической автокефалии литовской части русской митрополии, главным из этих событий надо считать избрание в митрополиты отлученного от церкви в Константинополе Григория Цамблака. Поэтому остановимся именно на нем.

Никоновская летопись описывает это событие с очень интересными подробностями. В летописи читаем: «Тоъ же осени Господь Богъ полусти, грѣхъ

* ПРИМЕЧАНИЕ

Все три историка (митрополит Макарий, Е Голубинский, и А.В. Карташев) начинают описание разделения митрополии с собора епископов начала 1414 г., осудившего Фотия. Только у митрополита Макария есть указание, что сами епископы упомянули о возможности избрания митрополита собором литовских епископов. Кроме этого, Макарий упоминает о собрании литовских князей, предшествовавшем собору епископов. У Голубинского захват Витовтом имущества Киевской митрополии предшествует приезду Фотия в Литву и его ограблению.

ради нашихъ, Киевской митрополии на двѣ области раздѣлитися, яже не подобаетъ; глаголеть бо во священныхъ правилахъ, яко не подобаетъ быти во единой области двѣма митрополитомъ»(стр. 226). Как видим, летопись сразу же ставит вопрос сохранения единой митрополии для одного русского народа. Далее летопись отмечает, что Витовт собрал православных епископов своей области, перечисляя снова девять епископов, собиравшихся в 1414 году. Епископам Витовт предложил: «‘поставте ми въ митрополиты на Киевъ Григория Цамблака Болгарина’. Онъмъ же не хотящимъ сего сотворити, боящеся Бога и священныхъ и божественныхъ правилъ завещаніа, и глаголаше соборнѣ вси къ Витовту: ‘боимся Бога и священныхъ Его правиль завѣщаніа повелѣніа твое сотворити’. Витовт потребовал более точного канонического обоснования отказа епископов и те сослались, в частности, на 12-е правило IV Вселенского собора, прямо запрещающее делить единую митрополичью область на две части. На это Витовт ответил: «вѣсте убо вси, яко Киевъ и вся страна Кіевскаа въ моей области есть». Епископы возразили, что прежде эта область не принадлежала Витовту, на что Витовт ответил, что теперь это его область, «и вы нынѣ въ моей области поставите митрополита на Киевъ». Епископы возразили, что на киевскую область распространяется «земская», т.е. политическая власть Витовта, который может управлять областью политически, а духовная власть принадлежит митрополиту, который находится в Москве из-за татар, но остается и митрополитом Киевским. Далее, судя по летописи, епископы, по возможности, смягчили четкую суровость своей декларации, сказав, что от соблю-

дения древних обычаев Витовт не пострадает ни материально, ни политически, а только заслужит похвалы. Витовт ответил вполне ясно и достаточно убедительно: «аще не поставите ми митрополита въ моей земли на Киевъ, то зль умрете». После этого Григорий Цамблак был поставлен в Киевские митрополиты собором епископов, подчиненных Витовту, а, судя по летописи, и епископами, подчиненными Ягайло.²² Произошло это 15 ноября 1416 г. в литовском городе Новгородке. Митрополит Макарий, ссылаясь на ряд документов, считает, что новый митрополит объединил только 7 литовских епархий. Вопрос этот достаточно важен для уяснения тогдашних взаимоотношений между Витовтом и Ягайло, но не меняет дела по существу. В обоих случаях католический правитель навязывал свою волю православному духовенству и пастве. Очень интересно, что Никоновская летопись ясно ставит вопрос о границе разделения компетенции светской и духовной властей. Не менее интересно, что оба крупнейших историка русской церкви, митрополит Макарий и Е. Голубинский, не разбирают в своих работах этого важного места летописного текста. Возможно, что в XIX веке, в разгар синодального периода в истории Русской Церкви подчеркивать границы светской власти в делах церкви было неудобно. Кartaшев упоминает об этом, к сожалению, в очень общей форме. Важно отметить и другую сторону того же вопроса – сознание православного епископата и летописца не возмущалось, когда при выдвижении кандидатур в митрополиты решающую роль играл православный правитель, но когда правитель оказался иноверцем, то сразу возник протест против его

вмешательства.

После капитуляции перед Витовтом епископам не оставалось ничего другого, как, по возможности не в разрез канонам, оправдать свой разрыв с Константинополем и русской митрополией. Документ, составленный с этой целью, Голубинский называет окружной грамотой, а Никоновская летопись – оправдательным словом. Составлен он был в день избрания Григория Цамблака 15-го ноября 1416 года.²³ Никоновская летопись в связи с этим дает перечень епископов, подписавших воззвание. Это те же епископы, исключая епископов, находившихся на контролируемой Ягайло территории. Ягайло, по каким-то соображениям, в этом случае не поддержал Витовта. Содержание окружной грамоты излагается одинаково всеми упомянутыми выше историками. Приведем наиболее четкое и краткое изложение Карташева (называющего документ окружной грамотой):

Она представляет собой образец очень слабой аргументации. Епископы ссылаются на а) 1-ое апостольское правило, дозволяющее двум или трем епископам поставлять епископа, в) на пример поставления Клиmenta Смолятича и на пример сербов и болгар, с) на равно действующую во всех православных епископиях благодать св. Духа и д) на симонию, царящую в Константинополе, хотя за день перед тем, т.е. 14 ноября они еще согласны были получить оттуда поставленного им архиепископа, если бы таковой явился.²⁴

От себя Витовт тоже написал грамоту, повто-

ряя обвинения Фотия в небрежности к литовской части митрополии, что с точки зрения хронологии посещений Фотием Литвы, не звучит особенно убедительно. Витовт утверждает, что Фотий обещал ему перенести митрополию снова в Литву. Возможности такого обещания Карташев просто не верит. Витовт обосновывает свое вмешательство тем, что, как светский правитель, он должен заботиться и о своих православных подданных (это после того, как Витовт четыре раза менял веру). В таких сложных условиях митрополитом литовской митрополии стал Григорий Цамблак. Что же это был за человек?

Казалось бы, что именно после того, как Григорий Цамблак стал, по воле литовцев, митрополитом, и надо остановиться на его биографии и характеристике, но как раз это очень трудно сделать без учета дальнейших событий. Надо сказать сразу, что изложение этих событий на первый взгляд скорее запутывает, чем разъясняет вопрос о характере митрополита. Очевидно, эта запутанность и заставила наших историков церкви сделать упор на фактор личных взаимоотношений между православной церковной иерархией и великим князем литовским Витовтом. Надо согласиться, что и личные свойства этих деятелей сами по себе играли значительную роль, но все же этими личными свойствами нельзя объяснить всего происшедшего. Собственно, главной трудностью является правильное объяснение того, почему Витовт решительно, как мы видели выше, заставивший своих епископов объявить фактическую автокефалию половины бывшей Киевской митрополии в 1416 г., уже через 4 года примиряется с митрополитом Фотием, будто бы в связи со смертью своего ставленника митро-

полита Григория Цамблака, при этом единство Киевской митрополии снова восстанавливается, а все результаты насилия над литовскими православными епископами смазываются. Если же учесть, что вопрос о смерти Григория Цамблака нельзя считать ясным, а можно говорить скорее об его таинственном исчезновении, то недоумение может только возрасти. Однако, если принять во внимание общую историческую обстановку в Восточной Европе того времени, то объяснить поведение Витовта, циничного, но умного политика, вполне возможно. Начнем с уяснения хода внутренней борьбы в самом польско-литовском государстве.

Выше уже было упомянуто о дальнейших шагах объединения двух народов после династической унии 1386 года, когда литовский великий князь Ягайло, женившись на наследнице польского престола Ядвиге, стал польским королем и ревностным католиком. Напомним, что в 1401 и 1413 гг. на съездах польской и литовской знати была окончательно установлена династическая уния Литвы и Польши, а Витовт признал себя лишь пожизненным владетелем своего княжества. Подчеркнем еще раз, что в 1413 г. литовская аристократия была приравнена в правах к польской, но только в том случае, если она принимала католичество. Учтем, что русская православная часть Литвы, по данным академика С. Платонова, составляла в то время 9/10 литовского княжества.²⁵ Это привело к тому, что в Литве сразу усилилась тяга к единоверной Москве. Создавшимся положением воспользовался брат и соперник Ягайло Свидригайло. Как увидим из дальнейшего, Свидригайло был человеком небуровновешенным и мало способным к продуманной

дальновидной политике, но не лишенным способности к решительным действиям. Оставаясь католиком, Свидригайло сумел как бы стать представителем православной аристократии Литвы. Логика борьбы с братом – королем польским – привела Свидригайло к переходу на московскую службу, переходу временному, но, тем не менее, ознаменовавшему начало нового исторического процесса. Соловьев пишет:

В следующем году (т.е. в 1408 – В.А.) отъехал из Литвы в Москву родной брат короля Ягайла, северский князь Свидригайло Ольгердович, постоянный соперник Витовта, и соперник опасный, потому что пользовался привязанностью православного народонаселения в Южной Руси. Свидригайло приехал не один; с ним приехал владыка черниговский, шесть князей Юго-Западной Руси и множество бояр черниговских и северских.²⁶

Карамзин добавляет к перечню бояр брянских, стародубских, любутских, ростовских. Дворец московский наполнился этими боярами, когда они пришли к государю. Москвичи с любопытством смотрели на своих единоплеменников, принявших обычаи иноземные, а бояре удивлялись величию Москвы.²⁷ Все это произошло еще до 1413 г. – начала юридического притеснения православной аристократии, но в Литве уже чувствовался католический гнет. Обрадованный великий князь Василий Дмитриевич отдал в управление Свидригайло Владимира и чуть ли не половину своих владений. Радость Москвы оказалась преждевременной, во

всяком случае в отношении самого Свидригайло. В начавшейся войне с Витовтом присутствие на стороне Москвы Свидригайло не сыграло заметной роли, и столкновение окончилось стоянием на реке Угре и миром. Тем не менее, Соловьев отмечает, что после мира на Угре во все княжение Василия Дмитриевича Витовт не обнаруживал неприятельских замыслов ни против Москвы, ни против Новгорода или Пскова.²⁸ Свидригайло, очевидно, рассчитывавший на полную победу над Витовтом при помощи Москвы, не был удовлетворен своим новым положением. Во время нашествия Едигея он не помог московскому князю и вскоре возвратился в Литву (в 1409 г.), по дороге ограбив город Серпухов.²⁹ Очевидно, отъезд в Литву был для Свидригайло решением опрометчивым. В Литве он был схвачен Ягайло и Витовтом, заключен в тюрьму и освобожден князем острожским только в 1418 г., т.е. за год или два до исчезновения митрополита Григория Цамблака. Конечно, такое сопоставление дат не дает еще оснований для каких-либо обоснованных догадок, объясняющих примирение Витовта с митрополитом Фотием, но, тем не менее, освобождение возглавителя православной партии в Литве могущественным вассалом не могло не повлиять на общее направление религиозной политики Витовта, заставить больше считаться с православными.

Более тесный союз с Польшей принес в начале XV века очень ощутительную выгоду. В 1410 г. произошла упомянутая выше Грюнвальдская битва, в которой Тевтонский орден был решительно разбит, а немецкое продвижение на восток остановлено, но победа эта была и победой Ягайло, друга, но и

соперника Витовта. Вместе с тем решающую роль в сражении сыграли смоленские полки, состоявшие из русских православных воинов, с настроением которых надо было считаться. Должно было сыграть роль и еще одно немаловажное обстоятельство. Амбиции Витовта ведь простирались на восток. Витовт подумывал и о захвате еще не объединенных Москвой северо-восточных русских княжеств. Объединение Литвы с Польшей очень увеличивало материальные возможности этих государств, но прямолинейный католицизм поляков препятствовал успехам Литвы в этом направлении и, как показало поведение Свидригайло, могло привести к самым нежелательным последствиям. В этом отношении очень показателен один, казалось бы, второстепенный эпизод. С.М. Соловьев, описав авантюру с переходом к Москве Свидригайло и мир Москвы с Витовтом на Угре, пишет, что во время войны между Москвой и Литвой новгородцы, по своему обычаю, сохраняли нейтралитет. Более того, они, не порывая с Москвой, держали у себя на пригородах, т.е. на военной службе, князя Симеона – Лугвения Ольгердовича, «присяжника» Ягайло. Присутствие литовского князя, однако, не привело к заключению союза между Новгородом, Польшей и Литвой, предлагаемого этими государствами; при этом, – пишет Соловьев, выявились уже главная причина, которая в дальнейшем стала играть постоянную роль, препятствия союзу Новгорода с Гедеминовичами, которые были уже католиками. В 1411 г. князь Симеон-Лугвений Ольгердович, видя это, уехал в Литву. Следствием этого было то, что в начале следующего года Ягайло, Витовт и Лугвений «разорвали всякий союз с

новгородцами».³⁰

Все это происходило еще до автокефалии литовской православной церкви и появления Григория Цамблака. Не исключено, что важность для русских вопроса о вере и подтолкнула Витовта сначала к созданию собственной литовской православной митрополии, но раздел митрополии, если его связать с явной политикой окатоличивания православной аристократии в Литве, выявившейся в 1413 году, не мог не насторожить даже запуганных Витовтом православных епископов девяти литовско-польских епархий. В этом отношении интересно, иначе не понятное, поведение Григория Цамблака на Константском соборе, куда он был, повидимому, послан Витовтом. Никоновская летопись описывает это событие так:

Въ лѣто 6926, Сентября. Григорей Цамблакъ, поставленный въ Кіевѣ митрополитъ Витоетовымъ избраніемъ, рече къ великому князю Витоету Кестутьевичю: «что ради ты, княже, въ Лятцкомъ (т.е. польскомъ – В.А.) въ законѣ, а не въ Греческомъ?» Глагола єму Витоетъ: «аще хощеши не токмо мене единаго видѣти въ Греческомъ законѣ, но и всѣхъ людій моєя земли Литовскіа, да идеше въ Римъ и пришися съ папою и съ его мудрецы; и аще ихъ преприши, и мы вси въ Греческомъ законѣ и обычая будемъ; аще ли не преприши ихъ, имамъ вся люди своея земли Греческаго закона въ свой Нѣмецкій законъ превратити».³¹

Как видим, согласно летописи, Григорий Цамблак сам проявил инициативу, пытаясь перевести

Витовта в православие, косвенным последствием чего и могла быть его поездка в Констанцу. Карташев, по-видимому, правильно предполагает, что инициатором очередной попытки церковного объединения должен был быть Ягайло, твердо проводивший свою политику окатоличивания Литовского княжества, в чем не так был заинтересован Витовт, как увидим ниже, стремившийся до конца жизни освободиться от опеки Ягайло и поляков. Григорий Цамблак возвратился из Констанцы в 1419 году, не перейдя в унию. Это могло лишить его поддержки Ягайло и поляков, для которых разделение Киевской митрополии и отделение от русских и греков должно было быть первым шагом к переводу в унию и окатоличиванию Литвы. В этом отношении постановка вопроса в приведенном выше отрывке из летописи прямо указывает на выбор между православием и католичеством, а не на возможность продолжения существования двух вероисповеданий в одном государстве. Такая точка зрения характерна для Московской Руси и для Польши, но, как мы знаем, не характерна для князей литовских, менявших веру в зависимости от обстоятельств. В личном же соперничестве Витовта с Ягайло первому выгодно было сохранять равновесие между православием и католичеством. Мы увидим в дальнейшем, что буквально накануне своей смерти в 1430 году Витовт сделал попытку получить корону от германского императора. Попытка эта была сорвана поляками, не пропустившими посланцев императора, везших корону в Литву. Не удивительно, что при таких личных взаимоотношениях с Ягайло и, стало быть, с католиками, Витовт должен был опираться и на 9/10 населения

Литвы, состоявших из православных русских. Важно учесть, что не только русские северо-восточной Руси, но и греки не признавали законности автокефалии, объявленной литовскими епископами. «По просьбе Фотия, – читаем у Карташева, патриарх Евфимий в 1415 г. предал самочинно поставленного Цамблака извержению и проклятию, то же сделал в следующем году и новый патриарх Иосиф».³² Далее Карташев удивляется, что в Литве, почему-то, «долгое время с удивительным невниманием относились к патриаршим проклятиям, и не ими был прекращен мятеж, а добровольным удалением самого Цамблака с кафедры, приобретенной им такой дорогой нравственной ценой». Карташев пишет, что «обыкновенно думают, что Цамблак умер в 1419 или 20 г.; так сообщают русские летописи», а «румынские летописи говорят о переходе Цамблака в Молдавию и продолжают его биографию далее».³³

Думается, что такая неясность судьбы митрополита Григория только подтверждает высказанную выше мысль о том, что Витовт сам перестал интересоваться продолжением собственной авантюры и пошел на тихое удаление незадачливого митрополита, предпочтя возобновление не вполне его устраивавших, но все же достаточно удовлетворительных, отношений с законным митрополитом Фотием. Приведем еще два соображения обещего порядка в пользу такого предположения.

После смерти великого князя московского Василия Дмитриевича в 1425 г. в семье московских князей, отличавшейся до этого времени большой сплоченностью, разгорелся спор между, по тогдашним обычаям законным наследником княжества,

Юрием, братом Василия Дмитриевича, и сыном последнего Василием, которому отец завещал княжеский стол мимо своего брата. Борьба между племянником и дядей, а позднее детьми дяди растянулась на много лет, заняла все время Василия Васильевича и очень ослабила Московское княжество. Следствием этого ослабления было значительное усиление литовского влияния в северо-западной Руси. Соловьев отмечает, что в 1427 году рязанский князь Иван посчитал нужным примкнуть к Литве и заключил с Витовтом договор, в котором называет Витовта своим «господарем» и отдается ему на службу.³⁴ В том же году Витовт писал великому магистру Ордена, что князья «рязанский – переяславский и пронский, так же князья – новосильский, одоевский и воротынский... поддались ему». Тогда же заключил с Витовтом договор, похожий на договор князя рязанского, и «великий князь пронский».³⁵ На более выгодных условиях заключил договор с Витовтом и князь тверской в том же 1427 году. Только смерть Витовта в 1430 году изменила создавшееся положение. В самой Литве началась междуусобная борьба. Описываемые события произошли, приблизительно, через 7 лет после исчезновения Григория Цамблака, но постепенное назревание конфликта между Василием и Юрием московскими могло быть заметно и до 1425 года (год смерти Василия Дмитриевича). Витовт, конечно, был прекрасно осведомлен о положении в семье своей дочери – жены Василия Дмитриевича.

Таким образом, история предоставляла Витовту возможность разыграть православную карту – ведь все перечисленные выше княжества, заключившие договор с Витовтом, входили в какую-ни-

будь епархию, остававшуюся в ведении митрополита Фотия. В этих условиях возобновление дружбы с Фотием и удаление Григория могло входить в политические соображения Витовта, хотя хронологическая последовательность событий и не совпадает бесспорно с предлагаемым объяснением.

Из сопоставления описанных событий можно, наконец попытаться вывести и личную характеристику митрополита Григория Цамблака. Митрополит Макарий пишет, что о митрополите Григории сохранилось мало сведений, но он был родом серб и родной племянник митрополита Киприана. Голубинский и Карташев считают обоих митрополитов болгарами. Во всяком случае, Григорий происходил из ныне болгарского города Тырнова. Важно, что он был племянником митрополита Киприана. Подобно дяде, пишет Карташев, Григорий Цамблак стал монахом и некоторое время состоял в клире Константинопольского патриарха. Потом он жил в Молдавии при тамошнем митрополите. Перед смертью Киприан вызвал племянника, но умер, когда Григорий успел доехать только до Литвы, где и остался в течение 8 лет, с 1406 по 1414 г., очевидно за это время успев обратить на себя внимание Витовта умом и проповедническим талантом. О дальнейшем можно судить уже по поведению Григория – кандидата в митрополиты и митрополита. Это поведение, с одной стороны, при приезде Григория в Константинополь в качестве кандидата Витовта показывает его только ловким политиком, циником, покорно исполняющим задание Витовта, ловко сумевшим относительно вовремя уехать из Константинополя при провале своей миссии, и все-таки не избежавшего отлучения, которое Григорий спокой-

но игнорировал, зная при этом, что православные епископы Литвы согласились на его кандидатуру под прямым давлением Витовта. С другой стороны, поведение митрополита литовского Григория на Констанцском соборе показывает его как убежденного православного, противника унии, человека принципиального. Тут приходит в голову, что, может быть, племянник митрополита Киприана в самом деле был искренним приверженцем православного «коммонвельта» и надеялся защитить православие в Литве, игнорируя национальные интересы и России, и Византии. Ответить на этот вопрос, конечно, нельзя при скудости наших знаний, но если бы это было так, то провал церковной политики Григория Цамблака (если принять версию об его удалении, а не смерти) был бы только лишним доказательством правильности ориентации Киевских и всяя Руси митрополитов на православную Москву.³⁶

Так или иначе, но сразу же после исчезновения митрополита Григория, в 1420 году митрополит Фотий выехал в Литву, а в конце 1422 года снова побывал там. Наиболее подробно эти посещения описывает митрополит Макарий. По его сведениям, Фотий выехал в Литву 1 июня 1420 года, встретился в «Новгороде литовском» (т.е. Новогрудке) с Витовтом в присутствии послы греческого императора грека Филантропона, затем отправился в Киев, Слуцк, Галич, где, как предполагает митрополит Макарий, не было своего митрополита, и через Мозырь снова прибыл к великому князю. В следующем 1421 году, продолжает митрополит Макарий, Фотий посетил Львов, Владимир Волынский, Вильну, Борисов, Друцк, Тетерин, Мстиславль, Смо-

ленск и в Великий пост возвратился в Москву. В 1423 году Фотий снова посетил Смоленск и снова виделся с Витовтом. В 1430 году, во время устроенного Витовтом съезда в Троках для неудавшегося коронования Витовта короной германского императора (задержанной поляками) митрополит Фотий опять посетил Витовта совместно с великим князем Василием Васильевичем. После того, как Витовт распустил гостей, Фотий, как отмечает митрополит Макарий, оставался в Вильно еще 11 дней, почти до самой смерти Витовта, и был отпущен в Москву «съ великой честью».³⁷ Новый литовский князь Свидригайло тоже, по данным митрополита Макария, принял Фотия с любовью и почетом.³⁸ Последнее, добавим от себя, надо считать вполне естественным, учитывая старую вражду Свидригайло с Ягайло, как уже отмечалось выше, продержавшего Свидригайло 10 лет в темнице до освобождения узника князем острожским.

Все перечисленные выше события указывают на временное, как увидим из дальнейшего, укрепление русского православного влияния в Литве, осуществленного при помощи Митрополита всея Руси, грека по происхождению, объединившего, пусть временно, под своим управлением московскую, литовскую и даже польскую части Киевской митрополии.

Обратимся теперь к деятельности митрополита Фотия в пределах московской части митрополии. Об этой стороне его деятельности сохранилось мало материала. Уже было отмечено, что новый митрополит столкнулся сразу с последствиями нашествия Едигея. Собственность митрополита оказалась не только разоренной во время нашествия, но

и расташенной после нашествия в отсутствие возглавления митрополии. Возвращение этого имущества очень осложнило деятельность Митрополита, временно охладило его отношения с великим князем Василием Дмитриевичем и осложнило отношения с Витовтом, к которому убежали некоторые недовольные действиями Митрополита. Все это не изменило четкого направления деятельности Фотия. Наибольшую услугу московскому князю митрополит Фотий оказал в начале борьбы между сыном Василия Дмитриевича – Василием Васильевичем и дядей его Юрием. Скора эта выходила за рамки обычных княжеских ссор и значение ее надо объяснить. Дело в том, что московские князья вообще не были представителями старшей линии северо-русских князей, и с точки зрения наследственного права, выработанного еще в Киевской Руси (и приведшего к ее распаду и порабощению), имели меньше прав на великое княжение, чем другие княжеские линии. Только сплоченность московской княжеской семьи и реальная сила Московского княжества, созданная этой семьей, давали наследникам Калиты преимущество, необходимое для продолжения дела воссоздания русского государства вокруг Москвы. И вот, в самой семье произошел раскол все на том же основании старого понимания старшинства, только на этот раз в узких пределах одной семьи. Опасность такого раздора для дела собирания невозможно преувеличить. Вот что пишет Соловьев об этом:

По смерти Василия Дмитриевича на столе московском и всяя Руси явился опять малолетний, десятилетний князь Василий Васильев-

вич. Малолетством деда его Димитрия хотел воспользоваться Димитрий суздальский, князь из старшей линии потомства Ярослава Всеволодовича, но Москва была уже так сильна, что, несмотря на малолетство ее князя, Суздаль, даже поддерживаемый ханом, не мог остаться победителем в борьбе. Теперь при малолетнем внуке Димитриевом, никто из князей не осмеливался спорить за Владимир с потомками Калиты.

И далее:

Но теперь... начинается борьба между самими потомками Калиты. И вот полноправный... по старине, наследник старшинства князь Юрий Димитриевич звенигородский отказывается признать старшинство племянника, отказывается признать законность нового порядка престолонаследия. Должна была возгореться борьба, борьба последняя и решительная, которая нисколько не похожа на прежние усобицы между дядьми и племянниками.³⁹

Далее Соловьев подчеркивает, что на этот раз борьба шла действительно за новый порядок, за новый обычай, добавим – за новый принцип престолонаследия, необходимый для объединения раздробленного государства. Соловьев пишет, что на стороне нового порядка был малолетний племянник, не способный действовать сам по себе, против которого выступал вполне зрелый, достаточно опытный дядя. И тут на помощь Василию Васильевичу выступила церковь со всем авторитетом сво-

его возглавителя митрополита: «В ту самую ночь, пишет Соловьев, как умер великий князь Василий Димитриевич, митрополит Фотий послал своего боярина в Звенигород к Юрию звать его в Москву».⁴⁰ Юрий, зная для чего его зовут и не желая подчиниться племяннику, не поехал в Москву, а наоборот – удалился в Галич, откуда «прислал с угрозами к племяннику», потребовав перемирия на четыре месяца. Москва согласилась на перемирие, но обе стороны начали собирать войска. Собрав войска, московские бояре и братья Юрия выступили против Юрия, уехавшего в Нижний Новгород, а потом еще дальше – за реку Суру. Брат Юрия, возможно, Константин, командовавший московскими войсками и, по мнению Соловьева, не очень хотевший помогать племяннику, не преследовал Юрия. Юрий, чтобы выиграть время, снова предложил не мир, а перемирие на год. Москве это не было выгодно, и по общему совету Митрополита, матери великого князя Софьи, дядей и даже Витовта литовского Митрополит поехал в Галич уговаривать Юрия согласиться на вечный мир.⁴¹ Юрий принял Митрополита в Галиче очень торжественно, а для демонстрации своей силы и многолюдства княжества согнал для встречи крестьян со всех окрестных деревень. Судя по Никоновской летописи, использованной Соловьевым для описания этой красочной сцены, Митрополит по одежде толпы сразу понял, в чем дело, и стал настаивать на заключении постоянного мира, т.е.на признании Юрием нового порядка. Юрий упорствовал. Фотий рассердился и выехал из Галича, не благословив князя и город. Вдруг, после его отъезда, открылся мор в Галиче. Юрий испугался, поскакал за Митрополитом и едва су-

мел, плача, умолить его возвратиться.⁴² После этого Юрий согласился заключить мир. Мор прекратился. Юрий продолжал хитрить. Собственно, сначала дядя и племянник договорились о посредничестве татарского хана, решению которого обещали подчиниться, но к татарам так и не обратились, а «Юрий, отчаявшись в успехе своего дела, заключил в 1428 году договор с Василием, по которому признавал себя младшим братом племянника и обязывался не искать великого княжения под Василем».⁴³ К сожалению, на этом борьба не окончилась, а возобновилась за несколько месяцев до смерти митрополита Фотия, умершего в июле 1431 года, и продолжалась при сыновьях Юрия. Эта борьба привела к ослаблению Москвы, угрожавшему всему делу объединения Руси, и задержало его на десятилетия – до правления Ивана III. Не окажи Русская Православная Церковь в лице митрополита Фотия такой решительной поддержки десятилетнему Василию, неизвестно вообще удалось ли бы московским князьям осуществить это великое дело.

Помощь Василию против Юрия была, по-видимому, наиболее значительным внутримосковским делом митрополита Фотия, но и другие, менее значительные дела были направлены к той же цели. Фотий прибыл в Москву 22 марта 1410 года,⁴⁴ и, согласно Никоновской летописи, уже следующей зимой поехал в Тверь по приглашению тверского князя Ивана Михайловича, где поставил для Твери нового епископа Антония. Мы видели, что и при посещении Литвы митрополит Фотий не сидел на месте, а ездил по разным городам. Такие поездки были в тогдашних условиях не только утомительными, но и опасными. В том же 1411 году Митро-

полит поехал во Владимир, официально кафедральный город митрополии. В это время один из нижегородских князей, пишет Голубинский, которых Василий Васильевич в начале княжения согнал с их удела,⁴⁵ собрав летучий отряд из 250 татар и 150 русских, неожиданно напал на неукрепленный тогда и совершенно не ожидавший нападения город. К счастью Митрополит, не знающий ничего о возможности нападения, уехал в одно из митрополичьих имений и избежал плена. Налетчики пожгли и разграбили несчастный город, а за Митрополитом послали специальный отряд, надеясь, в случае удачи, получить за него выкуп. Митрополит спасся тем, что, предупрежденный на этот раз об опасности, успел укрыться в лесах. О подробностях нападения красочно пишет летопись: «Татаромъ же не постигшимъ Фотія митрополита и возвратившимя, и много людій повсюду съкуще безъ милости, и стадо градское взяша, и посады взяша и пожгоша, и людей избиша безъ числа много, и богатство ихъ взяша».⁴⁶ Далее летопись описывает, как ключарь знаменитой соборной церкви Богородицы, приехавший с Фотием грек Патрикий, успел спрятать золотые и серебряные священные сосуды где-то между крышей и потолком собора, оставил там «некіихъ людей», а сам спустился в храм и стал молиться перед образом Богородицы, не отворяя татарам двери. Татары разбили двери, ограбили иконы, а Патрикия начали мучить, требуя указать, где спрятана церковная казна и люди, которые были с ним в церкви. Патрикия ставили на горячую сковороду, били цепями, сдирали кожу и, «прорѣзавъ» ноги, привязали к хвосту коня. Патрикий выдержал все и умер, спасши и своих сообщни-

ков, и священную утварь.⁴⁷ Поведение Патрикия указывает на удачный выбор митрополитом Фотием своих помощников, привезенных из Греции в Россию.

Сравнительно незаметно прошло, казалось бы, достаточно важное событие – выдача замуж за наследника византийского престола Иоанна, сына императора Мануила, дочери великого князя Василия Димитриевича Анны. Никоновская летопись уделяет этому событию всего 5 строк. Голубинский отмечает, что в период домонгольский подобные браки бывали изредка, после же нашествия монголов это был первый случай (дело идет о браках с членами византийского императорского дома). Анна умерла от «морового поветрия» уже через три года после брака,⁴⁸ но ее смерть не меняет дела, а дело заключалось в том, что до полного завоевания Византии турками оставалось около 40 лет и уже Византия нуждалась в какой-то поддержке еще не окрепшей Москвы, а не Москва искала поддержки Византии, хотя, как мы видели по делу Григория Цамблака, такая поддержка была и для Москвы достаточно полезной. В этой связи важно подчеркнуть, что даже временное объединение бывшей Киевской митрополии митрополитом Фотием после исчезновения Григория Цамблака в 1420 году показывает, что церковное единство было все же более сильным, чем единство политическое. К сожалению, в следующей главе придется остановиться и на крушении единства церковного.

МИТРОПОЛИТ ФОТИЙ (1408-1431)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 109-110.
2. Там же, примечание ном. 117 к стр. 108.
3. С.М. Соловьев, Т. 4, стр. 382.
4. Е. Голубинский, Т.П., ч.1, стр. 357, особенно примечание ном. 1.
5. Там же, стр. 358, примечание ном. 1.
6. А.В. Карташев, стр. 340.
7. Митрополит Макарий, стр. 86.
8. Е. Голубинский, стр. 358-359.
9. Там же, стр. 361.
10. Митрополит Макарий, стр. 87.
11. Е. Голубинский, стр. 371.
12. А. Аттапп. стр.122.
13. Е. Голубинский, стр. 372.
14. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XI, стр. 223.
15. Там же.
16. Там же.
17. Е. Голубинский, стр. 373.
18. Там же.
19. Митрополит Макарий, стр. 88; А. Карташев, стр. 341.
20. Е. Голубинский, стр. 374.
21. Там же. Голубинский ссылается на акты Зап. Рос., Т. I, ном. 23, стр. 83, и пишет, что цитата дается в переводе «с славяно-белорусского языка на русский язык».
22. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XI, стр. 223-230.
23. Е. Голубинский, стр. 378.
24. А.В. Карташев, стр. 343; так же Патриаршая или Никоновская летопись, стр. 227.; Митрополит Макарий, стр.91.
25. С.Ф. Платонов. Учебник русской истории для средней школы: курс систематический (Прага: Пламя, 1925) ч. I, стр. 98.
26. С.М. Соловьев, стр. 378.
27. Н.М. Карамзин. История Государства Российского, Т. 5, стр. 115-116.

28. С.М. Соловьев, стр. 378.
29. Там же, стр. 380-381.
30. Там же, стр. 378.
31. Патриаршая или Никоновская летопись, стр. 233.
32. А.В. Карташев, стр. 344.
33. Там же.
34. С.М. Соловьев, стр. 419-420.
35. Там же.
36. Митрополит Макарий, Т.4, стр. 96-101; Е. Голубинский, стр. 374; А.В. Карташев, стр. 342.
37. Митрополит Макарий, Т.4, стр. 102-103.
38. Там же, стр. 104.
39. С.М. Соловьев, стр. 389-390.
40. Там же, стр.391.
41. Там же.
42. Там же, стр. 392.
43. Там же.
44. Е. Голубинский, стр. 362.
45. Там же, стр. 365.
46. Патриаршая или Никоновская летопись, стр. 216.
47. Там же.
48. Е. Голубинский, стр. 366-367.

МОСКОВСКАЯ СМУТА МИТРОПОЛИТЫ ИСИДОР И ИОНА АВТОКЕФАЛИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Митрополит Фотий умер в 1431 году. Великому Князю Василию Васильевичу в это время было 16 лет. Авторитет Церкви и Митрополита явно сдерживал притязания дяди Василия – Юрия. Соловьев отмечает, что в том же 1431 году Юрий пошел на разрыв с племянником и начал бесконечную борьбу, прерванную было смертью Юрия, но продолженную его сыновьями. Положение осложнялось еще тем, что Василий Васильевич был, наверное, самым неспособным и незадачливым правителем из всего рода Ивана Калиты, хотя ему иногда и везло, достаточно неожиданно. Действия великого князя не отличались ни последовательностью, ни даже достаточным пониманием исторической задачи объединения Руси, что, в частности, сказалось на его завещании, о чем будет сказано ниже. Ослепив своего заклятого врага Василия Косого, сына Юрия, Василий Васильевич проявил жестокость, не известную с 12 века.¹ Позднее он сам был ослеплен братом Косого Дмитрием Шемякой. В то же время в процессе борьбы с дядей Юрием и двоюродными братьями, Василий Васильевич неоднократно проявлял какое-то наивное добродушие, заключал договоры, которые его соперники тут же нарушали, да и сам он не очень хорошо их соблюдал. Единственными, явно положительными чертами характера Василия Васильевича, были, кажется, храбрость и религиозность (не помешавшая,

впрочем, ослеплению Косого). Время правления Василия Васильевича (1425 – 1462 гг.) было временем больших перемен и важных событий, требовавших определенных и решительных действий. В 1439 году, только что присланный из Византии митрополит Исидор, оказался одним из главных инициаторов знаменитой Флорентийской унии, поставившей Византию на колени перед католической церковью и Папой. В 1453 году долгая агония Византии закончилась падением Константинополя. Византийской империи не стало, императора не стало, а патриарх оказался под властью турок. В 1431 году умер Витовт, последний крупный великий князь литовский, дед Василия Васильевича по матери, враг и друг Москвы – во всяком случае, значительная политическая фигура, уход которой с исторической арены менял положение внутри Литовско-Русского государства и усиливал процесс его полонизации и окатоличивания.

Только уже вековая традиция, сила исторической инерции в направлении борьбы за единство и объединение, удерживали Московское княжество от внешнего развала во время смуты в московском княжеском доме. Сыграло положительную роль и крепкое московское боярство, и весь народ московский, и, опять-таки, Церковь, особенно после того, когда митрополитом стал третий святитель московский митрополит Иона. Обстоятельства сложились так, что митрополит Иона стал и первым автокефальным митрополитом Северной Руси. Таковы были общие рамки периода. Рассмотрим теперь отдельные исторические слагаемые более подробно.

Хроника борьбы Василия Васильевича с дядей и двоюродными братьями утомляет внимание,

сложна и не заслуживает подробного анализа, потому что в своей основе сводилась к бесконечным эпизодам, главный смысл которых, по мнению Соловьева, сводился не только, как было раньше, к борьбе за великокняжеский стол, когда «торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побежденного: (когда – В.А.) он, его сыновья и внуки могли существовать как владельцы почти независимые» в своих удельных княжествах.² Таким образом, даже положительный исторический процесс централизации государства, как все в истории человечества, был не безболезненным и имел свои теневые стороны.

Теперь попробуем как можно короче описать ход московской смуты, обращая внимание на роль Церкви и духовенства, не забывая и о московских боярах, и о народе.

В 1428 году, как мы помним, Юрий, отчаявшись в успехе борьбы, заключил договор с Василием Васильевичем, по которому признавал себя младшим братом своего племянника и обязывался не бороться за великое княжение сам, но представляя решение этого вопроса татарскому хану.³ Оговорка эта, конечно, обесценивала заключенный договор, если не уничтожала его полностью. Добавим от себя, что Орда в это время сама была крайне ослабленной внутренними раздорами. Обращение к ней не было необходимостью и давало только татарам лишний сигнал, что Москва ослаблена. Василий Васильевич в Орду не поехал. Юрий до 1431 года с этим мирился. По-видимому, решимость Юрия возобновить дело в 1431 году объяснялась не только смертью Митрополита, но и смертью Витовта в 1430 году. В конце жизни Витовт поддерживал

Василия Васильевича. Новый литовский великий князь, уже известный нам Свидригайло был «побратим и свояк Юрия».⁴ Соперники на этот раз отправились все-таки в Орду, где начали интриговать друг против друга, завоевывая союзников в ханском окружении. Победил Василий Васильевич, главным образом благодаря ловкости и цинизму одного из своих бояр – некоего Ивана Дмитриевича. Иван Дмитриевич на ханском суде противопоставил аргументации Юрия, основанной на родовом праве, прямое заявление, что решает все ханская воля, независимая ни от каких прав. Юрию пришлось смириться. Он сам хотел ханского решения. Но в это время ловкий циник Иван Дмитриевич, рассчитывающий женить Василия Васильевича на своей дочери, узнал, что, по настоянию матери Софьи Витовтовны, Василий Васильевич обручился с Марией, внучкой князя Владимира Андреевича. Обиженный боярин уехал из Москвы и вскоре был принят князем Юрием, которого уговорил возобновить старые притязания. Юрий с большим войском, приблизился к Москве. Василий Васильевич не успел собрать свое войско, но принял бой, был разбит Юрием, бежал в Кострому и попал там к Юрию в плен. Юрий въехал в Москву и стал великим князем.⁵ Тут победитель проявил неожиданное великодушие и, по совету своего боярина Семена Морозова, дал Василию Васильевичу в управление Коломну, несмотря на протесты сыновей. Примирение дяди и племянника казалось полным. Был устроен пир, и дядя одарил Василия Васильевича. Очутившись в Коломне вместе со своими боярами, Василий Васильевич стал собирать сторонников, которых оказалось много. Сын Юрия, Дмитрий Ше-

мяка, в ярости лично убил боярина Морозова и, избегая отцовского гнева, бежал из Москвы. Юрий, видя себя покинутым всеми, попросил Василия Васильевича вернуться в Москву, а сам «только с пятью человеками»⁶ уехал в Галич. Так бескровно окончился очередной конфликт московских князей благодаря поведению бояр и народа, ставших на сторону Василия Васильевича. С Косым и Шемякой Юрий даже совсем порвал, а с Василием Васильевичем заключил очередной договор. Возвратившись в Москву, Василий Васильевич отправил воевод против Косого и Шемяки, но те разбили московское войско, при чем обнаружилось, что Юрий помогал своим сыновьям, невзирая нассору с ними и договор с Василием Васильевичем. За это Василий Васильевич в 1434 году пошел на Юрия к Галичу, сжег город по тогдашнему обычанию и заставил Юрия бежать. Война на этом не кончилась. Счастье изменило Василию Васильевичу, он был разбит, а Юрий вновь занял Москву. Однако, Юрий вскоре умер и Косой занял его место. Братья Косого – Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный, зная, что брату не удержаться в Москве, снова позвали Василия Васильевича на великое княжение.⁷ Очевидно, на князей давило настроение народа. Василий Васильевич вернулся в Москву, Косой бежал и был лишен какого-либо удела. Это, по мнению Соловьева, довело побежденного до крайней степени отчаяния и озлобления. Косому удалось собрать войско и в 1435 году Василий Васильевич, выступивший против Косого, проиграл сражение, бежал, собрал новое войско, но решил дать Косому удел – город Дмитров. В этом месте Соловьев делает важное замечание: если проследить за распределением

уделов при заключении мирных договоров между Юрием, Косым, Шемякой и Василием Васильевичем, то бросается в глаза постоянная смена уделов, даваемых победителем побежденному. (В настоящей работе подробности о распределении уделов не приводятся для сокращения описания). Соловьев объясняет это тем, что при переменах уделов население не привыкало к своему князю и это ослабляло позицию последнего в его отношениях с великим князем.⁸ Таким образом, политика эта не была случайностью, а разумным методом укрепления процесса государственной централизации.

Мир и на этот раз был недолг – продолжался он 1 месяц. Василий Косой начал войну на севере, где у него были какие-то сторонники, в частности жители города Вятки, в разной комбинации участвовавшие в авантюрах Юрия и юрьевичей, направленных против Василия Васильевича. Василий Косой применил хитрость в войне, завел разговоры о мире и неожиданно напал на московского князя. Хитрость почти удалась – войско Василия Васильевича отдыхало и не было готово к бою. Однако смелость Василия Васильевича спасла положение. Василий Косой был разбит, попал в плен и был ослеплен (после чего и стал называться Косым). Это преступление позднее было отомщено братом пострадавшего Дмитрием Шемякой, ослепившим самого Василия Васильевича, прозванного после этого Тёмным. Дело объединения Северной Руси мало выиграло от устранения Василия Косого, как политической фигуры. Его брат Шемяка продолжал ту же разрушительную для государства деятельность. К усобице присоединилось новое несчастье: в 1439 году Москва была сожжена татарами, а

Шемяка не помог Василию Васильевичу, хотя обя-
зан был это сделать по заключенному договору.
На этот раз в дело вмешалась Церковь. Соперни-
ков помирил троицкий архимандрит Зиновий. На-
помним, что в России в это время не было митро-
полита. Новый мир продолжался с 1440-го по 1445
год. В 1445 году Василию Васильевичу пришлось
выступить против одной из татарских орд в районе
Суздаля. При сближении войск Василий Василье-
вич проявил легкомыслие, аналогичное тому, когда
чуть-было не был разбит Василием Косым, обма-
нувшим его разговорами о мире. Татары о мире не
говорили, но напали неожиданно. Василий Василье-
вич, как и в бою с Косым, проявил мужество,
но был разбит и попал в плen к татарам. С этого
началась самая трудная, можно сказать, критиче-
ская полоса в жизни Василия Васильевича и мо-
сковского княжества. «Когда узнали в Москве об
участи великого князя, пишет Соловьев, то под-
нялся плач великий и рыданье многое».¹⁰ К одной
беде присоединилась еще другая: 14 июля того же
года вся Москва выгорела от пожара. Погибло не
менее 700 человек. Мать Василия Васильевича
Софья, его жена с боярами и дети поехали в Ро-
стов, но были захвачены Шемякой. В Москве на-
чались паника и безвластие, остановленные сами-
ми горожанами. Тех, которые хотели бежать из го-
рода хватали, били, заковывали, чем прекратили
беспорядок. К счастью, татары были уже не те,
что раньше. У Орды, захватившей Василия Василье-
вича, не было ни сил, ни воли воспользоваться
несчастьем москвичей. Шемяка начал с татарами
переговоры, прося не выпускать из плена Василия
Васильевича, но хан предпочел получить выкуп.

Из Орды с Великим князем выехало много татар, поступивших на московскую службу. Появление татар и сбор денег на выкуп вызвали недовольство москвичей, чем воспользовался Шемяка. Шемяка распустил слух, что Василий Васильевич вообще обещал хану отдать ему все Московское княжество. Помимо князей и бояр, в числе недовольных были и купцы, и монахи. В 1446 году эти недовольные воспользовались отъездом Василия Васильевича в Троицко-Сергиев монастырь и сообщили об этом Шемяке. 12 февраля 1446 года Шемяка захватил Москву. Сам Василий Васильевич был захвачен у Троицы 13 февраля, привезен в Москву и 16 февраля ослеплен по приказу Шемяки. Во всей этой истории, подробно описанной в летописях и у Соловьева, поражает очередное проявление легкомыслия Василия Васильевича. Московский князь получил у Троицы сообщение о намерениях Шемяки, но ограничился выставлением караула на дороге в Москву. Кардинал был захвачен обманом, а других мер предосторожности не было принято. Во время захвата Василия Васильевича его сыновьям Ивану и Юрию удалось бежать при помощи верных слуг и, вероятно, монахов. Детей увезли в город Муром. Многие бояре и слуги Василия Васильевича бежали от Шемяки, некоторые даже в Литву. Шемяка в этих условиях явно не чувствовал себя победителем, и тут он решил опереться на авторитет Церкви. Митрополита не было и Шемяка обратился к рязанскому епископу Ионе – будущему митрополиту, с просьбой: «Батюшка! Поезжай в свою епархию, в Муром, и возьми на свою епитрахиль детей великого князя Василия, а я с радостью их пожалую, отца их выпущу и вотчину дам достаточ-

ную, чем будет им можно жить». ¹¹ Патриаршая или Никоновская летопись, описывая это же событие, приводит рассуждения сторонников Василия Васильевича и его детей, отдавших княжичей под ответственность владыки Ионы, зная, что сами не в силах защитить их в случае, если Шемяка действительно захочет захватить детей.¹² Шемяка и на этот раз обманул. Он сначала принял княжичей ласково, устроил для них обед, дал подарки, но через три дня сослал их в Углич. Тогда сторонники Василия Васильевича, включая тех, которые бежали в Литву, объединились и выступили против Шемяки. Шемяка испугался и вынужден был обратиться к только-что обманутому им Ионе и другим владыкам. На совещании владык и бояр, Иона, открыто упрекая Шемяку в вероломстве, настоял на освобождении Василия Васильевича и детей. Таким образом, Шемяка ошибся в своих расчетах, что, выдвигая святителя на пост митрополита, сделает его своим приверженцем. В Никоновской летописи прямо написано, что Шемяка вызывая Иону в Москву для задуманного захвата сыновей Василия, «объща єму митрополію».¹³ Теперь оказывалось, что Иона согласился взять детей на свою ответственность единственно во имя восстановления мира в Московском великом княжестве. Под давлением духовенства, Шемяка в 1447 г. поехал в Углич вместе с епископами. Интересно, что и Шемяка, и Василий Васильевич, обсуждая при епископах своюссору, винили в ней только себя. Правда, это легко объяснить желанием показать себя с лучшей стороны перед духовенством, но думается, что таков поведение вполне вытекает и из характеров этих соперников, людей непоследователь-

ных, часто опрометчивых, жестоких, но, именно в силу своей экспансивности, способных и к искреннему покаянию. Конечно, и на этот раз мир и дружба двоюродных братьев не продолжались долго. Василий получил дары и город Вологду в вотчину, давши Шемяке «проклятые грамоты» (т.е. грозившие проклятием в случае нарушения договора – В.А.) не искать великого княжения.¹⁵ Когда весть об освобождении Василия Васильевича распространилась, то приверженцы стали толпами стекаться к нему. Поведение Шемяки в Москве было таким, что выражение «Шемякин суд» на столетия вошло в русский язык как синоним полнейшей несправедливости. Трифон, игумен Кириллова-Белозерского монастыря, взял вину Василия Васильевича в нарушении договора с Шемякой на себя. Когда Василий приехал из Вологды, пишет Соловьев, он, как тогда считалось, был освобожден от обязательств в отношении Шемяки.¹⁶ Снова Церковь стала на сторону Василия Васильевича, при всех его недостатках, все-таки единственного князя, способного как-то продолжать дело объединения России. Отметим, что старшему сыну Василия Васильевича – Ивану в это время было всего семь лет – возраст, когда в древней Руси мальчиков брали от нянек и передавали на воспитание мужчинам, начинавшим их военное и политическое обучение. Слепота отца сделала такое обучение очень необходимым, и недаром Иван III впоследствии стал таким большим государственным деятелем.

Шемяка не сдался и выступил против Василия Васильевича, но «Шемякины суды» окончательно отрезвили москвичей, и город был легко захвачен сторонниками Василия Васильевича. 17 февраля

1447 года он въехал в Москву победителем. Шемяка вынужден был просить мира и отпустил захваченную им в плен мать Василия Васильевича. Был заключен очередной мир. Соловьев отмечает характерную деталь договора между Шемякой и Василием Васильевичем – Шемяка и его сторонник князь Можайский просят, чтобы великий князь не вызывал их в Москву до тех пор, пока не будет там митрополита, который один мог дать им ручательство в безопасности.¹⁷ Таким образом, в это безвремение, когда междуусобие князей не только разоряло страну, но и было связано с непрерывной цепью нарушенных договоров, предательством, обманом и полным взаимным недоверием, только Церковь оставалась моральной основой государства, даже в глазах таких людей, как Шемяка, не могшего не видеть, что Церковь эта явно поддерживает его противника Василия Васильевича.

Приведенные выше соображения, что и Шемяка мог обладать какими-то искренними чувствами в отношении религии и Церкви, не меняют, к сожалению, представления об его неустойчивом и преступном характере – Шемяка продолжал вредить Василию Васильевичу где только мог, включая Орду, с которой обязался не поддерживать непосредственных отношений. Шемяка также не возвращал государственные документы, захваченные им в Москве.¹⁸ Москвичам Шемяка посыпал грамоты против великого князя. Часть Москвы, по тогдашнему обычаю, как-бы принадлежала Юрию и досталась по наследству Шемяке, очевидно, как частная собственность. Эти грамоты были перехвачены, и Василий Васильевич отдал дело на суд духовенства.¹⁹ Тут Соловьев делает важное и инте-

речное обобщение о роли духовенства в воссоздании русского государства. Приведем это обобщение полностью, поскольку оно прямо относится к теме настоящей работы:

Если русское духовенство в лице своего представителя, митрополита, так сильно содействовало возвеличению Москвы, то одинаково могущественно содействовало и утверждению единовластия; ибо в это время духовенство сознательнее других сословий могло смотреть на стремление великих князей московских, вполне оценить это стремление. Проникнутое понятиями о власти царской, власти, получаемой от Бога и не зависящей ни от кого и ни от чего, духовенство поэтому самому должно было находиться постоянно во враждебном отношении к старому порядку вещей, к родовым отношениям, не говоря уже о том, что усобицы княжеские находились в прямой противоположности с духом религии, а без единовластия они не могли прекратиться. Вот почему, когда московские князья начали стремиться к единовластию, то стремления их совершенно совпали со стремлениями духовенства; можно сказать, что вместе с мечем светским, великокняжеским, против удельных князей постоянно был направлен меч духовный. Мы видели, как митрополит Фотий в начале Васильева княжения действовал против замыслов дяди Юрия, как потом кирилловский игумен Трифон разрешил Василия от клятвы, данной Шемяке; а теперь, когда Шемяка не соблюл своей клятвы и великий князь объя-

вил об этом духовенству, то оно вооружилось против Юрьевича и отправило к нему грозное послание, замечательное по необыкновенному для того времени искусству, с каким написано, по умению соединить цели государственные с религиозными. Послание написано от лица пяти владык, двух архимандритов, которые поименованы, а потом от лица всего духовенства.²⁰

Соловьев подчеркивает единство русского духовенства, также приводя как пример Иону Рязанского, которого московские князья спокойно выдвигали в митрополиты, не опасаясь рязанских стремлений этого епископа.²¹ Соловьев кратко излагает содержание послания духовенства к Шемяке, в котором ясно выражена мысль о царственном единодержавии. В этом послании новый порядок наследования великого княжения, оно перечисляет преступления Шемяки, сравнивая Шемяку с Каином и Святополком Окаянным. Духовенство требует от Шемяки исполнения последнего договора, грозя отлучением от Церкви и преданием проклятию.²² Шемяка не послушался духовенства, и в 1448 году Василий Васильевич выступил против него в поход (напомним, что в 1448 году Русская Церковь стала автокефальной). Иона, после своего избрания в митрополиты в декабре этого года, осведомляя русский народ о своем избрании, обрушился на Шемяку с грозным обличением, призывая всех стать на сторону великого князя и грозя ослушникам закрытием церквей.²³ Шемяка согласился на мир, но уже в 1449 году нарушил его. В этот раз вместе с великокняжеским войском в поход пошли также

могущественные союзники – Митрополит и епископы. Напомним, что Василий Васильевич был слеп, а старшему сыну Ивану было только 9 лет. Шемяка согласился на мир и сражения не произошло. В 1450 году снова пришлось выступать в поход против Шемяки. Шемяка потерпел полное поражение и сдался, лишенный на этот раз удела. Шемяка скрылся в Новгороде, а потом начал снова воевать на окраинах государства. Занятый войной с татарами, великий князь только в 1452 году выступил против Шемяки, который снова бежал в Новгород. В 1453 году Шемяка был отравлен собственным боярином, подговорившим повара, в чем, очевидно, участвовал московский дьяк Степан Бородатый. Никоновская летопись, сообщая о смерти Шемяки, не пишет о ее причине,²⁴ как и многие другие летописи. Карамзин, сообщая о смерти Шемяки, дает и оценку случившемуся:

Но ѿще Шемяка быль живъ и въ непримиримой злобѣ своей искалъ новыхъ способовъ мести: смерть его казалась нужнаю для государственной безопасности; ему дали яду, отъ коего онъ скоропостижно умеръ. Виновникъ дѣла, столь противнаго Вѣрѣ и законамъ нравственности, остался неизвѣстнымъ. Новгородцы погребли Шемяку съ честію въ монастырѣ Юрьевскомъ. Подъячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣстію о кончинѣ сего жестокаго Василіева нѣдруга и былъ пожалованъ въ Дьяки, Великій Князь изъявилъ нескромную радость.²⁵

Карамзин достаточно осторожен, осуждая ве-

лико го князя только в нескромной радости, а не в самом отравлении Шемяки, прямых доказательств чего нет. Конечно, естественно подозревать в преступлении именно Василия Васильевича, но Шемяка, как известно, иногда был жесток и с собственными приближенными; поэтому кандидатов в отравители могло быть много и помимо Василия Васильевича.

Смерть Шемяки развязала руки Василию Васильевичу в отношении удельных князей, которых он начал приводить к полному подчинению Москве. Процесс создания централизованного государства, задержанный внутримосковской смутой, возобновился. В частности, Василий Васильевич присоединил к Московскому княжеству город Можайск. Можайский князь Иван уехал в Литву. В связи с этим Соловьев пишет:

Какое было неисправление Ивана можайского, узнаем из письма митрополита Ионы к смоленскому епископу: «Вы знаете, — пишет митрополит, — что и прежде этот князь Иван Андреевич сделал с нашим сыном, а своим братом старшим, но не скажу: с братом, с своим господарем, великим князем». Здесь глава русского духовенства ясно говорит, что родовых отношений между князьями более не существует, что князья удельные не суть братья великому, но подданные.²⁶

Далее Соловьев пишет, что Иван можайский дважды не помог великому князю против татар. Таким образом, Церковь, в данном случае устами митрополита Ионы, воспитывала в духовенстве и народе

понимание обязанности подданных в объединенном централизованном государстве – конкретный пример установки Церкви, о котором упоминалось выше в общей форме.

Аналогичная мысль, только более осторожно, высказана митрополитом Ионой в послании к епископу тверскому. Разница форм объясняется разницей между удельным князем Можайским и, по титулу тоже, как Василий Васильевич, великим князем тверским:

Благословляю тебя, – пишет митрополит епископу, – чтобы ты сыну моему, великому князю Борису Александровичу говорил и был челом и докучал твердо, по своему святительскому долгу, чтобы он послал своих воевод к великому князю Василию Васильевичу на безбожных, ибо сам ты знаешь, что если великий князь Василий Васильевич получит над ними верх, то это будет общее добро обоих великих государей и всего нашего православного христианства.²⁷

Следует отметить, что Тверь почувствовала ослабление Москвы и вспомнила было о недавней самостоятельности.

Аналогичные явления происходили в Новгороде. Новгородцы, по словам Соловьева, следовали во время московских усобиц правилу признавать победителя своим князем, но давать у себя убежище и побежденному.²⁸ Тактика, выгодная для сохранения новгородской независимости, но губительная для объединения России. Когда новгородцы приняли у себя Шемяку, митрополит Иона не-

сколько раз писал новгородскому архиепископу Евфимию и к новгородцам, чтобы они «поберегли себя душевного ради устроения и тишины». Новгородцы, с своей стороны, писали к Митрополиту с просьбою, чтобы Митрополит попросил великого князя дать их послам оханные грамоты. В этом случае Церковь показывала пример положительно-го посредничества. Когда, после начала перегово-ров, Шемяка продолжал ставить Москве неприем-лемые требования, а новгородцы продолжали дер-жать его у себя, оправдываясь старым обычаем, Иона, в письме к новгородскому владыке, писал: « . . . я и вместе со мною все владыки и все священ-ство русской земли считаем князя Дмитрия небла-гословенным и отлученным от Божией церкви».²⁹ Новгородцы и на этот раз не послушались Митро-полита, и Шемяка, как мы знаем, оставался в Нов-городе до своей трагической смерти. Учитывая ре-альное политическое положение того времени, можно сказать, что Митрополит сделал все от не-го зависящее для моральной поддержки Москвы. Настоящего мира между Москвой и Новгородом не было. В 1456 году, уже после смерти Шемяки, меж-ду Новгородом и Москвой вспыхнула война. Побе-дителем оказался Василий Васильевич, благодаря поразительно плохой военной подготовке новгород-ского ополчения. В решительном бою 200 москов-ских ратников разбили наголову 5000 новгородцев – случай исключительный в истории войн, но не имеющий прямого отношения к теме нашей работы, для которой важнее другой эпизод.

Еще через 4 года, в 1460 году, когда в Новго-род приехал слепой великий князь с младшими сыновьями Юрием и Андреем, новгородцы хотели

было их убить, и только новгородский архиепископ Иона (не путать с Митрополитом), указывая на полную бессмысленность этой жестокости при условии, что старший сын, будущий Иван III, оставался в Москве, уговорил новгородцев воздержаться от мести. Вне зависимости от аргументации, влияние новгородского архиепископа на этот раз спасло Русь от ненужного кровопролития.

Митрополит Иона посыпал послания в город Вятку. В этом городе жили новгородские переселенцы, все время поддерживавшие Шемяку (очевидно, более всего из-за того, что, пользуясь гражданской войной, грабили другие города и области). К ним митрополит Иона обращался с увещательными посланиями.³⁰

Такова в общих чертах помощь Русской Православной Церкви, в частности митрополита Ионы, московским великим князьям в один из самых трагических периодов русской истории. Надо считать эту сторону деятельности Церкви очень успешной. Обратимся теперь к задачам, условно говоря, внешним. В это время вне Московского княжества и Северо-Восточной Руси завершались исторические процессы, приведшие к длительному отделению от Русской Православной Церкви русских областей, оказавшихся под властью Литвы и Польши. Так как история отделения литовско-польских епархий от Русской Церкви тесно связана с историей Флорентийской унии и падением Константинополя, то будем описывать эти события совместно. Обратимся теперь к Голубинскому, как основному источнику. Голубинский очень полно излагает почти все события, важные для настоящей работы.

После смерти митрополита Фотия, пишет Голу-

бинский, великий князь Василий Васильевич хотел выдвинуть кандидатом в митрополиты хорошо уже нам известного епископа рязанского Иону. Василию Васильевичу в то время было 16 лет, и вероятно он действовал по совету своих бояр. Далее Голубинский приводит сведения из жития новгородского архиепископа, тоже Ионы, написанного позднее рассматриваемых событий, в 1472 году, что еще при жизни Фотия на выдвижение кандидатуры в митрополиты епископа Ионы рязанского было получено благословение патриарха. Проекту выдвижения Ионы, однако, помешало начавшееся как раз в связи со смертью Фотия междуусобие в московском княжеском доме, описанное выше. Только в следующем 1432 году кандидатура Ионы была будто бы утверждена как духовенством, так и великими князьями русскими и поместными князьями литовскими, а также великим князем литовским.³¹ Приведенные сведения Голубинский заимствует из одного из позднейших посланий в Константинополь великого князя Василия Васильевича. Голубинский склонен верить утверждениям Василия Васильевича, но вразрез с договоренностью с Москвой, если такая действительно была, литовский князь, упоминавшийся выше Свидригайло, успел послать в Константинополь своего кандидата – епископа смоленского Герасима. Голубинский считает, что точно неизвестно, в какие митрополиты был поставлен Герасим.³²

Митрополит Макарий о всем эпизоде с Герасимом пишет очень скрупульно и даже не ставит вопроса о договоренности Василия Васильевича с Литвой в отношении выдвижения Ионы.³³ Карташев, сопоставляя ряд интересных фактов, делает важные

предположения. В виду важности вопроса о Герасиме для настоящей работы, приведем полностью соображения Карташева:

В следующем году Герасим возвратился из Константинополя митрополитом. Спорный вопрос: был ли Герасим поставлен митрополитом всей России или только Литовским? Новгородские летописи и житие новгородского архиепископа Евфимия называют его «митрополитом» Московским и всяя России, или «Киевским и всяя России», но в новгородских источниках на этот счет могло быть намеренное извращение действительности. Появление Герасима для новгородцев было очень кстати в их борьбе с московскими митрополитами из-за месячного суда. К нему они отправили для поставления своего кандидата в архиепископы Евфимия II, которого не хотел посвящать митрополит Фотий. Естественно поэтому, что новгородцы могли тенденциозно титуловать Герасима митрополитом «всех России». Хотя, с другой стороны, как будто не без значения тот факт, что московский кандидат на митрополию был отправлен в Константинополь только после насильственной смерти Герасима, которого Свидригайло сжег в 1435 г. по подозрению в политической измене.³⁴

К сожалению, Карташев, как и митрополит Макарий, не разбирает вопроса о согласовании кандидатуры Ионы Василием Васильевичем со Свидригайло, но сама очередьность событий вполне ясна. Характер Свидригайло объясняет многое,

тем более если учесть положение в Литве. Соперник польского короля Ягайло и своего конкурента в Литве Сигизмунда Кейстутовича, Свидригайло меняя тактику борьбы, вполне мог сначала дать согласие на кандидатуру Ионы, а потом радикально изменить свое решение. Вот как Соловьев описывает положение в Литве:

По смерти Витовта Ягайло не мог противиться всеобщему желанию: русские и литовские вельможи бросились к Свидригайло и провозгласили его великим князем. Свидригайло ознаменовал свое вступление на отцовский стол тем, что занял литовские замки от своего имени с исключением Ягайлова и тем обнаружил намерение отложиться от Польши. Кипя гневом за прежние обиды и гонения, он в резких словах укорял короля и его польских советников, грозя им местью.³⁵

Ягайло растерялся, а поляки захватили у Литвы Подолию. Ягайло решил вернуть Подолию Свидригайло, советники Ягайло хотели было умертвить Свидригайло, но Ягайло не дал на это согласия. Тогда католическая партия выдвинула против Свидригайло своего кандидата – Сигизмунда Кейстутовича. Соловьев отмечает крайнее обострение вражды между поляками и русскими в Литовско-Русском государстве. С обеих сторон не было пощады пленникам. Русские особенно изливали свою месть на католическое духовенство. В таких условиях Свидригайло, вместо Ионы, и выдвинул в митрополиты смоленского епископа Герасима. Герасим приехал в Константинополь раньше Ионы, чем и объясняет-

ся его успех. Свидригайло вскоре заподозрил Герасима в измене, в сношениях с Сигизмундом Кейстутовичем и, ни больше, ни меньше, как сжег собственного митрополита на костре в Витебске.³⁶
(См. примечание)*

С точки зрения интересов русского государства и Русской Церкви, посвящение Герасима в митрополита и его трагическая гибель являются хорошим примером того, насколько можно было расчитывать на поддержку иноверных правителей, как и иноверных государств. Ведь как никак, а Свидригайло считался в Литве князем, представлявшим интересы православных. Правда, при характере Свидригайло, на него в любом деле, вероятно, можно было положиться не более, чем на православного Шемяку, но все-таки Шемяка не пытался сжигать епископов.

Возвратимся к изложению Голубинского. Голубинский считает, что Герасим был поставлен как митрополит только Литовский, и приводит в пользу этого ряд убедительных соображений, но почему-то упускает одну важную деталь. Василий Васильевич, правда, отвлекаемый известной нам смутой, однако почему-то начал выдвигать в Константинополе снова кандидатуру Ионы с опозданием, не вполне понятным. Герасим возвратился из

* ПРИМЕЧАНИЕ

У митрополита Макария есть важное добавление к описанному выше. По его сведениям, Свидригайло и Герасим хотели принять участие в начинавшемся тогда деле о соединении церквей, и князь хвалил своего митрополита за усердие в этом деле, о чём он упоминает в письме к папе Евгению. (См. Митрополит Макарий, Т.4, стр. 106).

Константинополя в Литву в 1433 году, был сожжен 26 июля 1435 года, а Иону решили снова послать в Константинополь «послѣ половины 1434-го года», а послали, вероятно, «нѣ позднѣе конца 1435-го, на-³⁷чала 1436-го года». Таким образом, Иона был, вероятнѣе всего, послан после смерти Герасима, из чего можно предположить, что Герасим должен был быть митрополитом всея Руси, а не только Литовским. Поездка Ионы в Царьград не принесла желаемых результатов. Греки в этот момент вели с папой переговоры об унии, и в 1435 году уже было назначено и место будущего собора, названного VIII Вселенским, а именно – город Феррара в Италии. Позднее собор переехал из Феррары во Флоренцию, почему и получил название Флорентийского. В таких условиях посвящение в русские митрополиты такого строго православного епископа, как Иона, не могло быть в интересах греков, тем болѣе, что у них уже имелся свой, болѣе чѣм подходящий кандидат, сторонник унии. Кандидатом этим был пелопонесский грек Исидор. (См. Примечание)*

Все источники согласны в том, что Исидор был блестящим, талантливым и образованным человеком. До поставления в русские митрополиты, он был игуменом константинопольского монастыря св. Дмитрия. В санѣ игумена Исидор был послан одним из послов императора Иоанна Палеолога на Базельский собор для переговоров с католиками о

* ПРИМЕЧАНИЕ

Голубинский, в примечании ном. 3 на стр. 421, подробно разбирает вопрос о национальности Исидора, приводит некоторые данные о его славянском (болгарском) происхождении, но делает вывод, что Исидор был греком.

соединении церквей. Интересно, что Голубинский, как и Карташев, (митрополит Макарий этого вопроса не разбирает) уверены в том, что, отправляясь на Ферраро-Флорентийский собор, император и патриарх были уверены, что сумеют убедить католиков в правоте православия.³⁸ Очень трудно согласиться с таким мнением двух умных историков Русской Церкви – такая уверенность греков должна бы была противоречить всему их громадному опыту попыток договориться с католиками. Два русских же историка, специалиста по Византии, Острогорский и Васильев, писавшие уже в эмиграции, как и Карташев, описывая историю Флорентийской унии, говорят о наличии в Византии пролатинской и противолатинской партий. Вот как изложено это у Острогорского. Приводим только главные мысли автора по пунктам: 1. Император Мануил на смертном одре предупредил сына о том, чтобы он не возлагал никаких надежд на объединение с Римом. Всякая попытка в этом направлении только ухудшит положение; 2. Однако в Византии всегда существовали влиятельные круги, видевшие в согласии с Римом единственную надежду на спасение Византии; 3. Император Иоанн VIII решил возглавить пролатинскую партию; будучи еще наследником, в 1422 году он посетил западные страны в поисках помощи. В 1431 году эти попытки возобновились.³⁹

Таким образом, дело явно шло о вынужденном компромиссе, и только затруднения папы Евгения IV, связанные с Базельским собором, могли внушить грекам надежду на более приемлемый компромисс, чем оказалось на самом деле.

Здесь следует остановиться на одной подроб-

ности, отношение к которой не совсем одинаково у наших трех историков Церкви. митрополит Макарий просто пишет, что, когда Иона, в конце 1435-го или начале 1436-го года прибыл в Царьград, ему выразили сожаление, что он опоздал и обещали сделать его митрополитом после Исидора.⁴⁰ У Карташева и Голубинского о том же событии упоминается в связи с более поздним документом, из которого и стало известно о самом факте данного Ионе обещания. Карташев пишет, что великий князь московский Василий Васильевич в июле 1452 года, т.е. через, приблизительно, 15 лет после поставления Исидора русским митрополитом, заготовил для отсылки императору доклад с оправданием самостоятельного поставления русскими епископами Ионы в митрополиты в 1448 году. Далее Карташев обращает внимание на одну интересную подробность, которая считалась аргументом в пользу самостоятельного поставления в митрополиты Ионы, и тутто Карташев и цитирует самый документ, излагающий прямую речь Патриарха, обращенную к Ионе в момент предпочтения ему Исидора:

...что делать? ты не успел придти к нам, а мы другого на ту святейшую митрополию поставили и не можем переменить сделанного; Исидор уже числится митрополитом русским. Ты Иона поди на свой стол на рязанскую епископию, а что устроит воля Божия об Исидоре – умрет ли, или иначе, что с ним случится, ты тогда и будешь после него на Руси митрополитом.⁴¹

Из дальнейшего видно, что Карташев считает

документ подлинным и делает на основании его ряд вполне обоснованных выводов, о чём более подробно будем говорить ниже.

Голубинский, по ходу изложения, касается вопроса о патриаршем обещании Ионе так же, как Карташев при разборе вопроса о русской автокефалии, но, в отличие от Макария и Карташева, сомневается в подлинности обещания потому, что подобное «назначение» не было обычным, а назначение Исидора в митрополиты не было кратковременным делом, да и все происшествие в целом кажется Голубинскому сомнительным.⁴² Похоже, что такое мнение Голубинского, помимо свойственного ему скептицизма, связано с его общей верой в то, что греки ехали в Феррару с уверенностью, что убедят в своей правоте католиков. Почему не предположить, что греки, чувствуя неловкость своего положения, еще до начала переговоров об унии хотели всячески успокоить отвергнутого русского кандидата в митрополиты, пообещав ему в будущем поставление на место Исидора. Это обещание не слишком уже обязывало греков – и Исидор, и Иона были не молоды, а в результате Иона умер в 1461 году, а Исидор в 1462 году, т.е. пережил Иону на год. Возвратимся снова к прерванному описанию событий.

Был или нет Иона обижен на греков, но из Константинополя он вернулся вместе с новым митрополитом Исидором, по-видимому, не показывая недовольства. Исидор прибыл в Москву 2-го апреля 1437 года, помимо Ионы, сопровождаемый послом великого князя, ездившим с Ионой в Царьград, и послом императора. Голубинский в этом месте отмечает, что уже несколько раз русские посылали

в Константинополь своих кандидатов в митрополиты и до этих пор не было отказа в их поставлении.⁴³ Это, конечно, должно было усилить обиду Василия Васильевича. Позднее, продолжает Голубинский, великий князь утверждал, что сначала он решительно не хотел принимать Исидора, и принял его только по настоянию послы императора и самого митрополита Исадора.⁴⁴ Об этом великий князь написал уже после Флорентийского собора в послании в Константинополь к патриарху Митрофану. Голубинский отмечает, что Никоновская летопись не пишет о первоначальном нежелании великого князя принять Исадора, а, наоборот, отмечает торжественный прием, устроенный новому митрополиту. Думается, тут нет противоречия – великий князь мог выразить свое недовольство и келейным образом. С этим согласен и сам Голубинский, и это тем более вероятно потому, что Исадор был несомненно блестящим человеком и дипломатом, чем мог произвести впечатление на великого князя. Приехав в Москву, Исадор стал немедленно собираться на собор. Начал он, судя по Никоновской летописи (на которую ссылается Голубинский) с объяснения необходимости созыва собора «съ папою и со всеми Римляны, мятежа ради и раскола Гречестей церкви съ Римскою», судя по летописи, не упоминая о надежде греков получить у папы и римлян помочь против турок. Такая постановка вопроса не произвела на великого князя особого впечатления и он ответил: «при нашихъ прародителехъ и родителехъ соединенія закона не бывало съ Римляны, и язъ не хощу, по неже не пріахомъ мы отъ Грекъ въ соединеніи закона быти съ ними».⁴⁵ Когда Исадор продолжал

настаивать на поездке, Василий Васильевич сказал ему: «Отче Исидоре, мы тебе не повелеваем ити на осмой соборъ в Латыньскую землю, ты же, нась не слушая, хощёши тамо ити, но се ти буди вѣдомо: егда оттуду възвратишися къ намъ, принеси къ намъ нашу христіансскую вѣру Греческаго закона, яко же пріаша прародители наши отъ Грекъ».⁴⁶

Пересказав своими словами изложенную выше версию Никоновской летописи, Голубинский спра-ведливо пишет, что летопись излагала события уже после собора, но, как кажется, без должных оснований считает, что в момент отъезда Исадора на собор великий князь не мог предвидеть, что собор окончится тем, чем он окончился. Тут Голубинский формулирует свою точку зрения о том, что греки отправлялись на собор в полной уверенности, что восторжествуют над латинянами и соединение произойдет на греческих условиях.⁴⁷

(См. Примечание)*

* ПРИМЕЧАНИЕ

Карташев описывает эти же события в духе Голубинского, но очень коротко, как-то не договаривая. Например, он пишет, что «Русский кандидат в данном случае был для греков совсем нежелателен. Как узкий националист, он мог совсем не разделять греческих вожделений и не пожелать явиться на предполагаемый собор».(См. А.В. Карташев, стр. 349.). Почему русский должен был быть узким националистом? Почему греки, уверенные в том, что убедят в своей правоте католиков, как предполагает Карташев вслед за Голубинским, боялись, что русский митрополит даже не поедет на собор? Далее, на той же странице, Карташев называет Исадора человеком «выдающимся по образованию и специальному-униональным», что, очевидно, было чистой истиной, но затем, чувствуя, очевидно, внутреннее про-

Голубинский высказывает мнение, что Василий Васильевич вообще не имел основания противиться собору, потому что Православная Церковь постоянно молится о соединении церквей. Кроме того, Голубинский думает, что великий князь, если бы был против поездки Исидора, не помог бы обставить ее так богато, как она, по тем же летописям, была обставлена. С этим мнением можно не согласиться – ведь не только у греков, но и у русских был громадный и не слишком положительный опыт общения с католиками, а точка зрения летописи, и даже приведенные выше слова Василия Васильевича, вполне соответствуют мышлению всех русских православных людей. Кстати, и моление о соединении церквей нисколько не противоречит уверенности в том, что православие, принятное русскими от греков, является именно той истиной, вокруг которой и должно произойти всеобщее объединение.

Исидор выехал из Москвы в Феррару 8 сентября 1437 года, через 5 месяцев после своего приезда в Москву. Описание перепитий всех переговоров в Ферраре, а затем во Флоренции, как и конечная полная капитуляция греческой и русской делегаций, не входят в задачу настоящей работы, но некоторые характерные эпизоды все-таки следуют отметить.

От Голубинского и Карташева обратимся к митрополиту Макарию. О греческом оптимизме до начала переговоров митрополит Макарий вообще

тиворечие такой характеристики с уверенностью греков в моральной победе над католиками, оговаривается, что греки ценили не готовность Исидора быть изменником вере отцов, а только горячие симпатии к делу соединения.

не упоминает, а просто пишет, что целью греков было получение помощи от папы против турок, точнее, как формулирует сам Макарий, греки хотели примириться с папой в делах веры и таким образом получить помощь от западных христиан.⁴⁸ Далее митрополит Макарий пишет о том, что отцы, собравшиеся в Базеле одновременно с, так называемым, VIII Вселенским Собором в Ферраре-Флоренции, тоже считали себя собором вселенским и действовали независимо от папы, приглашая греков и на свой собор. Такое разделение католиков могло бы дать грекам шанс на большую самостоятельность, но папа Евгений IV, учитывая это обстоятельство, решительно отверг предложение греков собрать собор в Константинополе, что дало бы грекам возможность пригласить представителей Базельского собора. К сожалению, греки были в таком положении, что дали согласие на собор в Италии и приняли предложение папы взять их на полное содержание католиков на время собора,⁴⁹ что сразу поставило греков в полную материальную зависимость от папы. Впоследствии папа и использовал эту зависимость, прекращая выплату пособий, когда надо было сделать греков уступчивыми. Патриарх Иосиф (бывший в оппозиции к унии и умерший во Флоренции в 1439 году, до ея официального заключения) предвидел бедственные последствия материальной зависимости греков и предупреждал, что получение содержания от папы означает подчинение его власти.⁵⁰ Давление чисто материальное дополнялось и административным. Митрополит Макарий отмечает, что греки не раз пытались возвратиться на родину, но им не позволяли этого сделать.⁵¹

Единственный русский епископ, сопровождавший Исидора в Италию, Авраамий, подписал соборное постановление Флорентийского собора только после того, когда, по требованию митрополита Исидора, был посажен в тюрьму, в которой пробыл неделю до своей капитуляции.⁵² До конца твердым православным, как известно, остался только греческий епископ Марк Ефесский, и когда декрет (итог деятельности собора – В.А.) принесен был для подписи к папе, и на вопрос папы, подписался ли Марк Ефесский, ему ответили, что не подписался, то папа невольно воскликнул: значит, мы ничего не достигли!⁵³ И действительно, с точки зрения достижения соединения церквей, дело ограничилось подписанием документа, и эфемерные достижения унии вскоре рухнули, как карточные домики. В смысле же последствий подписания греками и митрополитом Исидором флорентийской капитуляции для Русской Православной Церкви, то они были весьма важными, настолько важными, что их сочетание с падением Константинополя в 1453 году надо считать поворотным моментом в истории Русской Церкви.

Если пережитое греками унижение на Ферраро-Флорентийском соборе и оказалось бесполезным с точки зрения получения помощи против турок, то сами по себе попытки получения помощи были хотя бы частично оправданы крайней необходимостью. Положение Московского государства в те же годы было тяжелым, но в корне иным, чем положение угасавшей Византии. Московское государство было на подъеме и, несмотря на внутреннюю смуту и слабость Василия Васильевича, как правителя, процесс объединения вокруг Москвы был за-

держан, но не остановлен, и результаты последовательной, систематической и терпеливой политики нескольких поколений должны были дать плоды уже в следующем царствовании умного и талантливого сына (Ивана III) отца неудачника. Роль же Православной Церкви, как надеемся, была показана в нашей работе достаточно ясно. Если в политике московских князей и были ошибки и отступления, то церковно-политическая линия русских митрополитов была, почти без исключения, последовательной и строго православной. Только митрополит Киприан попробовал балансировать между Литвой и Москвой, но и он понял, что в интересах Православной Церкви единственной возможной политикой была ставка на Москву. И вот, вразрез всему историческому процессу, во главе Русской Церкви появляется блестящий грек Исидор и пробует увести Россию в сторону католичества. Почувствовал или нет с самого начала великий князь Василий Васильевич готовящийся обман Исидора, был или не был этот обман задуман Исидором заранее или являлся следствием желания помочь Византии, факт остается фактом – Исидор показал себя одним из главных, если не главным, инициатором унии, т.е. прямым предателем православия, с московской точки зрения. Обратимся к изложению главных фактов.

После своего первого приезда в Москву, Исидор уже через пять месяцев отправился на собор в Италию. Как было отмечено выше, Голубинский и Карташев верят, что греки серьезно надеялись убедить папу и латинское духовенство в своей догматической правоте. Карташев, излагая события, связанные с отъездом Исидора из Москвы, пред-

полагает, что Исидору удалось убедить и Василия Васильевича в том, «что соединение церквей, благодаря которому спасается греческая империя, возможно без жертвы православным вероучением», чем и объяснялась пышность свиты Митрополита. «Доверяя ученому и умному греку, – пишет Карташев, – великий князь отправил его с многочисленной свитой, соответственно достоинства своего государства: 'а людей', – пишет участник путешествия, – 'много было, 100 (человек) съ митрополитомъ Исидоромъ, болѣе всѣхъ (других архиереев) – за неже славна бѣ земля та и Фрязое зовутъ ее Великая Русь'»⁵⁴

Не споря о том, убедил ли Исидор великого князя или нет, снова подчёркнем, что импозантное и дорогостоющее посольство могло быть связано и только с проявлением государственных амбиций Василия Васильевича. Более указывает на дипломатические способности Исидора то, что, когда Митрополит через месяц прибыл в Новгород (8 сентября 1437 года), то «...был встречен с великим торжеством и получил 'честь велію' от владыки (т.е. денежное подношение), а новгородцы 'даша ему судъ по старине'». ⁵⁵ О суде «по старине» писалось выше; вопрос этот имел материальную сторону – плату митрополиту за суд, и административную – признание Митрополита высшей инстанцией духовного суда. Последний вопрос был важен с точки зрения централизации церковного управления и обуздания новгородских сепаратистских настроений. В том же смысле важно и второе деяние Исидора. Когда Исидор переехал из Новгорода в Псков, то изъял «псковскую область из под ведения новгородского епископа и отобрал ее вместе с

владычными вотчинами во временное пользование митрополичьей кафедры».⁵⁶ Карташев, не без иронии, отмечает это мероприятие как «новый источник дохода», что все-таки, не исключает полезности административной стороны мероприятия. Карташев, наверное, правильно пишет, что щедрость новгородцев и псковичей могла объясняться их сочувствием объединению церквей, могших облегчить этим торговым городам деловые связи с Западом.⁵⁷

Из Пскова Исидор отправился в Ригу через Юрьев. Уже в первом городке после переезда границы, Митрополит был встречен с помпой юрьевским епископом. Далее Карташев пишет: «Исидор за честь, оказанную ему латинянами, отплатил честью. Он прежде всего приложился к кресту, преподносимому латинским духовенством, а затем уже к крестам православным, и проследовал за латинским крестом до костела». Карташев отмечает, что «Впоследствии этот поступок подвергся особенно невыгодному перетолкованию со стороны русских».⁵⁸ Добавим от себя, что поступок Митрополита, публично оказавшего честь кресту латинскому, с точки зрения русских, вряд-ли нуждался в перетолковании; вообще символизм поступка Исидора должен был произвести тягостное впечатление на православных и сразу показать как Исидор будет вести себя на соборе, самый созыв которого должен был, по мнению всех трех наших историков, вызывать большие сомнения.

Выше уже оговаривалось, что история самого собора не является темой настоящей работы. Полную капитуляцию православных, кажется, вообще никто не оспаривает, как и очень активную роль Исидора в этой капитуляции. Зато последующие

действия этого Митрополита уже прямо относятся к нашей теме.

Соборный акт во Флоренции был подписан 5-го июля 1439 года. Разъезд начался сразу после подписания. Император отбыл 26 августа, а Исидор, приобретший особую благодарность Папы,⁵⁹ выехал в обратный путь 6-го сентября, получив от Папы сан кардинала и, кроме того, звание легата «оть ребра апостольского въ Литвѣ, Ливоніи, Россіи и во всѣхъ мѣстахъ Польши, подведомыхъ его митрополіи».⁶⁰ Голубинский отмечает, что Исидор возвращался другим путем – через Венецию, в которой пробыл три месяца, вместе с императором и греками, с 15 сентября по 22 декабря 1439 года. Из Венеции от Исидора то ли уехал, то ли бежал посол великого князя боярин Фома.⁶¹

(См. Примечание)*

Кроме боярина Фомы, Голубинский упоминает Симеона суздальского, бежавшего от Исидора из Венеции вследствие ссоры с ним.⁶² Важно отметить, что в самом начале неторопливого возвращения Исидора в Москву, два члена его делегации уехали раньше Митрополита и, конечно, могли информировать великого князя о результатах Флорентийского собора и о заключении унии.

* ПРИМЕЧАНИЕ

Голубинский в этом месте ссылается на документ, приведенный Карамзиным в т. 5, примечании 296. Документ этот дан Папою «Тверскому боярину Фомѣ для его возвращенія въ Россію». Документ оговаривает наличие свиты боярина. Из отрывков, приведенных Карамзиным, не видно, что отъезд связан со ссорой с Исидором.

Из Венеции Исидор, через Венгрию, отправился в Польшу, предварительно написав послание, в котором извещал свою паству в Польше, Литве, Ливонии и России о достигнутом во Флоренции соединении церквей. Послание начинается в мажорном тоне:

Возрадуйтесь – пишетъ Исидоръ въ посланіи – и возвеселитеся . . . яко церковь восточная съ римскою церковию . . . истиннымъ соединеніемъ соединишася . . . и въ миръ и въ тишину и въ любовь и въ единонаачальство древннее (т.е. Папино) безъ всякаго раздѣленія . . . молю васъ всѣхъ . . . чтобы никакова раздѣленія съ латыною у васъ не было.

Далее послание говорит о единстве крещения у греков и латинян и о том, «чтобы первые (т.е. греки и, очевидно, вообще православные – В.А.) безъ всякаго сомнія ходили въ церкви латинскія, а вторые – въ греческія», а также принимали причастие и по-православному, т.е. на кислом хлебе, и по-католическому, на пресном хлебе. Послание датировано 6-м июлем 1439 г.⁶³

Из Венгрии Исидор направился в Краков – тогдашнюю столицу Польши. Голубинский отмечает, что как раз в это время польский король Владислав III (сын Ягайло) был избран в короли венгерские и вряд ли мог уделить много времени Исидору. Затем Исадор поехал в Перемышль, город с русским населением, а потом во Львов, а из Львова уже отправился в литовскую Вильну. В Вильну он прибыл 14 августа и еще 6 месяцев оставался в Польско-Литовской Руси. За это время Исадор по-

бывал в Киеве и Смоленске.

Голубинский пишет, что уния была очень выгодна королю польскому и великому князю литовскому, но, когда она была заключена, они не обратили на нее должного внимания. Это объяснялось тем, что в то время было два папы – Евгений IV, заключивший унию, и Феликс V, избранный на Базельском соборе и не признававший собора Флорентийского. Правители Польши и Литвы в этот момент не признавали ни одного из двух пап, а поэтому, по формальным соображениям, не могли признавать и унию. Кроме того, политическая ситуация и в Польше, и в Литве отвлекала их от вопроса об унии.⁶⁴ Правда, с опозданием в 4 года, король польско-венгерский Владислав в марте 1444 года, после того, как признал папу Евгения IV, издал свою грамоту, в которой, после выражения радости по поводу заключения унии, сравнивает православное духовенство во всех правах и привилегиях с духовенством католическим. Однако, грамота была дана уже после бегства Исидора из Москвы, и одной такой грамотой, отмечает Голубинский, нельзя было достигнуть многоного.⁶⁵ Одним словом, даже в Литве и Польше, благодаря тому, что православные не хотели принимать унии, меры Исидора по ее проведению оказались бессильными.⁶⁶ Одновременно Голубинский отмечает, что в первой половине XV века и польский король, и духовенство, как и все поляки, еще не были такими «крайними фанатиками», какими они стали к концу XVI века, пройдя воспитательную школу иезуитов.⁶⁷

Таким образом, в Литве и Польше сложилась такая ситуация, что при Митрополите униате могли оставаться православные князья и просто верую-

щие, не признававшие официально унии. Очевидно, в таком положении был киевский удельный князь Александр Владимирович. Сохранилась его грамота, датированная 5 февраля 1441 г., в которой князь подтверждает митрополиту Киевскому и всея Руси Исидору владение митрополичьими вотчинами в области киевской, как и его другие доходы и право духовного суда.⁶⁸ Относительно простого народа известий сохранилось мало; существует свидетельство, пишет Голубинский, что, например, во Львове народ не хотел ходить на службы, возглавляемые Митрополитом, но что это свидетельство принадлежит писателю уже XVII века.⁶⁹

О приезде Исадора в Москву и дальнейших событиях, связанных с этим приездом, наши историки и Никоновская летопись пишут приблизительно одно и то же. Исадор прибыл в Москву только 19 марта 1441 года. Голубинский пишет, что в Литве и Польше не приняли унии, но приняли Исадора. В Москве же все произошло иначе. Как папский кардинал и легат, Исадор вступил в город в преднесении латинского креста и трех палиц, или жезлов. (См. Примечание)*

* ПРИМЕЧАНИЕ

Голубинский, в примечании ном. 1 к стр. 452, поясняет, что латинский крест отличается от православного тем, что на нем ноги Спасителя, положенные одна на другую, прибиты одним гвоздем, а не двумя, и что руки Спасителя не протянуты прямо, но Он висит на них несколько или значительно опустившись книзу. Добавим от себя, что в православных распятиях всегда как бы уже заложено предвестие Воскресения, почему тело Спасителя как бы не имеет тяжести, не провисает, а почти готово к движению вверх, к вознесению. В связи с этим невольно

В Кремле, в Успенском соборе, Исидор отслужил молебен за великого князя и за все православное христианство, а потом совершил литургию. На литургии Исидор велел поминать на первом месте не имя патриарха Константинопольского, а имя папы римского Евгения. По окончании же литургии велел протодьякону, в полном облачении, прочесть с амвона грамоту Восьмого собора – акт соединения церквей.⁷⁰ После этого Исадор передал великому князю грамоту от Папы с извещением об унии и просьбой помогать Исадору в ее проведении. Такое поведение Исадора, подчеркивает Голубинский, объявившего официально о введении унии без предварительного принятия ее великим князем, собравшимся для встречи с духовенством и боярами, привело всех в такое смущение, что все они отказались давать Василию Васильевичу какие-либо советы что делать.⁷¹ Три дня после этого, великий князь, по формулировке Голубинского, думал один сам с собой, и на четвертый день при-

вспоминается о впечатлении Достоевского от картины Ганса Гольбейна младшего «Христос в гробу», которую писатель видел в 1867 году в Базеле. По словам А.Г. Достоевской, картина страшно поразила Достоевского, который сказал, что «от такой картины вера может пропасть». Отражение этого впечатления видно в романе «Идиот», в сцене первого посещения дома Рогожина князем Мышкиным. Князь обращает внимание на копию поразившей Достоевского картины и восклицает: «Да, от этой картины у иного еще вера может пропасть!». Рогожин подтверждает: «Пропадает и то». (См. Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений. Т. 6: «Идиот». Москва: Худ. лит-ра, 1957, стр. 248. Так же примечание к стр. 247 и стр. 463).

казал взять Исидора под стражу и объявить еретиком, подлежащим соборному суду. Никоновская летопись так описывает это событие. Изложив сначала содержание папского послания, летопись продолжает:

Сія же вся слышавъ князь велики Василей Васильевичъ, что въ божественнѣй служьбѣ поминаетъ папу Римъскаго, а не патріарха Царяграда, и иныхъ вещей много слышевъ и видѣвъ не по обычаяю Русъскія земля, и удивися, и рече князь велики Василей Васильевичъ: «при нашихъ прародителехъ и отцъхъ и при нашей братыи, великихъ князей Русъскія земля, сего не бывало, и язъ сего не хощу». И повелъ ему жити въ монастырѣ у Чюда (т.е. в Чудовом монастыре – В.А.)⁷²

Как видим, инициативу проявил великий князь, представитель светской власти, православный правитель, обязанный защищать православие. Во всем произошедшем, как и в последующих событиях, поражает крайняя осторожность действий как великого князя, так и москвичей вообще, приведшая сначала к аресту и осуждению изменившего православию Митрополита, а в дальнейшем и к автокефалии. Главное событие, а именно осуждение Исидора собором русских епископов и последующее бегство его из России, русские историки описывают одинаково, но понимание этих событий и их истолкование несколько разнятся.

Голубинский начинает свое истолкование событий с ядовитого замечания, что вся описанная картина смущения москвичей и последующего ареста

Исидора есть позднейшая выдумка.⁷³ Карташев, писавший через 60 лет после Голубинского, однако, описывает ту же картину вполне в духе летописи, широко используя летописный текст:

Быстрота и натиск, с каким действовал Исиодор, настолько смутили князя, бояр и епископов, что они в первый момент как бы растерялись: «вси князи», говорит летописец, «умолчаша и бояре и иніи мнози, еще же паче и епископы русскіа вси умолчаша и воздремаша и уснуша». Собравшись с духом, через три дня на четвертый великий князь Василий Васильевич объявил Исиодора еретиком и приказал арестовать его. Тогда, «вси епискупы рустіи возбудишася; князи и бояре и вельможи и множество христіанъ тогда воспомянуша и разумѣша законы греческія прежнія и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исиодора еретикомъ».⁷⁴

В этом месте хочется остановиться и высказать о создавшемся положении несколько мыслей общего порядка. Думается, что и великий князь, и Русская Православная Церковь, были поставлены действительно перед серьезнейшим принципиальным решением, и церковным, и государственным. Вселенский патриарх, после разделения католической и православной церквей, стал главой всего православия. Византийский император был как-бы символом политического единства православных государств. При измене православию императора и патриарха образовывалась страшная пустота, которую было нечем заполнить. Только в следующее

царствование, при Иване III, создавшем самое сильное по тем временам православное государство, и при его сыне Василии III появляется возможность претензии России на символическое возглавление православия в тогдашнем мире – знаменитая идея «Москва – третий Рим». Думается, что в этой идее гораздо больше мечты о мировом единстве духовном и политическом, чем реальных претензий. И вот, в тот момент, когда положение самого московского государства было таково, что ни о каком его мировом значении и говорить было невозможно, когда шла борьба просто за его выживание, борьба, в которой византийский патриарх и император часто играли решающую роль через киевских и всея Руси митрополитов русского или греческого происхождения, когда сама эта киевская митрополия была накануне полного разделения, в этот момент примириться с тем, что Византия изменила сама себе и оставила раздробленную Россию без всякой моральной помощи, значило действительно принять роковое решение. Ясно, что в таком положении русское государство и русские церковные и политические деятели могли чувствовать себя утопающим, которому нельзя было отталкивать от себя любую соломинку. В данном случае соломинкой была надежда на возвращение вселенского патриарха к православию. В самом деле, греки много раз начинали переговоры об унии, заходили дальше, чем полагалось заходить православным, и потом все как-то устраивалось. Вопрос об унии откладывался до другого раза, тем более, что греческий народ и большинство духовенства продолжали твердо стоять за православие. В конце концов и на этот раз уния кончилась ничем, только, к со-

жалению, уже после падения Византии. Обратимся к фактам.

Голубинский предполагает, что решение об устраниении Исидора было принято еще до его прибытия в Москву. С точки зрения понимания событий, высказанного нами выше, это могло быть и так. Исидору дали возможность полностью и бесспорно показать свою измену православию, и только тогда приняли против него решительные меры. Собственно, Голубинский не против такого объяснения; он только переносит период колебания Москвы с трех дней, последовавших за приездом Исадора и объявления им унии в Успенском соборе, на более ранний период. С заключением Голубинского по этому частному вопросу можно только согласиться.

...Исидоръ, возвратившись съ собора, — пишет Голубинский, — весьма не спѣшилъ въ Москву по тому нарочитому побужденію, чтобы дать здѣшнимъ Русскимъ время привыкнуть къ мысли встрѣтить его папскими кардиналомъ и легатомъ; совершенно вѣроятно, что время, проведенное въ Литвѣ, онъ употребилъ на то, чтобы постараться приготовить и расположить здѣшнихъ Русскихъ къ принятію принесенной имъ унії: но на самомъ дѣль онъ далъ время московскимъ людямъ совершенно прийти въ себя и твердымъ образомъ принять относительно него рѣшеніе,75 которого онъ вовсе не желалъ.

Трудно здесь удержаться от замечания, что образованный и деятельный Исадор, вопреки своей

репутации тонкого дипломата, на этот раз допустил грубый просчет, видимо, недооценив твердости москвичей в православии. Если говорить о предварительной осведомленности русских, то Голубинский приводит достаточно тому доказательств. Еще до Венеции уехал на родину посол великого князя боярина Фома. Из Литвы уехал в Москву, вместе с кем-то из своих спутников, епископ Амвросий. Епископа Амвросия, как мы помним, держали неделю в тюрьме, заставляя подписать документ об унии. Надо думать, что он рассказал в Москве об этом. Должны были возвратившиеся в Москву рассказать и об отказе Марка Ефесского подписать унию, о насилиях и подкупах, сопровождавших подписание. Голубинский предполагает, что великий князь должен был также навести справки и в Константино-поле и узнать, что там большинство епископов и мирян встретило известие об унии с негодованием и не хотело ее принимать, что многие архиереи, подписавшие унию, раскаялись в этом. Голубинский отмечает, что афонские монахи открыто выступили против унии и что за унию фактически стоит один император.⁷⁶

После ареста Исидора, великий князь собрал собор из епископов, архимандритов и «всего священства» и поручил собору, обличив ересь Исадора, «стараться о томъ, чтобы онъ-митрополитъ усрамился и отложилъ латинскія ереснія соединенія и согласія и повинился и покаялся, дабы такимъ образомъ могъ получить милость».⁷⁷ Исадор и после этого остался сторонником унии: «Исадоръ же, злыа ереси Латынскія насытився, никакоже въсходѣ отлучитися отъ Латынскаго согласія и соединенія», отмечает Никоновская летопись своим свое-

образным и красочным языком.⁷⁸

Просидев в Кремле в Чудовом монастыре весну и лето 1441 года, Исидор бежал из Москвы 15 сентября. Когда он добрался до Твери, то тамошний князь Борис снова посадил Митрополита униата «за приставовъ; но великий князь, давъ ему и здѣсь посидѣть нѣкоторое время, въ великомъ постѣ 1442-го года приказалъ выпустить его», и Исидор бежал в Литву.⁷⁹ Побыв в Литве совсем недолго, Исидор уехал к Папе в Рим. Тут Голубинский приводит некоторые интересные факты, заимствованные им у сузdalского иеромонаха Симеона, сопровождавшего на Флорентийский собор известного нам епископа Авраамия и написавшего описание собора.⁸⁰ Симеон пишет, что, отправляясь с собора в Россию, Исидор уверял Папу в успехе унии в Москве, потому что великий князь молод и будет слушаться Митрополита, а «епископы московскіе некнижны и не съумѣютъ говорить что нибудь во- преки ему по поводу унії».⁸¹ Сведение это выглядит правдоподобно; если его и поставить под сомнение, чего не делает Голубинский, то само по себе такое сообщение, написанное современником, представляет психологический интерес. Конечно, идеалом православного иерарха можно считать высокообразованного и твердого в убеждениях человека, но сколько же бывает отклонений от этого идеала! Твердость без широкого образования и особенно большого ума грозит узостью и излишним фанатизмом, а образование без твердости убеждений легко переходит в беспринципность. В случае с Исидором, с православной точки зрения, конечно правы великий князь и русское духовенство. Исидор же мог быть убежденным принципиальным сто-

ронником унии. За такое толкование, казалось бы, говорит его неуступчивость в отношении угоеоре русских после его ареста, но боялся ли Исидор в самом деле последствий своего упорства? Как человек умный, он мог почувствовать, что его не казнят и не сошлют в отдаленный монастырь. Недаром же ему дали возможность бежать дважды; кроме того, если бы он был убежденным сторонником унии и вообще человеком принципиальным, то заявил бы об унии великому князю уже во время первого приезда в Москву. Голубинский высказывает предположение, почему-то не в тексте, а в примечании, как раз об этом. Вот что пишет Голубинский, ссылаясь на Г. Регеля, который опубликовал 6 писем Исидора в своих *Analetica Byzantino-Russica* (Petropoli, 1891). Среди шести писем два были написаны Исидором итальянскому гуманисту XV века Гуарино Гуарини. Регель считал, что и сам Исидор был гуманистом. Из этого Голубинский делает вывод, что Исидор был «человекъ по образу своихъ мыслей, если не совершенный язычникъ, то во всякомъ случаѣ такой христіанинъ, для которого не существовало различія между частными христіанскими исповѣданіями, между православiemъ и латинствомъ».⁸² Голубинский оговаривает, что пока это только предположение. Если такое предположение правильно, то Исидору, конечно, нечего было делать в тогдашней России и лучше уже было бежать в Рим.

Предположение Голубинского повторяет Карташев, в более мягкой формулировке, добавляя, что на соборе Исидор молчал, пока дело шло о догматике, и стал активным, когда переговоры от богословия перешли на вопросы практические.⁸³

Можно заметить попутно, что для современного сознания людей, воспитанных в секуляризованном обществе, приведенные выше высказывания и Карташева, и особенно Голубинского по поводу гуманизма, могут показаться крайне реакционными, но если подумать, что, так называемое, средневековое сознание, при всех несовершенных сторонах жизни того времени, ставило в основу своего миросозерцания и миропонимания Бога, то гуманизм незаметно заменил Бога человеком, а человек этот, того и гляди, по собственному произволу уничтожит землю, созданную Богом.

Уже отмечалось выше, что не только в России, но и в Литве, и в Польше вводить унию было в тот момент невозможно. В Литве и Польше просто по сложившимся тогда обстоятельствам – из-за наличия двух пап и внутренней борьбы в обоих государствах. Для нашей темы главный интерес представляет отношение к унии православных князей, особенно в Литве, где их было больше, и где они еще играли значительную роль. «Православные князья литовские, – пишет Голубинский, – вовсе и не прогоняли отъ себя Исидора, а признавали его за своего митрополита: на это мы имъемъ положительныя доказательства».⁸⁴ В виде доказательств Голубинский приводит уже известную нам грамоту киевского князя Александра Владимировича, данную Исидору 5-го февраля 1441 года, в которой подтверждаются вотчинные права митрополита в киевской области.⁸⁵ Другой православный князь, находившийся в Литве, Юрий смоленский, сын Ольгерда, выдал Исидору епископа Симеона суздальского, бежавшего от Исидора из Венеции в декабре 1439 года.⁸⁶ К сожалению, оба примера, приведенные

Голубинским, относятся ко времени до бегства Исидора из Москвы и осуждения его собором русских епископов (не литовских и польских). Возвратимся к положению в Москве.

После изгнания Исидора надо было думать о новом митрополите, а император Иоанн Палеолог оставался униатом и, после смерти во Флоренции патриарха Иосифа, сумел поставить в патриархи митрополита Митрофана, сторонника унии. Таким образом, создавалось безвыходное положение. Русские знали, что большинство духовенства и народа в Византии противники унии, что под их нажимом не исключена возможность изменения отношения к последней императора и патриарха, но в данный момент как раз император и патриарх оставались униатами. Надо еще учесть, что сведения о положении в Константинополе доходили до Москвы с большим опозданием. Голубинский вполне законно, с точки зрения логики, пишет, что русские, объявив отступником от православия Исидора, должны были объявить отступниками императора и Патриарха. Но можно возразить, что Исидора отступником объявил собор русских епископов – следовательно Патриарха должен был бы объявить отступником собор епископов византийских. Это соображение формальное. Суть же в том, как кажется, что разрыв с патриархом и императором нарушал порядок, в течение долгого периода дававший устойчивость русской митрополии в неустойчивом и раздробленном государстве. Надеяться удержать в русской митрополии литовские и польские епархии можно было только при помощи Византии. В итоге Москва предпочла тактику умолчаний и выжидания. По существу Голу-

бинский понимает это так же: «Они, – пишет он о русских, – нашли исходъ для себя въ томъ, чтобы самимъ поставить себе своего митрополита и чтобы, не разрывая формальнымъ образомъ церковнаго союза съ патріархомъ-уніатомъ, находиться въ фактическомъ съ нимъ разъединеніи или необщеніи».⁸⁷ Поэтому великий князь обратился когда-то в 1441 году (текст послания сохранился, но без даты) к патриарху с просьбой разрешить русским епископам самим выбрать себе митрополита. Послание это довольно обширно и, по мнению Голубинского, написано достаточно грамотно и представляет из себя неплохое литературное произведение.⁸⁸ Основные положения послания таковы. Послание начинается с краткого исторического изложения обстоятельств принятия Россией христианства. Указывается, что до смерти митрополита Фотия русские были непоколебимо православными, что митрополит Исидор был митрополит непрошенный, оказавшийся изменником православию, что великий князь уговаривал Исидора не ехать на Флорентийский собор, и когда тот все-таки решил ехать, то заклинал его не изменять православию. Описывается, как Исидор, явившись легатом папы, был судим собором русских епископов, архимандритов, игуменов и прочих священников. Далее пишется, что ввиду всего этого в Грецию посылаются послы с просьбой разрешить русским самим выбрать митрополита. Далее добавляется, что России нужен митрополит русский по тем соображениям, что при доверительных разговорах великого князя с митрополитом необходимость пользоваться переводчиком неудобна с точки зрения сохранения тайны.⁸⁹ Итак, послание прямо указывает на непри-

нятие Россией унии и косвенно показывает патриарху, что измена православию вынуждает русских просить разрешение избрать самим своего митрополита. Вопрос же о неудобстве пользоваться переводчиком и некоторые, не изложенные выше соображения политического порядка, по общему впечатлению имеют целью смягчить острый вопрос осуждения греков за унию.

Голубинский посвящает несколько страниц разбору послания и его соображения даны нами в очень сокращенном виде. Голубинский считает, что формулировка документа должна толковаться как просьба дать согласие на поставление митрополита самими русскими только для данного случая.⁹⁰ Сведений, во всяком случае точных, о судьбе послания не сохранилось. Об этом пишут и Голубинский, и Карташев.⁹¹ По-видимому, после смерти патриарха Митрофана, умершего 1 августа 1443 года, была вторая, такая же неудачная попытка. Русские решились на самостоятельное, без разрешения Константинополя, избрание митрополита только в декабре 1448 года, что объяснялось так же и смутой в Москве, описанной нами выше. Напомним, что в 1446 году Василий Васильевич был захвачен Шемякой и возвратился в Москву только в феврале 1447 года. Откладывание выбора собственного митрополита, таким образом, вполне понятно. Голубинский объясняет окончательную решимость поставить самим митрополита тем, что в 1448 году появилась опасность нового возвращения Исидора в Россию. При этом Голубинский ссылается на сохранившееся послание униатского патриарха Григория Маммы киевскому князю Александру Владимировичу. Под посланием нет даты, но по содержа-

нию Голубинский датирует его, приблизительно, 1448 годом.⁹²

Поставив сами нового митрополита Иону в Москве, русские хотели оправдать свой поступок канонами, пишет Голубинский. Василий Васильевич отправил императору послание, в котором пишет:

«въэръвше въ божественная и священная правила святыхъ апостоль и святыхъ богоносныхъ отецъ, нужди ради обрѣтохомъ не бронящихъ, но повелѣвающихъ епископы поставити большаго святителя митрополита»⁹³

Позднее, продолжает Голубинский,

«Самъ митрополить... св. Іона въ одномъ изъ своихъ посланій утверждаетъ, что онъ поставленъ на основаніи 1-го правила свв. апостоловъ... и потомъ ссылается на 4-ое правило 1-го вселенскаго собора...⁹⁴

Обе ссылки, как кажется неспециалисту в канонах, касаются выбора просто епископа, а не постановления главы поместной церкви и не введения автокефалии. Но дело тут все в том же нежелании зависеть от патриарха и императора униатов, в то же время сохраняя связи с Византией, вернее, избегая прямого разрыва. Чувствуя слабость канонической аргументации, послание упоминает и об известном уже нам аргументе, что, будто бы Иона, приехав в Константинополь после постановления Иисидора в митрополиты, получил от греков (еще не униатов) обещание быть следующим после Иисидора

ра митрополитом. Снова аргумент не очень убедительный, но показывающий, насколько русским не хотелось разрывать с греками.

Император униат Иоанн Палеолог умер за полтора месяца до поставления Ионы, а его старший брат Константин, занявший престол в начале 1449 года, объявил себя сторонником православия и противником унии.⁹⁵ Однако, новый император терпел еще около двух лет патриарха-униата. Сохранилось еще одно послание к византийскому императору не униату Константину, упомянутому выше, датированное июлем 1452 г. В послании Василий Васильевич снова излагает историю Ионы и Исидора, пишет о попытке поставления нового митрополита в согласии с Константинополем, упоминает о церковных неустройствах в Византии, о трудностях пути из России в Византию, собственных смутах, и в конце защищает свое право: «возрѣвъ въ святыя и божественные правила святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отцевъ, которыя нужды ради (подчеркнуто нами – В.А.) не возбраняютъ, но повельваютъ епископамъ поставить большаго святителя – митрополита...» Затем следует извинение за вынужденный поступок и уверение в своем неизменном признании власти патриарха.⁹⁶ Это послание, по убеждению Голубинского, не было послано, но интересно тем, что и в нем подчеркивается нежелание разрыва с греками. Причиной неотправления послания был, видимо, переход императора Константина в унию перед самым падением Константинополя.

Константинополь пал 29 мая 1453 года. Остался патриарх, но уже не было императора – начался новый период истории вселенской патриар-

хии. Русская Церковь осталась независимой от греков. Начался новый период в истории Русской Церкви. Новый период в истории русского государства начался несколько позднее, с царствования Ивана III (1462-1505 гг.). Митрополит Иона скончался после 12-ти летнего управления Русской Церковью, 31 марта 1461 года, поэтому наше исследование нужно довести до конца управления митрополита Ионы, тем более, что, постоянно возвращаясь к описанию отдельных поступков митрополита Ионы в связи с различными событиями, мы описывали их с точки зрения хода этих событий, а не как последовательное описание деятельности Ионы. Таким образом появились пробелы, которые пора заполнить.

Если перечислить митрополитов русских по крови за период с татарского нашествия по правление митрополита Ионы и исключить время церковной смуты, когда во главе Русской Церкви временно появлялись личности вроде Митяя, умершего в момент прибытия в Грецию для посвящения, то у нас будет четыре имени, четыре значительные личности, управлявшие Русской Церковью приблизительно 80 лет (митрополит Кирилл II, 1249-1281 гг; митрополит Петр, 1308-1326 гг.; митрополит Алексей, 1354-1378 гг. и митрополит Иона, 1448-1461 гг.). Из этих четырех митрополитов митрополиты Петр, Алексей и Иона именуются святителями московскими. Уже было отмечено, что митрополиты Кирилл, Петр и Алексей были южно-русского происхождения – украинцы, по современной терминологии, а Иона – первым митрополитом великороссом.

Иона родился близ города Солигалича, теперь Костромской области, в семье местного вотчинника

«большого или малого», как пишет Голубинский, по имени Федора Одноуша.⁹⁷ В 12 лет будущий митрополит поступил в один из монастырей Галичской области, из которого перешел в московский Симонов монастырь. Ссылаясь на Иосифа Волацкого, Голубинский пишет, что Иона в монастыре боролся за строгую жизнь, «не попущая безчинію и мятежу бывать, за что вмѣстъ съ другими ревнителями принялъ многую скорбь и печаль отъ тогда бывшихъ въ монастырѣ архимандритовъ».⁹⁸ Главным занятием Ионы в монастыре было переписывание духовных книг. Житие отмечает характерный эпизод. Митрополит Фотий, приехав однажды в Симонов монастырь, обходя монастырь, зашел в пекарню и «видѣ сего блаженнаго Іону уснувша отъ великаго воздержанія и отъ прилежнаго труда и молитвы непрестанныя и десную руку на главѣ свой держаше согбену, яко благословяше єю; святитель же со удивленіемъ зряше на нее и не повелъ никому разбудити его и пророчествуя о немъ глаголаше: 'разумѣйте, о чада, яко иною сей Іона будетъ великий святитель во странахъ рускія земли и многи отъ неверныхъ обратить къ Богу и просвѣтить святымъ крещеніемъ и въ разумъ истинный приведеть, напаче же и сему царствующему граду Москвѣ и прочимъ градомъ и всѣмъ (весьмъ?) истинный паstryрь и учитель будетъ'».⁹⁹

Голубинский, по своему обычаю, сомневается в подлинности приведенного выше факта, но, если в нем есть хотя бы только правда литературно-художественная, то можно считать, что строгий монах Иона так укрепил свой внутренний мир, что и во сне продолжал совершать молитвенный и аскетический подвиг; наверное это и почувствовал митро-

полит Фотий, вскоре поставивший Иону в епископы рязанские. Став епископом, Иона начал обращать в христианство инородцев, населявших его епархию. Об этом пишет митрополит Макарий. Рязанская епархия тогда включала и некоторые части позднейших епархий – тамбовской и воронежской – в которых попадались целые селения, населенные мордвой, мещерой и муромой, придерживавшихся идолопоклонства. На них и обратил свое внимание Иона, и многих крестил.¹⁰⁰

Строгая монашеская жизнь и миссионерская деятельность укрепили авторитет рязанского епископа. Недаром он был выдвинут в митрополиты Шемякой, а стал митрополитом при помощи Василия Васильевича. Оба политических врага и соперника, очевидно, одинаково почитали строгого епископа. Кроме того, выдвижение своего, а не греческого кандидата, а затем посвящение его помимо греков, конечно, было делом столь ответственным, что личные качества первого русского митрополита, поставленного русскими епископами, должны были быть выдающимися. Отметим, что это новшество явно смущало часть духовенства; недаром преподобный Иосиф Волоцкий сообщает о преподобном Пафнутии Боровском, своем учителе, что тот не сразу признал Иону митрополитом.¹⁰¹

Если среди московского духовенства могла быть оппозиция против выборов митрополита собором русских епископов помимо греков, то положение в литовских и польско-литовских епархиях должно было быть еще острее. После занятия митрополичьей кафедры, Иона стал заботиться о распространении своей власти на польско-литовскую часть митрополии.¹⁰² В одном из позднейших по-

сланий Иона прямо пишет, что на выборы его в митрополиты было получено согласие польского короля Казимира. Митрополит Макарий полностью приводит это послание Ионы. Вот наиболее важное для нас место этого послания: «... благовѣрный князь великий, Василій Васильевич... о поставлениі въ своей земли митрополита, по изысканію святыхъ правиль, своея земля епископы, и обсылаеть о сихъ брата своего, короля и великаго князя Литовскаго, и тако прошенья волю о поставлениі и грамоты его пріимъ...»¹⁰³

Голубинский считает, что в послании к литовским епископам Иона не мог допустить какой-нибудь неточности потому, что об отношении к Ионе короля Казимира они должны были быть хорошо осведомлены.¹⁰⁴

Выше уже неоднократно упоминалось о сложном положении в Литве и Польше, когда в некоторых случаях литовско-польским правителям надо было опираться на своих православных князей и даже на Москву, с которой то воевали, то мирились. В этом отношении очень важно сообщение Голубинского, что уже через 8 с половиной месяцев после поставления Ионы в митрополиты, 31 августа 1449 года, между королем польским и великим князем московским был заключен мирный договор, при заключении которого крупную роль, по-видимому, играл митрополит Иона. Интересно, что, по данным Голубинского, в договоре упоминается, что в случае споров между «подручниками» короля и великого князя Митрополит должен был быть третейским судьей.¹⁰⁵ Голубинский подчеркивает умение митрополита Ионы ладить с королем Казимиром, и предполагает, что в этом от-

ношении Митрополиту очень помог киевский князь Александр Владимирович, который был женат на сестре московского князя и пользовался влиянием в Польше и Литве между тамошними православными князьями.¹⁰⁶

31 января 1451 г. Казимир признал Иону митрополитом Киевским, но не распространил его власть на Галицию, которая была, как мы знаем, под контролем польской половины королевства. Это снова подчеркивало разницу в положении православных в Литве и Польше. Голубинский предполагает, что в этом случае Казимир действовал под влиянием католического духовенства, которое хотело оставить эту часть королевства за Исидором. Иона, со своей стороны, хотел получить Галицию, но не получил.¹⁰⁷

В литовских епархиях Иона произвел «некоторое очищение» от последствий управления Исидора. Литовский епископ Даниил Владимирский и Брестский был посвящен в Константинополе при униате патриархе Григории Мамме непосредственно Исидором, бывшим в тот момент в столице Греции. Теперь Иона заставил епископа Даниила формально отречься от посвятившего его Исидора, для чего Даниил приезжал в Москву. Текст отречения от униатства епископа Даниила сохранился и, в частности, опубликован у митрополита Макария в VI томе.¹⁰⁸ Известно, что Иона побывал в Литве в 1451 году и посещал ее еще несколько раз.¹⁰⁹ Такое благоприятное для Русской Православной Церкви и для русского государства положение, к сожалению, продолжалось только до середины 1458 года. Дело в том, что Казимир более опирался на Литву, чем на Польшу, и именно поэтому шел на уступки Ионе,

но католики продолжали нажимать на короля и как раз в 1458 году Казимир уступил и отнял у митрополита Ионы литовские епархии. Отметим, что Исидор не поехал в Литву, возможно, чувствуя уже старость. (Умер в 1463 г.). Голубинский по этому поводу пишет, что в своей воображаемой власти над русской митрополией Папа разделил ее на московскую и литовскую часть, с одной стороны, и галицкую, с другой. Московско-литовскую часть он как бы оставил за Исидором, а галицкую в 1458 году реально подчинил ученику и бывшему протодьякону Исидора – Григорию, который тогда числился уже игуменом одного константинопольского монастыря. Посвящен Григорий был в Константинополе патриархом униатом Григорием Маммою.¹¹⁰

Василий Васильевич, узнав о случившемся, отправил послов к польскому королю, убеждая не принимать митрополита униата. Иона, со своей стороны, послал в Литву двух игуменов, убеждая православных твердо стоять за православие, и сам написал послание с той же целью. Когда Григорий появился в Литве, Иона снова обратился с посланием к литовско-русским епископам. Все усилия оказались тщетными. Король предложил Василию Васильевичу самому принять Григория вместо Ионы, ссылаясь на то, что Иона уже старик. Для самой Москвы Григорий не был опасен, но Иона все-таки собрал собор русских епископов в 1459 году и они дали письменное обещание, что останутся верными Ионе и его преемникам и не будут иметь никакого общения с митрополитом униатом. Надо отметить, что на соборе снова, как при выборе Ионы в митрополиты, не присутствовали архиепископ Новго-

родский, тоже Иона по имени, и Тверской епископ Моисей. В отношении Моисея Голубинский предполагает, что это объясняется старостью епископа, а об Ионе Новгородском, очевидно, правильно предполагает, что с 1456 года, когда в связи с борьбой с Шемякой Василий Васильевич ходил на Новгород и заключил с новгородцами мир, обозначавший начало подчинения Новгорода Москве, это вызвало недовольство новгородцев и заставило Новгородского архиепископа как-то показывать свою независимость в отношении Москвы. Оба факта показывают, конечно, что опасность со стороны Литвы не миновала и с ней все время приходилось считаться даже такому сильному митрополиту, как Иона, тем более, что в это время уже не существовало Византии, которая могла помочь в трудную минуту.¹¹¹

Принятіе литовскими русскими митр. Григорія не имѣло своимъ слѣдствіемъ того, – пишет Голубинский, – чтобы между ними водворилась Флорентійская унія, но оно имѣло своимъ слѣдствіемъ . . . что русская церковь весьма на долгія времена раздѣлилась въ церковно-административномъ отношеніи на двѣ особыя половины . . . съ этого митрополита-уніата начался въ литовской Руси непрерывный рядъ отдельныхъ православныхъ митрополитовъ.¹¹²

Добавим, что это было время начала образования различий между тремя ветвями русского народа: великороссами, малороссами (украинцами) и белоруссами, различий, на которых стараются играть все враги России, пытающиеся расчленить ее

снова на отдельные части. Подчеркнем, что деление политическое предшествовало делению церковному, а православие в Литоеско-польском государстве так никогда и не было полностью сломлено, хотя попытки окатоличивания населения при помощи унии не прекращались, а все время постепенно увеличивались. Попытки эти были более успешны именно в Галиции, которая первая попала под непосредственный контроль польского католического государства. Вопрос этот в той же Галиции остро стоит и в настоящее время. К несчастью для православной России, Галиция была присоединена к русскому государству только после победы атеистического коммунизма, поставившего своей целью создание государства нового типа, принципиально противоположного идеалам исторической России.

Голубинский высказывает мысль, что фактическая автокефалия Русской Православной Церкви не продолжалась бы после смерти митрополита Ионы, если бы не пал Константинополь и если бы перед его падением не было унии. В этом пункте Голубинский возражает тем исследователям, которые полагают, «что тогда вполнѣ созрѣли у Русскихъ мысль и желаніе доставить своимъ митрополитамъ фактическую независимость отъ патріарховъ»¹¹³ Голубинский, наверное, прав – именно сочетание духовной власти патриарха и светской власти императора создавали авторитет Константинополя, и замена православного императора султаном-магометанином в качестве главы государства вкорне меняло всю историческую перспективу. Именно идея всемирного православного монарха, защитника и покровителя вселенского правосла-

вия, находящегося в симфонически-гармонических отношениях со вселенским православным патриархом, и пленяло воображение русских людей, и удерживало, помимо вполне практических политических выгод, Русскую Православную Церковь под властью греков. Когда же Царьград стал Стамбулом, ни о какой симфонии не могло быть речи и историософская мысль постепенно увидела возможную замену второму Риму в Риме третьем, в Московском государстве, наконец окрепшем во время правления Ивана III. Тут дело шло, в первую очередь, не о московском империализме, который мог появиться позднее, а о мечте о вселенском объединении вокруг вселенского православного царства, сначала греческого, а теперь славянского – если угодно, о православном «коммюнвелте», о котором пишет о. Иоанн Мейендорф, невозможном с полукатолическим Польско-литовским государством, но возможном в масштабе вселенском.

Митрополит Иона умер 31 марта 1461 года в глубокой старости, после 12-ти лет правления Русской Церковью. В 1472 году, при перестройке московского Успенского собора, были обретены его нетленные мощи, после чего и великий князь Иван Васильевич, и митрополит Филипп установили ему местное празднование. Торжественное юбилейное празднование было установлено уже при царе Иване Грозном митрополитом Макарием в 1547 году.

**МОСКОВСКАЯ СМУТА
МИРОПОЛИТЫ ИСИДОР И ИОНА
АВТОКЕФАЛИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.
ПРИМЕЧАНИЯ**

1. С.М. Соловьев, Т. 4, стр. 399; Н.М. Карамзин, Т. V, стр. 165.
2. С.М. Соловьев, там же.
3. Там же, стр. 392.
4. Там же.
5. Там же, стр. 394.
6. Там же, стр. 395-396.
7. Там же, стр. 397.
8. Там же, стр. 398.
9. Там же, стр. 399.
10. Там же, стр.403.
11. Там же, стр. 407. Здесь Соловьев почти дословно повторяет текст Патриаршей или Никоновской летописи. Полное собрание русских летописей, Т. XII, стр. 69.
12. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XII, стр. 69.
13. Там же.
14. Там же, стр. 71
15. С.М. Соловьев, Т.4, стр. 408.
16. Там же.
17. Там же, стр. 410.
18. Там же, стр. 412.
19. Там же, стр. 413.
20. Там же.
21. Там же, стр. 414.
22. Там же.
23. Там же, стр. 415.
24. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XII, стр. 109.
25. Н. Карамзин, Т. V, стр. 212.
26. С.М. Соловьев, стр. 417.
27. Там же, стр. 422.
28. Там же.
29. Там же, стр. 423-424.
30. Митрополит Макарий, Т. 6, стр. 32-33.
31. Е. Голубинский, стр. 415.

32. Там же, стр. 416.
33. Митрополит Макарий, Т. 6, стр. 9.
34. А. Карташев, стр. 348.
35. С.М. Соловьев, стр. 435.
36. Там же, стр. 577. Н.М. Карамзин, Т.5, стр. 172.
37. Е. Голубинский, стр. 419-420.
38. Там же, стр. 424.
39. George Ostrogorsky. «History of the Byzantine State,» transl. from the German. Revised ed., 1969. (New Brunswick, New Jersey— Rutgers University Press, с 1969) стр. 561-562.
40. Митрополит Макарий, Т. 4, стр. 107.
41. А. Карташев, стр. 360-361.
42. Е. Голубинский, стр. 483.
43. Там же, стр. 428.
44. Там же.
45. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XII, стр. 23.
46. Там же, стр. 24.
47. Е. Голубинский, стр. 430-431.
48. Митрополит Макарий, Т. 5, стр. 348.
49. Там же, стр. 349-350.
50. Там же.
51. Там же, стр. 367.
52. Там же, стр. 365. Примечание № 423.
53. Там же.
54. А. Карташев, стр. 350.
55. Там же.
56. Там же, стр. 351.
57. Там же.
58. Там же.
59. Е. Голубинский, стр. 443.
60. Митрополит Макарий, Т. 5, стр. 372.
61. Е. Голубинский, стр. 444.
62. Там же, стр. 444, Примечание №1
63. Там же, стр. 444-445.
64. Там же, стр. 448-449.
65. Там же, стр. 449.
66. Там же, стр. 450.
67. Там же. стр. 448-449.
68. Там же, стр. 450.

69. Там же, стр. 451 и примечание ном. 2 на той же странице.
70. Там же, стр. 452-453.
71. Там же, стр. 453.
72. Там же. Также Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XII, стр. 41.
73. Е. Голубинский, стр. 453.
74. А. Карташев, стр. 356.. Карташев не указывает из какой летописи взята цитата, но в Патриаршей или Никоновской летописи, на стр. 41 имеется этот же текст, несколько сокращенный А. Карташевым в приводимых им выдержках.
75. Е. Голубинский, стр. 454-455.
76. Там же, стр. 455-456.
77. Там же, стр. 456-457.
78. Патриаршая или Никоновская летопись, Полное собрание русских летописей, Т. XII, стр. 41.
79. Е. Голубинский, стр. 457.
80. Там же, стр. 425.
81. Там же, стр. 458.
82. Там же, стр. 442, Примечание ном. 3.
83. А. Карташев, стр. 353.
84. Е. Голубинский, стр. 450.
85. Там же.
86. Там же, стр. 451.
87. Там же, стр. 470.
88. Там же, стр. 473.
89. Там же, стр. 473-474.
90. Там же, стр. 475.
91. Там же, стр. 475. А. Карташев, стр. 358.
92. Е. Голубинский, стр. 480.
93. Там же, стр. 482.
94. Там же.
95. Там же, стр. 485.
96. Там же, стр. 486-488.
97. Там же, стр. 488.
98. Там же, стр. 489.
99. Там же.
100. Митрополит Макарий, Т. 6, стр. 8.
101. Е. Голубинский, стр. 490. Интересно, что в этом случае, помимо Голубинского, можно сослаться и на советское издание, на «Послания Иосифа Волоцкого» (Москва: Академия Наук СССР, 1959) стр. 191.

102. Е. Голубинский, стр. 491.
103. Митрополит Макарий, Т. 6, стр. 366, Приложение ном. I.
104. Е. Голубинский, стр. 491-492.
105. Там же, стр. 492, Примечание ном. 1.
106. Там же, стр. 492-493.
107. Там же, стр. 493.
108. Митрополит Макарий, Т. 6, стр. 373-376, Приложение ном II.
109. Е. Голубинский, стр. 499.
110. Там же, стр. 504.
111. Там же, стр. 506-507.
112. Там же, стр. 507.
113. Там же, стр. 508.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ammann, Albert M. «Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte», Wien: Thomas Morus Presse im Verlag Herder, 1950.
2. Вернадский, Г.В. (Vernadsky, George). «A History of Russia» V. 3: The Mongols and Russia. New Haven: Yale University Press, с1953; third printing 1963.
3. Вернадский, Г.В. «О составе Великой Ясы Чингиз Хана». С приложением глав о Ясе. Из Истории Джувейни в переводе В.Ф. Минорского. Выпуск первый серии Г.В. Вернадского – Исследования и материалы по истории России и Востока. Bruxelles: Les Editions Petropolis, Imp. Gelezniakoff, 1939.
4. Голубинский, Е. «История русской церкви» Т. 1, Періодъ Первый: Київський или домонгольський; первая половина тома. Москва: Унів. тип., 1901. Перепечатано с оригінального изд-ния в Ann Arbor, Mich.: University Microfilms, 1964.
5. Голубинский, Е. «История русской церкви». Т. 2, Пе-ріодъ второй: Московский – отъ нашествія Монголовъ до митрополита Макарія включительно; первая половина тома. Москва: Унів. тип., 1900. Перепечатано с оригинального изд-ния в Ann Arbor, Mich.: University Microfilms, 1964.
6. Грамота цареградского патріарха (Николая Муцалона) къ новгородскому епископу Нифонту. См. Митрополит Макарий. «Історія русской церкви». Т. 3, приложеніе. 1: Грамота цареградского патріарха (Николая Муцалона) къ новгородскому епископу Нифонту.

7. Греков, И.Б. «Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв.» Москва: Изд-во восточной лит-ры, 1963.
8. Греков, И.Б.; Шахмагонов Ф.Ф., «Мир истории: Русские земли в XIII-XV веках». Москва: Молодая гвардия, 1986.
9. Гумилев, Лев Николаевич. «Поиски вымышленного царства: легенда о 'Государстве пресвитера Иоанна'». Москва: Наука, 1970.
10. Житія св. Петра – митрополита и самый текстъ одно-го изъ нихъ, напис. епископомъ Прохоромъ. См. Митро-полит Макарий. «История русской церкви». Т. IV, при-ложение ном. 3: Житія св. Петра-митрополита и самый текстъ одного изъ нихъ, напис. епископомъ Прохором.
11. Зернов, Николай Михайлович. «Русское религиозное возрождение XX века». Перевод с английского, Paris: YMCA-Press, 1974.
12. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Москва: Наука, 1966.
13. Карамзин, Николай Михайлович. «Історія Государства Россійскаго». Т. 4-5. С.-Петербург: Изд. Евг. Ев-докимова, 1892. Перепечатка – The Hague Mouton, 1969 Серия: Slavic Printings and Reprintings, 189/4-5.
14. Карташев, Антон Владимирович. «Очерки истории русской церкви». Т. 1-2. YMCA-Press, 1959.
15. Ключевский, Василий Осипович. «Значеніе Преподобного Сергія для русского народа и государства. New York: Епархиальное изд-во, 1954. Серія 1, вып. 1.

16. Ключевский, Василий Осипович «Сочинения». Курс русской истории. Т. 2, ч. 3. Москва: Социально-экономическое изд-во, 1937.
17. Книга Правилъ Святыхъ Апостоль, Святыхъ Соборовъ Вселенскихъ, и Поместныхъ и Святыхъ Отецъ. Съ пояснительными примѣчаніями, составленными протопре-свитеромъ Георгіемъ Граббе. Изд. Братства преп. Іова Почаевскаго въ Монреалѣ Русской Православной За-рубежной Церкви, 1971.
18. Прот. Мейендорф, И. (Meyendorff, Jean). «Byzantium and the Rise of Russia: A Study of Byzantino-Russian Relations in the Fourteenth Century.» Cambridge— Cambridge University Press, 1981.
19. Митрополит Макарий. Исторія русской церкви. Т. III-VI. Санкт-Петербург: Тип. Р. Голике, 1886-1888. Авторизованная перепечатка оригинальн. издания – Ann Arbor, Mich.: University Microfilms, 1965. Т. III, изд. 3-е, 1888; Т. IV, кн. I, 1886; Т. V, кн. II, 1886; Т. VI, изд. 2-е, кн. I, 1887.
20. Митрополит Макарий. «Исторія русской церкви». Т. III, изд. 3-е. Приложение ном. 1: Грамота цареградского патріарха (Николая Музалона) къ новгородскому епи-скопу Нифонту. Санкт-Петербургъ, Тип. Р. Голике, 1888. Авторизованная перепечатка оригинального издания – Ann Arbor, Mich.: University Microfilms, 1965.
21. Митрополит Макарий. «Исторія русской церкви». Т. IV, приложение ном. 3: Житія св. Петра-митрополита и самый текстъ одного изъ нихъ, напис. епископомъ Прохоромъ. Санкт-Петербургъ: Тип. Р. Голике, 1886. Авторизованная перепечатка оригинального издания – Ann Arbor, Mich.: University Microfilms, 1965.

22. Оболенский, Димитрий (Obolensky, Dimitri). XI. «A Philorhomaios anthropos: Metropolitan Cyprian of Kiev and all Russia (1375–1406)». Dumbarton Oaks Papers # 32. (Washington D.C., 1978). In his «The Byzantine Inheritance of Eastern–Europe». London: Variorum Reprints, 1982.
23. Острогорский, Георгий (Ostrogorsky, George). «History of the Byzantine State»; transl. from the German. Revised ed. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1969.
24. Пашуто, В.Т. «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Москва: изд-во Академии Наук СССР, 1950.
25. Платонов, С.Ф., «Учебник русской истории для средней школы: курс систематический». Ч.1. Прага: Пламя, 1925.
26. «Повесть временных лет. Статьи и комментарии Д.С. Лихачева»; под ред. В.П. Адриановой-Перец. Москва: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.
27. «Послания Иосифа Волоцкого». Москва: Академия Наук СССР, 1959.
28. Пресняков, А.Е. «Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII-XV столетий». Петроград, 1918.
29. Приселков, М.Д. «Троицкая летопись; реконструкция текста». Москва: Изд-во Академии Наук СССР, 1950.
30. Прохоров, Г.М. «Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы». Ленинград: Наука (Ленинградское отделение), 1978.

31. «Троицкая летопись», см. Приселков, М.Д. «Троицкая летопись».
32. Соловьев, С.М. «История России с древнейших времен». Кн. II, Т. 3-4. Москва: Изд-во Социально-экономической лит-ры, 1960.
33. Тальберг, Н. «История Русской Церкви». Jordanville, N.Y.– Holy Trinity Monastery, 1959.
34. Татищев, В.Н. «История российская». Т. 5. Москва: Наука, 1965.
35. Тихомиров, М.Н. «Исторические связи России со славянскими странами и Византией». Москва: Наука. 1969.
36. Васильев, А.А. (Vasiliev, A.A.) «History of Byzantine Empire, 324– 1453». Madison– The University of Wisconsin Press, 1952.
37. Власовський, Іван (Vlasovs'kyi, Ivan). «Outline History of the Ukrainian Orthodox Church». New York– Ukrainian Orthodox Church of USA, 1956.

ЛЕТОПИСИ

1. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предислов. А.Н. Насонова. Москва: Изд-во Академии Наук СССР, 1950.
В работе использована Новгородская первая летопись младшего извода.
2. Полное собрание русских летописей. Патриаршая или Никоновская летопись. Москва: Наука, 1965.
Воспроизведение текста Т. IX с издания 1862 г.; Т. X с издания 1885 г.; Т. XI с издания 1897 г.; Т. XII с издания 1901 г..
3. Полное собрание русских летописей. Т. XV (выпуск 1). Рогожский летописец. Москва, Наука, 1965.
Воспроизведение текста 1 вып. XV тома с издания 1922 г.
4. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Тверской сборник. Москва: Наука, 1965.
Воспроизведение текста Т. XV с издания 1863 г.
5. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. Москва: Изд-во Академии Наук СССР, 1949.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Василий Иванович Алексеев родился в 1906 г. во Владимире. Семья вскоре переехала в Москву. В 1930 г. В. Алексеев окончил Московский Государственный Университет, специализируясь по русской истории. В том же году он был арестован по обвинению в создании контрреволюционной организации, фактически религиозно-философских кружков, и приговорен к пяти годам концентрационного лагеря. Освободившись в 1934 г., работал в научных учреждениях по договору. В 1941 г. был мобилизован. В 1942 г. попал в плен. С 1951 г. живет в США. С 1955 г. по 1975 г. преподавал в Университете Миннесоты, где в 1967 г. получил докторат по русской истории. Докторская диссертация на тему о Русской Православной Церкви на оккупированной немецкой армией территории (1941-1945 гг.) позднее была опубликована в несколько измененном виде совместно с профессором Феофаном Ставру под заглавием – «The Great Revival. The Russian Church under German Occupation», by Wassiliij Alexeev and Theofanis G. Stavrou, Minneapolis, Minnesota, Burgess Publishing Co., 1976, 229 р.

Русская версия вышеуказанной книги была опубликована в журнале «Русское Возрождение» в ном. 11, 12 за 1980 г.; ном. 13, 14, 15, 16, за 1981 г.; в ном. 17, 18 за 1982 г., Нью Йорк, Н.Й.

Кроме этого были опубликованы следующие книги:

1. «Невидимая Россия», Издательство имени Чехова, Нью Йорк, 1952 г., 405 стр.

2. «Россия солдатская», Издательство имени Чехова, Нью Йорк, Н.Й. 1954 г., 343 стр.
3. «Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941-1953»— Material for the History of the Russian Orthodox Church in the USSR, Mimeographed Series # 61, Research Program on the USSR, New York, 1954, 163 р., по-русски.
4. «The Foreign Policy of the Moscow Patriarchate, 1939-1953»— Materials for the History of the Russian Orthodox Church in the USSR, Mimeographed Series # 70, Research Program on the USSR, New York, 1955, 238 р., по-русски.

В следующих журналах был опубликован ряд статей и рецензий В.И. Алексеева: «Возрождение» (Париж), «Irenicon» (Chevetogne, Belgium); «The Slavic and East European Journal», Urbana, Ill., USA; «Eastern Churches Review», Oxford, England; «Новый Журнал», Нью Йорк; «Русское Возрождение», Нью Йорк; «Religion in Communist Land» Keston, Kent, England; «Записки Русской академической Группы в США», Нью Йорк.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	7
Митрополит Кирилл (1249-1281)	33
Митрополит Максим (1283-1305)	52
Митрополит Петр – Святитель Московский (1308-1326)	59
Митрополит Феогност (1327-1353)	78
Митрополит Алексей (1353-1378)	90
Двенадцатилетняя смута в русской митрополии и митрополит Киприан	125
Конец церковной смуты. Митрополит Киприан в Москве (1390-1406)	187
Митрополит Фотий (1408-1431)	200
Московская смута. Митрополиты Исидор и Иона. Автокефалия Русской Православной Церкви	235
Библиография	300
Летописи	305
Краткая биография	306

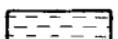
Территория Московского княжества в 1300 г.

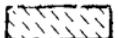
Присоединения 1300–1340 гг.

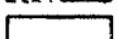
Границы территории Московского княжества при Иване Калите (с включением временно зависимых земель)

Присоединения 1340–1389 гг.

Присоединения 1389–1425 гг.

Присоединения 1425–1462 гг.

1302 Годы присоединений

Совместные владения Москвы и Новгорода Великого (до присоединения их к Московскому княжеству)

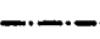
Территории, сохранявшие местное самоуправление

Территория Верховских княжеств, временно переходивших в подданство Москве

Место Куликовской битвы

Границы Великого княжества Московского и его соседей в 1462 г.

ОБЪЕДИНЕНИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ вокруг МОСКВЫ в XIV—середине XV вв.

